

Иг😊рь Ушак😊в

😊хАльные
ПОЭМЫ

San Diego
2013

Игорь Ушаков

Дизайн обложки Святослава Ушакова

Художник: Святослав Ушаков

Copyright © 2013 by Igor Ushakov

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ

АРГОНАВТЫ	7
ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА	89
ЭХ, ЭДИП, ТВОЮ МАТЬ!.....	117
КРИТСКИЙ ЭПОС	145
ГОМЕРИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ.....	155

БИБЛЕЙСКИ БАЙКИ

НОЕВ КОВЧЕГ	183
ЖИТИЕ АВРААМА И ПЛЕМЯННИКА ЕГО ЛОТА	198
БЕЗЫСХОДНЫЙ ИСХОД.....	228
ДАВИДАДА.....	259

КОЕ-ЧТО ИЗ КЛАССИКИ

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ.....	281
ТОНКИЙ ХОД ДОНА КИХОТА	283
СТРАДАНИЯ СТАРОГО ВЕРТЕРА	288

Игорь Ушаков

От автора

Прежде всего, мне хочется просить прощения у тех, чьи религиозные чувства я смог нечаянно задеть: это древние греки, иудеи, христиане (возможно, в первую очередь, ортодоксальные). У меня есть одно лишь оправдание: у них есть свобода веры, у меня же – свобода неверия...

Лавры и тернии украшают чела либо императоров, либо мучеников (по принадлежности). Ни к тем, ни к другим я себя не отношу. Однако хочется надеяться, что благодарный (равно как и неблагодарный) читатель отзовется похвалой (лавром) или хулой (тернием).

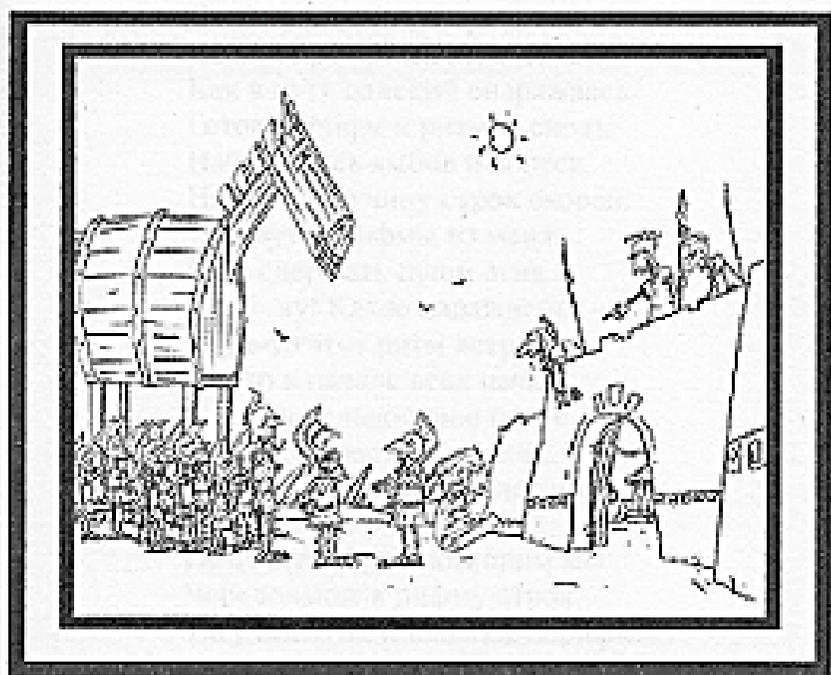
А хулой ли не отозваться? А похвалой ли не наградить?

Так вот, емельте по адресу igusha22@gmail.com. Вам даже трудно представить, сколь приятен вдали от Родины этот целительный бальзам общения – будь он горек или сладок, неважно...

Извините за внимание, как говаривал один из тех, кто хотел, как лучше...

И. Ушаков
Сан-Диего, Калифорния.
2012.

Речекки

Мифы

Игорь Ушаков

АРГОНАВТЫ

Прилюдный прелюд

Я долго медлил, не решаясь
Начать про аргонавтов петь...
Как в путь далекий снаряжаясь,
Готовил рифм и ритмов снедь.
Набравшись ямбов и хореев,
Нырнул в пучину строк скорей...
Уж рвутся рифмы из меня,
И не сдержать души огня.
Но – чу! Какое наважденье –
Я где-то этот ритм встречал,
Где-то в начале всех начал...
Я помню сладостное пенье,
Стихи о страсти и о неге...
Ну, да! Конечно же «Онегин»!
Нет, господа, не повторим мы
Чередованье в рифму строк,
Тягучий стих и плавность рифмы...
Сознаюсь, я бы и не смог.
Надеюсь, вы б меня простили
За вольность и погрешность стилия.
Но моему сюжету, право,
Нужна бы погрубей оправа.

Да, тема у меня иная –
Не про дворянское собранье,
А Древней Греции сказанья
Да байки про народ Синая.

И чтобы убежать греха,
Уйду от этого стиха.

Игорь Ушаков

Афамант и Нефела

Теперь начну писать я смело
Про Афаманта и Нефелу.

В древнегреческую старь
Жил да был однажды царь.
Был он ветреный мужчина –
Так положено по чину:
Ведь Эол, его папаша,
Был Министр Ветров тогдашних.
Царь тот – звали Афамант –
Скажем прямо, был шармант.
Бабы все с ума съезжали
И от страсти аж визжали.
Но где мужская красота,
Там в черепушке пустота...
От жены своей Нефелы
Фрикса он имел и Геллу.

Сообщим вам, что жена
У него была важна:

Ей удел был дан таков –
Быть Богиней Облаков.
А поэтому Нефела
От ветров всегда фигела.
(Там, где облако – там ветер.
Так всегда на белом свете!)

Афамант хоть был и глуп,
Вхож был в Олимпийский Клуб.
Был охоч до баб он очень,
Словом, сексозабочен.
И пока жена Нефела
Дома за детьми смотрела,

Наш пострел уже успел
Натворить амурных дел.

На одной из вечеринок
Встретил он красотку Ино.

Как ведут себя засранцы?
Танцы-шманцы-обжиманцы...
А на следующей неделе
Объявил своей Нефеле,
Что отныне от ворот
Ей показан поворот.

Был потом с полсотни лет
На слуху такой куплет:
«Афамант свою старуху
Поменял на молодуху.
Это не чужачество,
А борьба за качество».

Откуда есть пошло Золотое Руно

Цель возникла у царицы:
Заставить мужа покориться.
Афамант чтоб был покорней –
Подрубить Нефелы корни.

Влезши в царскую кровать,
Начала интриговать,
Грязное замыслив дело:
Изничтожить Фрикса с Геллой.

(Гот сюжет и без подсказки
Нам знаком из русской сказки:

Игорь Ушаков

Узнаём определенно
Мы Иванушку с Алёной.

И снова мачеха-яга
Вьет шпагат из мужика!)
В наше время быть б беде –
Под рукой эНКаВеДе,
Ну, а грекам не удел
Беспричинный беспредел.
Грекам очень нужен
Убедительный резон.

И мозгой раскинув, Ино
Что придумала, вражина!
Перед самой посевной
Фонд стравила семенной.
Все поля зерном засеяв,
Греки ждут, а всходов нет!
Ну, не Эллада, а Расея –
Куды ни кинь – все беспросвет!

Мы же знаем по себе –
Не перечим мы судьбе:
Вечно мы в пучине бед:
То зимою снега нет,
То мороз придет весной,
То в июле дикий зной,
То дождище льет к уборке...
Бог карает – он же зоркий:
Значит, где-то мы грешим
Иль в стране не тот режим.

И народ, естественно, ропщет,
Валит к мэрии на площадь:
«Что ж мы будто кура вощип!
Обещали нам пир духа,

А приперла голодуха?»
Видя, как страна нищает,
Афамант послал послов:
«Что там Пифия вещает?
Ждем ее вещунных слов!»

Но тех послов перехватив,
За тридцать драхм их всех купив,
Ино им велит принести
Для царя такую весть:
«Мол, сказала миссис Пиф,
Чтоб вернуть богатство нив,
Нет иного нам пути,
Как Фрикса в жертву принести.
Только кровь его пролив,
Мы вернем богатство нив!»

Да, взятки лучше средства нет!
На том стоит весь белый свет.
За тридцать серебряных монет
Послы дают царю совет.

Делать неча... Хошь не хошь,
А сынка под нож положи!
Вот уже и Фрикс на плахе,
Из толпы уж «охи-ахи»...

Вострый нож готовит жрец,
Ждет заклания юнец...
Но не дремлет и Нефела,
Вмиг спасенье углядела:

Шлет, как молнию, она
Златорунного овна.
И на том баране смело
Унеслись и Фрикс и Гелла.

Игорь Ушаков

Но пока неслись над морем
Приключилось с ними горе:

Гелла, видимо от страха,
В море шмякнулась с размаху.

(Геллиспонтом это море
Обозвали греки вскоре.)

Как же это, блин, Нефела
Дочь свою не доглядела?!

Приземлился тот баран
Вдалеке от гречких стран,
Где-то около Сухуми
Или, может быть, Батуми.
Правил там уж много лет
Гелиосов сын Эет.
Был он истинный грузин
Этот Бога Солнца сын!
Фрикса встретил, как родного,
Нарядил его в обновы,
И еще не спала ночь
С ним спала царева дочь...

Ну, конечно, царь привык
Подносить гостям шашлык.
Так что тот баран золотой
Стал бараниной простой!
И под это угощенье
Пьют «Само» и «Ахашени»,
«Мукузани»-«Саперави».
Пьют за встречу и за здравье.

Ну, конечно, не иначе –
Не забыли и про чачу.

Тост сменяет новый тост:
«Дарагой Фрыкс, буд май гост!»

Шкура ж желтого овна
Тоже стала им нужна:
Золотое, блин, Руно
Называется оно.

Нотабене:

А каб не было б руна,
И поэма б не нужна!

Ясон, сын Эсона

Правил мирно царь Эсон.
Ну, не жизнь, а сладкий сон!

Так размяк тот старый лох,
Что застигнут был врасплох.
И откуда ж горю браться?
Ясно – от родного братца!

Люди охнуть не успели,
Заграбастал царство Пелий,
Сын внебрачный Посейдона
(Мать одна у них с Эсоном).

Посейдон – Морской Министр
Был в своих решеньях быстр.
Со своим трезубцем острым
Был страшней, чем Коза Ностра.
А особенно девицам –
Ну, хоть прямо удавиться!

Игорь Ушаков

Как взмахнет своим трезубцем,
Как ощерит злобный лик –
И невинности презумпций
Лишена девица вмиг...

И глядишь уж в одночасье
Беспорочное зачатъе.

Ну, и братец у Эсона
Был такого же фасона:
Пелий весь пошел в отца –
От макушки до конца:

Размышление к информации:

Словом вера – это вера,
Но Боги все грешат без меры.
Каждый бог являл примеры
Рядового адюльтера.
У Богов свои привычки –
Баб иметь под видом птички.

Иегова и Зевес –
Вот образчики повес:
В бороденку серебро,
Ну, а бес – тудыть, в ребро!

Правда, говорят, что Будда
Был рожден совсем без блуда
Мать его во время сна
Узрела белого слона...
Слон же – это вам не птица...
Как там все могло случиться?
Лебедь, голубь
С бабой голой...
Но, ребята, для слона
Баба та еще нужна!

Вот не знаю, Магомет
Был грешно рожден аль нет.

Божий лес генеалогий –
Темный лес гинекологий.

Но блуждая в темноте, мы
Отошли от нашей темы...
Ну, конечно, в самом деле,
Стоит ли деталей Пелий,
И его происхождение,
И процесс богорожденья?

Итак, Эсонова судьбина –
Стал обычным гражданином.
Но и тем был счастлив он,
Что не был головы лишен.

Вскоре у жены Эсона
Сын родился (звать Ясоном).

Обуял Эсона страх
(Он всегда боялся плах):
Страх был, несомненно, ясен:
Сын его, малец, Ясон,
Был для Пелия опасен,
И даже более – страшон.
Усекаете момент?
На престол он претендент!

Объявил толпе Эсон
Будто сын мертворожден.
И чтоб поверил в это Пелий,
В церкви отрока отпели...
Сына ж ночью тихой, темной

Игорь Ушаков

Снес Эсон в приют укромный,

В рощу благородных лавров,
Где жила семья кентавров.

Полулюди-полукони
Жили мирно и спокойно,

В стойле был уют домашний,
Все ишачили на пашне,
В выходные – по грибы...
Гнули день и ночь горбы!

Их глава – старик Хирон
Был хорош со всех сторон:
Семьянин, мудрец, старатель
Был колхоза председатель.

И конечно, не напрасно
Выбран был единогласно.

Да будь он чистая конина,
Я б ему оставил сына!
Так решил и наш Эсон –
Заменял отца Хирон.

Авторская сожалежка:

Вижу я, что с этих пор –
Рифм простейших перебор
Все «Эсон», «Ясон», «Хирон»...
А пошел бы на хрен он!
Но сюжет не мной написан,
В том основа компромисса:
Чтобы не нанести урона –
Хрен с ним! – с мудрецом Хироном.

Мальчик рос, здоров, упитан
Образован и воспитан.
Был красив, учтив, и статен,
И по-светски был галантен.
Он, как юный пионер,
Был кентаврам всем пример.

Как-то бедная старушка
Пересечь должна речушку.

Ан – красавец тут как тут:
«Что, бабуля, берег крут?»
Перенес ее чрез реку,
Как и должно человеку.

Правда, потерпел урон –
Туфель в речке утоплён.
Он заметил: «Вот, едрит...!»
А старушка говорит:

«Хошь в замену Мерседес?» –
«Нет, бабуля, здесь же лес!» –
«Хочешь дачу под Москвой?» –
«Мне здесь хватает с головой!» –
«Хочешь бабок полны грабки?» –
«А на кой мне эти бабки?» –
«Будешь жить, как новый русский!» –
«Что я, блин, мозгами узкий?»
Мне с мозгами повезло,
А ты суешь одно фуфло!»

За личиной бабки серой
Пряталась Богиня Гера.
Так проверила Ясона,

Игорь Ушаков

Что и вправду он – персона!
И решила мира мать
Парню в жизни помогать.

Жил Ясон не зная горя,
Но кентаврихи с подворья –
Молодые кобылицы –
Стали просто белениться.
Он им повод не давал,
Но они на сеновал
Затащили раз парнишку...
Он решил, что это слишком,

И что есть мочи возопил:
«Я же вам не зоофил!
Скорей вам нужен Минотавр,
Он зеркальный вам кентавр –
У него коровья морда,
А внизу – мужичья гордость!»

Тем он у молодых кобыл
Остудил любовный пыл.

Но вот пришла пора Ясону
Покидать кентаврию зону.

Погрустил Хирон немного,
Но собрал его в дорогу.

Под веселые литавры
Сквозь развесистые лавры
Повели его кентавры.
Проводили до опушки
Молодухи и старушки,
И кентавры-октябрюта,

И комсомольцы-жеребята,
Старики и молодежь –
Всем Ясон для них хорош!
Кинул он тот мир кобылий...
А ведь как его любили!

Дранг нах Остен

Шел Ясон и очень скоро
Он пришел в родимый город.
В городе, где правил Пелий,
На Ясона все глядели,

Бормоча: «Уж нешто сон?
Это ж молодой Эсон!»

Парень – в грязь лицом не вдарь! –
Зычно кликнул: «Кто тут царь?!»

Замцаря пошел скандалить:
«Ты-то, кто в одном сандале?» –

«Я Ясон, Эсонов сын!»
Замцаря сомлел: «Ну, блин...»

«Хватит, долго мы терпели,
Как бесчинствует царь Пелий.
Ведь по праву этот трон
Должен я иметь, Ясон!»
Замцаря, утря ноздрю,
Говорит: «Айда к царю...»

Увидал Ясона Пелий,
Аж заушины вспотели:
«Времена пошли не те –

Игорь Ушаков

Парень-то в одной лапте!
Помню, мне вещал оракул,
Чтоб не лез с таким я в драку.
А в одной лапте Ясон –
Значит в руку ентот сон!»
Но не подавая виду:
«Не держи, сынок, обиду!

Мне корона не нужна,
Даже тягостна она.
Править мне совсем невмочь...
Но прошу тебя помочь:
Стреловержец Аполлон
На меня катит баллон.
Говорит ему нужно
Золотое, блин, Руно.

Я же стар в поход идти.
На тебе сошлись пути!
Я клянусь тебе заранее:
Шкуру привезешь баранью,
Возверну тебе я власть,
Вот тогда на трон и влазь!»

Ну, скажите, в самом деле,
Не простецкий парень Пелий!
Не башка, а Моссовет:
Дал отличнейший ответ –
Вроде «да», а вроде «нет»!

Поборов тоску-кручину,
Подобрал Ясон дружину:
Все четыре сына Леды
Жаждают вкус понять победы.

Историческая напоминалка:
Вспомним Зевса мы при сем:

Притворившись гусем,
Обманул хитрюга девку –
Вот вам Кастор с Полидевком!

Костолом-силач Тесей,
Гитарист-певец Орфей,
Сын Борея, юный Зет,
Теламон, Анкей, Адмет...
Даже сам Геракл почтил
Цвет вооруженных сил.

Собрались на толковище –
Средь себя главкома ищут.
Весь народ стоит горой
За Геракла – он ж герой!

Информация к размышлению:

Есть в верхах такое мнение:
Даже Брежнев при сравнении
При своих пяти звездах
Остается на задах.

Вот ведь греческий спецназ
Был герой двенадцать раз!
И к тому же тот мужик
Знал аж греческий язык!
А герой новороссийский
Путал сиськи и сосиски...

Но Геракл, потушив очи,
Им сказал: «Польщен я очень,
Но команду гарнизоном
Поручил бы я Ясону...»

Игорь Ушаков

Ясон:

«Время, братцы, дорого:
Все садимся на “Арго”!»

Народ:

«Слава мудрому Ясону,
Вдохновителю побед!
Правь народом непреклонно,
Олимпийский Комитет!»

Этимологический изыск:

Что на греческом арго
Означал тогда «Арго»?
Мысль догадками ослабь –
Арг построил тот корабль
И, тщеславием увечен,
Сам себя увековечил.
Только знают все «Арго»,
А вот про Арга – ничего!

Сели все на пароход
И отправились в поход.
Тут Орфей берет кифару
(Древнегреческую гитару)
И сладким голосом поет
Про великий тот поход.

Первая остановка

Не успели отойти –
Остров Лемнос на пути.
И всего одна деревня
Украшает остров древний.

Лемнос я ругать не в праве
Лишь за то, что бабы правят.
Вот по криминальной части –
Как дошли они до власти.
Обвинив – не боль не мене –
Всех мужей своих в измене,
Жены у своих мужей
Рост убавили до шей!

Авторский морализм:

Адюльтер – конечно гадок!
Но вот загадка из загадок:
Муж – кобель, козел, злодей...
Ну, а с кем он блудодей?
Не с собакой, не с козой,
А с соседскою женой!
Корень зла знакомый вам:
Как всегда – шерштите фам!

Но потом лемносианка
(Не мешайте с лесбиянкой!),
Пообдумавшись слегка,
Захотела мужика!
Стала каждая девица
Пред подругою виниться:
«Да, расплата дорога –
Ведь сами ж ставили рога!
А теперь во всей деревне
Даже нет царя царевне!»

Мужиков в томленьи ждут...
И аргонавты – тут как тут!
Плыли греки на авось и
Оказались на Лемносе.

Игорь Ушаков

И пошел тако-о-ой разгул:
Не деревня – секс-аул.
Оказалось, те бабёхи
Были впрямь совсем не плохи!

Лишь один Геракл на вахте –
День и ночь живет на яхте.
Зол Геракл, аки лев,
И восклицает, озверев:
«Неужели в самом деле
Вам приятно жить в борделе?!»

Говорят в смущеньи греки:
«Мы ведь тоже человеки...
Командировочный мужик –
Он без бабы не привык...
Он всегда, живя в отеле,
Думает об ентом деле...»

Геракл:

«А ты, Ясон, едрёна вошь!
На кого ты стал похож?»

Забудь про женские тела –
Нас ждут великие дела!»

И Ясон Гераклу внял:
«Он нас на баб не променял!»

Собрались герои вновь
Воевать, забыв любовь.

...А лемносянки на причале
В голос плакали, кричали.
В ответ Орфей бренчит струной:
«Не ной, красавица, не ной!»

Первым делом, первым делом – за руном,
Ну, а девушки, а девушки – потом!»

Бей своих, чтобы чужие боялись!

Где-то около Босфора
Оказались греки скоро.
Жили там во время оно
Дети Бога Посейдона.
(Гот был весьма женолюбив,
Тьму детишек наплодив.)

Встретив греков напряженно,
Но узнавши от Ясона,
Что послал в поход их Пелий,
Аж от радости запели:
«Он нам всем по папе брат!
Вот Пелюша будет рад!»

Подружились на года –
Прямо «не-разлей-вода»!
Длилась ночь почти поддача:
И рекой струилась чача.

(Пили водки и другие:
Шнапс, столичную, ракию.)
Вечной клятвою клялись,
В результате – упились.

День настал – пора и в путь,
Хоть не успели отдохнуть.
Только вышли в окиян,
Появился великан –
Шестирукий, ну как будто
Дальний родственник Будды!

А за ним, как тараканы,

Игорь Ушаков

Повалили великаны.
Стали камнями кидать,
Чтоб «Арго» уплыть не дать.
Уж казалось, всем каюк,
Но есть управа на бандюг!
Ведь Геракл хоть был нетрезв,
Был все так же быстр и резв.
Взявши в руки лук и стрелы,

Он бандитов бил умело.
Так что очень даже скоро
Разбомбил он Тора-Бору –
Уничтожил он к обеду
Великанию Эль-Каэду.

Под Орфея сладкопенье
Мчит «Арго» в бурливой пене...
Только снова незадача:
Плыли хлопцы наудачу.

А плывучи на авось,
Попадешь в впросак, небось!

Вот уж близится полночь.
Плыть во тьме совсем невмочь.
Видят вдруг издалека
Два мелькнули огонька...

И своим глазам не веря,
Выбрались бойцы на берег.
Ну, а тут уже их ждали!
И такого им поддали!
Ночь сражались в темноте:
Где там эти? Где там те?
Лишь забрезжила заря,
Поняли, что бились зря:

Это дети Посейдона
Били воинов Ясона!

Авторский ремарк:
С греком вечная беда:
Плыл туда, приплыл сюда...
Надо бы вперед, чем плыть,
Географию учить!
А к тому ж совет мой русский:
Пить не надо без закуски.

Оба войска с укоризной
Справили по павшим тризну,
И опять клялись в любви,
Побратавшись на крови...
И опять кляли судьбину,
Вспоминая смерть невинных...

Как Геракл от «Арго» отстал

Отгуляв на славной пьянке,
Греки встали спозаранку,
И хоть с тяжелого похмелья,
Все ж таки они сумели
Снять «Арго» с прибрежной мели.

А Геракла в этом деле
Как-то и недоглядели!

А и героям иногда
Надо сбегать кой-куда.
Отмахавши две версты,

Игорь Ушаков

Он нашел-таки кусты...

(Но уйдем от этой темы,
Хоть нужду справляем все мы...)

Слышен голос Полифема,
Тот орет, что было сил:
«Звал тебя на помощь Гил!»
А Геракла всегда, везде
Друга выручит в беде!
И к тому же, скажем, Гил
Был Гераклу очень мил.
(Намекну, в чем сила транса:
Гил – Гераклов Санчо Пансо.)
Так Геракл и Полифем,
Про поход забыв совсем,

По лесам и горам носятся
В поисках оруженосца.

...И «Арго» без них уплыл,
Без руля и без ветрил...
Плыли-плыли аргонавты
И очухались назавтра:

«Где Геракл? Где Полифем?»
Очень грустно стало всем:
Два любимейших героя
Как-то выбыли из строя.
И нашли один резон:
Виноват во всем Ясон!
Ведь Геракл ему не мил –
Славою его затмил.

Авторская пометка:
Так несварение желудка
Довело до свары жуткой.

Докажи им, что Геракл
Сам отстал, куда куда какал?
Если б был я древний грек,
бы вот чаво изрек:
«Грек, не усложняй вопроса,
Где решенье очень просто!»

Словом, путч... Не путч – путчино!
Но разверзлась вдруг пучина
Бурных вод в Аксинском понте,
Вынырнул оттуда Понтий

(Геска нашего Пилата,
Что хотел спасти когда-то
Иисуса от беды
Да руки мыл после еды.)

Понтий был рыбацкий Бог,
Помогал им, если мог.
И хоть горе-моряки
Были и не рыбаки,
Как ему велела Гера,
Принял кой-какие меры:

«Ну, чаво за шум да гам?
Ведь виднее нам, Богам:
Аргонавтам плыть в Колхиду,
А на иных – иные виды.

Мы оставили Геракла
По вещанию оракла.
Зевс, Генсек Олимпбюро,
Дал на подвиги добро.
Так что прекратить базар,
А нето пошлю в Тартар!»
Богу лучше не перечь!

Игорь Ушаков

Коротка Ясона речь:
«То, что для небес порядок,
То и нам не беспорядок...»

И продолжили свой путь
На авось, куда-нибудь.

Победа Полидевка

Плыли-плыли и устали.
Снова к берегу пристали.
Жил здесь злобный царь Амик,
Что гостей лупить привык.
Он встречает их насмешкой:
«Кто тут смел? Давай, не мешкай,
Выходи со мной на драку.
Изуродую собаку!»

Был Амик
Здоров, как бык.

Но и аргонавты сами
Щи хлебали не лаптями.

На бандита поглядев,
Вышел славный Полидевк.
Хоть и был он не гигант,
Но в драке у него талант.

Авторский размыслизм:
Сила есть – ума не надо,
Но всегда нужна бравада.
Вспомните, как наш Давид
Был тщедушненький на вид,
А Голиафа поразил

Ведь не превосходством сил:
Хулиган на пакость падкий
Стрельнул камнем из рогатки!

И под взглядом местных девок
Начал драться Полидевк:
Он на Седьмой Олимпиаде,
Защищая честь Эллады,
Извалял всего в пыли
Аж Мохаммеда Али.

Не успел моргнуть Амик,
Полидевк в единый миг
Звезданул ему по уху.
Царь Амик лишь всхлипнул глухо
И тотчас на землю пал,
Пораженный на повал.

Но тут Амикова ватага
Бросилась вперед в атаку.
Полидевк со всех сторон
Уж врагами окружен...

Кастор мчит на помощь братцу –
Вместе ведь сподручней драться.

До победного конца
Бились оба близнеца.

Ясно, греки всех побили
И Ясона защитили.

.....

И конечно пир горой:
Нынче Полидевк герой!

Игорь Ушаков

Колхида

Снова после сильной пьянки
Греки снялись со стоянки.
Позади турецкий берег,
Грузия уж кажет двери.

Кормчий, наконец, увидел —
Замаячило Колхидье.
Вот и место назначения!
Аргонавты в нетерпенье:

Где же, где же здесь оно —
Долгожданное Руно?

Встретили со всем фасоном
Аргонавтов и Ясона.
Цимбалисты на причале
Марш Чернецкого бренчали.
И по красному ковру
Привели их ко двору.

Бога Солнца сын Эет,
Соблюдая этикет,

Приготовил не хлеб-соль,
А суп-харчо, шашлык, фасоль...

И, как будто невзначай,
Царь спросил: «По делу, чай?
Нешто душу веселя,
Семь верст хлебали киселя?» —

«Мы, конечно, не без цели.
Нас послал с задачей Пелий
Позарез нам, царь, нужно
Золотое то Руно!»

Ясно, что царя Эета
Возмутила просьба эта.
Злую затаив обиду,
Он не подал все же виду.
«Коль дело сделаешь одно,
Так и быть – твое Руно.
Видишь поле возле леса,
Посвященного Аресу?»

Патронимическая справочка:

Ох, играя именами,
Ржет история над нами!
Нам к тому не привыкать,
Их меняем раз по пять:
Петербург на Петроград,
Петроград на Ленинград,
А потом опять все взад –
После дерьмократских бурь
Ленинград вновь Петербург!
И с Аресом тот же фарс:
Позже будет кличка «Марс».

«Ты вспаши мне ентот луг,
Запряги в жалезный плуг
Огнедышащих быков.
Взяв драконовых зубов...» –

«Царь, вопрос мой, может, грубый:
На хрена драконьи зубы?» –

«Их засей, а на рассвете
Станут ратью зубы эти.
Это воинство Ареса
Встанет на защиту леса».
«Что ж – Арес? Нехай Арес!

Игорь Ушаков

Руно мне нужно позарез!»

Тут же приступив к посеву,
Вспомнил вдруг Ясон про деву:
Знает лишь она, плутовка,
Папы своего уловки!

Только как к ней подступиться,
Коль фригидная девица...

А на Олимпе голоса,
Мол, попал Ясон впросак!
Гера просит Афродиту:
«Фрось, Ясону помоги ты!
Ты же наилучший мастер
По амурной этой части».

Афродите только в радость
Через секс устроить гадость.

Сына своего Эрота
Просит взяться за работу:

«Есть в верхах одна идея –
В мужика влюбить Медею.

Ты слетай, сынок, проветрись.
Я куплю в награду “Гетрис”.

Шустрый был Эрот пострел,
Взявши лук и пару стрел,
Он в Колхиду полетел.

Там, завидевши девицу,
Как оса, над ней стал виться
И стрелу свою пустил
В орган, где любовный пыл.

Медицинский комментарий:

Я скажу, что этот орган –
Кладезь страсти и восторга –
Был не тот, что в Голливуде!
Это было ... сердце, люди!

И Медея моментально
Впала в транс любви летальной.
(Почему любовь летальна,
Объясним потом детально.)

И Медея «ох» да «ах»,
Слабость чувствует в ногах,
Щеки будто маков цвет,
И с овчину белый свет...

У Медеи ночь бессонна...
В мыслях, как помочь Ясону?

И без всяких колебаний
Мчит к Ясону на свиданье.

Завершив зубов посев,
Ждет Ясон, на камень сев.

Приближается Медея,
Платонически бледнея.

«Милый друг! Тебе я дам
Свой магический бальзам:
Это “Масло Прометея”». –
Говорит ему Медея. –
«Перед утренним сраженьем
Мазью ты натришь до жженья,
И копьё натри, и меч –

Игорь Ушаков

Всем башки поносишь с плеч!
Встанут воины Ареса,
Ты пульни в них этот камень,
И Аресовы балбесы
Перебьют друг друга сами!»

На Олимпе в Дом Культуры
Собралась номенклатура:
Зевс и Гера, Афродита,
Аполлон и Артемида,
И Афина, и Гермес,
Посейдон, Аид, Гефест...

Вызывает интерес
Суперматч Ясон – Арес.

В «Клубе кинопутешествий»
Ждут последних происшествий.
Ну, а «Кто? Кого? Когда?»
Тоже ждут вестей всегда.
И конечно, эН-Те-Ве,
Всей компании во главе...

Натерев себя бальзамом,
Стал Ясон могучим самым.

Ждет Ясон, и на рассвете
Прорастают зубы эти:

Появились копий пики,
Вот уже и в шлемах лики,
Вот они уже по пояс,
К злобной драке изготавься...

Взял Ясон огромный камень,
Что валялся под ногами,
И пульнул его в солдат.

Тут такой начался ад!

То ль со злости, то ль с испуга,
Стали бить они друг друга...
Битва длилась до конца —
До последнего бойца.
Но ведь не было б Медеи,
Одержали б верх злодеи!

Тем не менее, Ясон
За ратный подвиг награжден...

Вот приходит он к Эету:
«Царь, гони мне шкуру эту!»

Говорит ему Эет:
«Завтра утречком, чуть свет,
Соберу я Госсовет.
Пусть решит номенклатура,
Как нам быть с бараньей шкурой.
Я всего лишь просто царь —
Не Генеральный Секретарь.
Ведь баранья шкура — даже
Не картина Эрмитажа.
Будет вмиг видна пропажа».

Царь шустер, я вам скажу,
Вешать на уши лапшу!

И совсем мозгом скудея,
Побежал Ясон к Медее.
Было быстро решено
Сей же миг забрать Руно.

Но едва Ясон залез
За Руном в Аресов лес,
Как, откуда ни возьмись,

Игорь Ушаков

Столб огня вздымая ввысь,
Появляется дракон,
Будто смертный грех страшон.

Тут опять струхнул Ясон...
Но и тут спасла Медея,
От любви к нему балдея.
Ну, и догадлива она!
Призывает Бога Сна.
Тихо подлетел Гипнос
И дракона – цап! – за нос.

Огнедышащий дракон
Тут же впал в глубокий сон.

А Медея, зная заранее,
Шкура где висит баранья,

За собой Ясона тащит
В самую глухую чащу.

И взвалив себе на спину
Златорунную овчину,
Подхватив цареву дочь,
Мчит Ясон из леса прочь.

А на завтра чуть лишь свет,
Все садятся на корвет,
И – адью, Эет!
Привет!

Погоня

Как узнал Эет про это,
Обуяло зло Эета.
Объявляет вне закона
Он Медею и Ясона.
И послал Эет флотилию,
Чтоб Ясона захватили.
(Не за совесть, не за страх –
За 25 мильонов драхм!)

Все зеленые береты
С радостью взяли за это.
.....
Аргонавты, как ни мчались,
Но, в конце концов, попались:

Окружили их колхидцы.
Но Ясон не хочет биться.
(В бой без Масла Прометей?)
Это не по нём затея!)

Говорит; «Руно моё!
А Медея... Вот ее...
Тут возможен компромисс...»
И колхидцы поддались!

И Главкому войск Эета
Шлет Медея весть с приветом:

«Встреча в храме. Тет-а-тет.
Приходи один. Привет».

И поверив ей, лопух
Мчит на встречу во весь дух.
(Говорили, этот лох
Уж давно по девке сох.)

Игорь Ушаков

Заманили парня в храм,
Где свершен был грешный срам:
В храме том Ясон вонзил
Меч в него, что было сил.

Поступили некрасиво,
Скажем даже, нечестиво.

... И пока колхидцы ждали,
Аргонавты ноги дали:
Распустили паруса,
Корабль по морю понесся.

Аргонавты долго плыли
В этой древней сказке-были...

Между Сциллой и Харибдой,
Как меж правдою и кривдой,
Проскочили.
Ну, дела –
Гера снова помогла!

Аргонавты долго плыли
В этой древней сказке-были...
Слыша пение сирен,
Не попали к бабам в плен.

(Ведь Орфея сладкопенье
Было слаще, чем сиренье.)

Аргонавты долго плыли
В этой древней сказке-были...
И Планкты – залив бурливый
Одолели.

Рок счастливый!

(Хотя без Гериной подмоги
Намочить пришлось бы ноги!)

Аргонавты долго плыли
И, в конце концов, приплыли.

Аргонавтам повезло:
Видят славное село,
Валит на берег народ
Посмотреть на пароход.
И среди них никто иной –
Царь селенья Алкиной!

Краткий пояснизм:
Так, видите ли, было встарь:
Что ни деревня – новый царь.
Греция иль Иудея –
Все одно, одна идея!

В нашей русской деревеньке
Всем всегда было до феньки –
Мужики вязали веники,
Бабы ляпали вареники...

Если же напьются дико.
И уже не вяжут лыка,
То ударят в колокол,
И сходка в драке, кол о кол...
Словом, русская деревня –
То же царство в мире древнем.
Но деревня без царя –
Титул что базарить зря?

Не-е-ет... Для русского приличья
Нету мании величья.
Все одно, одна идея!
У кацапа ль, иудея ль...

Игорь Ушаков

И опять, конечно, пьянка
И до полночи гулянка.

С первым признаком рассвета
Вкруг села войска Эета!

Вот-те на, едрена вошь!
От судьбины не уйдешь...
Начался бы страшный бой,
Но вступился Алкиной.
Аргонавтам и колхидцам
Говорит: «А чо вам биться?
Что же может проще быть,
Как Медею поделить?
Коль она еще девица,
К вам идет.
И неча биться!
А коль Ясонова жена,
Значит, с ним и быть должна».

И Ясон с Медеей рады –
Быстро брачные обряды,
После ночка безо сна –
Глядь, Медея уж жена!

Поклялся Ясон Богами,
Что он сторонник моногамии,
Что Медею он по гроб
Будет целовать взахлеб.

Воины царя Эета
По Алкиноеву завету,

Проглотив свою обиду,
Собрались домой в Колхиду...

Накося, выкуси!

Вот и прибыл славный полк
В город Пелия – Иолк.
В честь Ясона песни пели,
Но молчал коварный Пелий.

И сказал: «Свою корону
Не намерен дать Ясону!»
Тот на этого козла
Затаил немало зла.

Аж Медея сбилась с толку:
«Из-за этого Иолка
Я ограбила папашу,
Испила позора чашу...
И какого же рожна
Бились мы из-за руна?
Что мне делать? Как мне быть?
Как Пелею мне отместить?»

И возникла у Медин
Офигенная идея.

Как-то старый хрен Эсон
Был в раздумье погружён.
Говорит она: «Папаша,
Где мечта витает ваша?
Все вам сделаю зараз:
Излечу склероз, маразм...»
И Эсон сказал: «Лады,
Быть хочу я молодым!»

Как и в нашей русской сказке:
Чтобы не было промашки –
Мухомор, анюты глазки,
Сельдерей, укроп, ромашки,

Игорь Ушаков

Самогона три рюмашки,

Хрен, репей, помёт курей –
Вскипятила всё скорей.

Резанув Эсону горло
Так, что кровь ручьем поёрла,

В вены зелье залила
И заклинанье начала:
«Колдуй баба, колдуй дед,
Заколдованный берет.
Ванька дома – Маньки нет.
Манька дома – Ваньки нет.
Сбрось с Эсона сорок лет!»

Просыпается Эсон:
Не старик – молодожён!
И в мгновенье, старый лапоть,
Начал баб и девок лапать.
Бабы радостно визжали,
И, как всегда, не возражали.

И к Медее лез под тогу
Да не рассчитал немного:
Ему ответила невестка
Оплеухою в отместку.
Но Эсон до баб охочий,
Пуще прежнего хохочет.

Об Эсоновой причуде
И о совершенном чуде
Пелий быстренько узнал
И за Медеею послал:

Уж так берут его завидки –
И он до баб был очень пряткий.

Так похотливый старичок
Попап к Медее на крющок.

Говорит: «И я, Медея,
Жить хотел бы молодея!
Подбери ингредиентов
И свари мне зелье енто.
За это муж твой, например,
Будет у меня премьер».

Медея собирает травы
Те, что нужно для отравы.
А сама чуть не хохочет
И заклинание бормочет:
«Колдуй баба, колдуй дед.
Расколдованный берет.
Ни Ванька, ни Маньки нет.
Чтоб тебе не видеть свет!»

Авторский коммент:

Усекаете момент?
Тот же, блин, ингредиент,
Но совсем иной эффект,
Коль в заклинании дефект!
Был иной эффект в конце бы
Знай Пелей бы о плацебо!

Вот готов в котле бальзам.
«Ну, Пелей, решайся сам!» -
«Но сначала ты попробуй,
Чью-то излечи хворобу!»

И Медея, взяв козла,
Бульк его середь котла,
И в миг оттуда резв и звонок
Появляется козленок!

Игорь Ушаков

Пелий аж разинул пасть
И в котел с разбегу шасть!
Вскоре вынули из чана
Тело вовсе бездыханно...

Так в зловонном чане с зельем
Жизнь свою закончил Пелий.

Сын же Пелия, Адраст –
Весь в папашу, пидараст.
От смерти папы не в уроне –
При деньгах и при короне.

Уж он-то славы не уронит!
(За рюмку красного винца
Продаст и мамку и отца!)
Хоть и рад, что папа сгинул,
Вроде в горе горбит спину:
«Нет, Ясон, как ни гутарь,
Я теперь в Иолке царь!

Сын не в ответе за отца:
Мне та рыжая овца
Даже даром не нужна:
Не просил ведь я руна, а?
Убирайтесь-ка вы вон,
И Медея, и Ясон!»

Словом Медя с мужем Ясей
Убралася восвояси...

(В суть Медеи я не вник:
Пелия сморила вмиг,
А что ж не тронула сынка?
Иль кишка её тонка?)

Медееино злодейство

Далеко за горизонтом
Царство славного Креонта.
(Чем он славен? Тем, что царь!
Уважай – и не базарь!)

Он Коринфом целым правил
И уважать себя заставил
В свете древнегреческих правил.

И Медею, и Ясона
Встретил он с большим фасоном.

Про Ясона был наслышан,
Дал ему с Медеей крышу.
Стали жить да поживать,
Да детишек наживать.
Родились два славных сына...
(Ждет их тяжкая судьбина!)

Как-то дочь Креонта, Главка
Села у дворца на лавку.
Мимо идучи, Ясон
Был красой ее пленен.

(Но, по правде говоря,
То, что дочь она царя,
Этот фактор был важней –
И стал Ясон еще нежней.)

И, конечно же, отель
Тащит он ее в постель.
(Нет, не в дом к себе – в отель)
Покуривши малость травку,
Выпив красного винца,
Славный витязь трахнул Главку,

Игорь Ушаков

Не доведши до венца...

Ночь провел Ясон вне дома,
Но привычкою ведомый,
Появляется под утро
Весь зацелованный лахудрой:

И следы ее помады
Там, где вовсе и не надо!

А Медея вся в слезах
И по морде его – трах!

Не стерпев такого сраму,
Вспомнил он едрёну маму,
Объявив: «С сего моменту
Я плачу лишь алименты!
А тебе скажу без понта:
Я влюбился в дочь Креонта.»
И жене своей опальной
Отказал от места в спальной.
Что ж, царева дочь (хоть сучка)
Лучше, чем богова внучка:

Тут активный интерес –
Через дочку в царство влез!

Все мы знаем, что Медея,
Зло всегда умело сея,

Приготовила и щас
Зло большое в тот же час.

Пишет Главке без затей:
«Пощади моих детей –
Это же Ясона дети.
Ни за что они в ответе.

Игорь Ушаков

Так буквально в одночасье
Дочь с отцом, попав в несчастье,
В тяжких умерли мученьях.

Вот такие злоключенья!

Но Медее это мало –
В дом свой быстро побежала

И без колдовских затей
Кончила своих детей...
Отомстила, блин, сполна
Ясону бывшая жена!

Дед Медеи, Гелнос
Огорчен был аж до слёз.
Он простер свою десницу,
Посылая колесницу,
Запряженную драконом
(Модного во время оно).

Подлетел дракон к Медее,
Сам от страха холодея.

Погрузив сыновьи трупы,
Села и Медея-упырь:
«Мчи, куда глаза глядят,
Но вперед, а не назад!»

Авторский клейментарий:
Заклеймить пора Медею.
Ну, отомстила бы злодею.
Сделала бы наказание –
Ну, к примеру, обрезанье;
Ну, воткнула б в жопу шило;

Ну, откусила бы грешило...

Попшто ж детишек порешила?!
Если после адюльтера
Принимать такие меры,
То за восемь-десять лет
Можно свет свести на нет!

Могу напомнить я к тому же
Вам мудрость верную всегда:
Жена найдет другого мужа,
А мать сыночков никогда!

Куда мудрее лемносянки,
Которые своих мужей
Поубивали после пьянки.
Но хоть не тронули детей!

Был, конечно же, Ясон
До печенок потрясен:
Нет ни царства, ни жены,
Ни немереной казны,
И детишки казнены...

(Из-за собственных проделок
Был лишен родимых деток!)
Тут, пожалуй, съедет крыша!
Голос внутренний свой слыша,
Он отправился туда,
Что по дороге в никуда
(Вроде Вечного Жида).

И однажды в час вечерний,
Продираясь сквозь тернии,
Видит остов корабля.
И в мозге мелькнуло: «Бля!
Это же “Арго”! Ну, да –

Игорь Ушаков

Вот и прибыл в никуда!»
И подумал: «Греки-люди,
Все мы там когда-то будем!
Были власть, любовь, богатство,

А теперь? – Нет, это гадство:
Как ты в жизни не бунтуй
Все равно получишь... Да...

Жизнь – лишь действий череда.
Будучи в плену идей,
Не затронь других людей.
Жизнь у каждого одна –
От поверхности до дна.

Каждый – это целый мир,
Где он своей судьбы кумир.

Правда, коль судьба плохая,
Хай себя, других не хая.
Коль твоя судьбина злая,
Будешь будто псина лаять.
Коли ж добрая судьбина,
Будешь ласковым дельфином...»

Лег Ясон в тени «Арго»,
На душе опять легко,
Успокоился старик,
Головой своею сник...
Захрапел и в тот же миг,
Рухнул весь прогнивший бриг!
Так под ним погиб Ясон –
Без кремлевских похорон.

Сказка ложь, да в ней намек:
Что не делай, все не впрок!

Эпиложек

Жили-были
(Жили ль? были ль?)
Два жареных гуся,
Два копченых порося,
Два в сметане карася,
Два полуживых язя
Вот и сказка вся.
Ну, а то, что был Ясон –
Это летней ночью сон...

Заключение автора

Несу поэму вам на суд,
Как яйца курицы несут.
Поскольку ведь не возбраняется
Нести поэмы точно яйца!
И не судите меня строго –
Не заслужил я стен острога,
И даже меж лопаток плеть:
Пою! Ведь не могу не петь!

Я просто как простой петух –
Топчу курей, пока есть дух.

Пока желанием горю,
Я вам свои стихи дарю.
Пишу я это для друзей,
Круг коих стал, – увы! – тесней...
Я знаю, что один мой друг,
Набравшись духа, как-то вдруг
Мои поэмы прочитал
И вновь меня започитал.

И ради одного такого
Писать готов я снова, снова...

Игорь Ушаков

А может, кто наоборот –
Молчит, вина набравши в рот.
Ну, коль не любишь пить вино,
Держи во рту ты хоть... кхы-кхы!..
Но я могу сказать оно
Все же не лучше, чем вино!

Поэма, может, длинновата,
Но тут уж я не виноватый:

Сюжет таков, что как из песни,
Слов не убрать, ну ты хоть тресни!

Порой для красного словца
И гнал я зверя на ловца,
А в остальных во всех случаях
Я за сюжет не отвечаю.

Герои сами по себе
Брели согласно их судьбе.

Январь 2002
Сан-Диего

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

Пролог

Помню, как-то раз с Гомером
Пили. Прямо скажем в меру.
Не мешала слепота
Донести стакан до рта.
(Я ведь, тоже, как и он,
Зренья чуточку лишен.)

Я сказал: «Вот ты, Гомер,
Всем поэтам стал пример:
Ведь подумать только надо –
“Одиссея” ... “Илиада”!..
Сколько занял скорбный труд?
Чай с полжизни, коль не врут?»
Он подлил в стакан метахи
И, забыв про амфибрахий,
Молвил: “Это тяжкий труд –
Оттого поэты мрут!
Но ведь пишем не за страх мы
И не за большие драхмы.
Не заслужат наши строчки
И свежевывытой сорочки...

Говорят, вот в прошлом веке
В уваженьи были греки!
Знали, хоть не без греха,
Из “Энеиды” полстиха...

(Он сказал про “Энеиду”,
Я не подал даже виду:
Ну, не греки... Ну, Вергилий...
Все давно уже в могиле!)

Игорь Ушаков

А теперь за кружкой пива –
Не поэзия, а чтиво!..
Вот из ваших достижений,
Как их там, Андрей да Женья?
Знатоки по части женской
Возтушенко с Евнезенским...
А читающий народ?
Нет, не тот пошел Федот,
Не читает – только пьет».

С этим словом старикан
Заглотнул второй стакан.
И с поэтическим заветом
Занырнул обратно в Лету,
Пробурчав: «Давай Расею
Просвети про Одиссея».

Я скажу вам по секрету:
Не люблю я тему эту.
Десять лет текла война,
Ни покрышки ей, ни дна!
Красный грек рубился с белым,
Каждый за святое дело...

Но... коль взялся уж за гуж,
Хошь ни хошь, а будешь дюж!
В поле стихотворных ям б
Не забыть хорей да ямб!

Прекрасная Елена

Должен я признаться вам,
Я люблю шерпеть ля фам.
Посему сию поэму

Начинаю с этой темы.

Славный малый Тиндарей
Был из греческих царей.
Мужем став прекрасной Леды,
Но едва ее отведал,
Как всегда, оттель, с небес,
К ней спустился бог Зевес,

То ли лебедь, то ли гусь,
Уточнять я не берусь,
Но в таком обличье бог
Леду мамой сделать смог...
(У порядочных людей
Все идет от лебедей!)

От автора:

Чисто боговы привычки –
Баб иметь под видом птички.
Этот нам прием знаком
По Марусе с голубком...
Ну, опять уходы в бок:
В чем сомненья?! Бог – есть Бог!
В бороду же серебро –
Так и Богу бес в ребро.

С лебедем проведши ночь,
Леда поимела дочь.

Время каплет постепенно –
Вот и выросла Елена,
Небывалой красотищи!
Охрененные глазищи,
Зов призывный алых уст
И Марло Мерлины бюст,

Игорь Ушаков

Что касамо нижней части –
Бабы не было бедрастей!

Хороша была Елена:
Прямо скажем, офигенно!
Краше всех во всей вселенной.

От автора:
До сих пор мы помним это,
Посещая оперетту.
Слава! Слава Оффенбаху
Он сюжеты брал без страха!

Ох, завидная невеста!
Тили-тили-тили-тесто!
Нет отбоя от парней.
Впал в кручину Тиндарей:

«Коль отдам ее я в Фивы –
Спарта мылит мне загривок.
Коль отдам ее я в Спарту –
Жди похода Бонапарта...
Коль отдам ее в Афины –
Тут нахлынут угро-финны...
Коль отдам ее я в Трою –
Будет так опасней втрое...»

Как ни кинь –
Повсюду клин...
Нет, чтоб комом – Всюду блин!..»
Тиндарей сбледнул с лица:
«Эх, найти бы мудреца!»

Да... Не быть поэме сей,
Если бы не Одиссей.

Вот герой наш хитрозадый
Говорит: «Ты не досадуй.
И не жди врагов осады!

Избежишь войны и плена:
Пусть репает все Елена.
Но пусть еще до брачных уз
Женихи войдут в союз:
Поклянутся, что избранник
Избежит словесной брани,

Равно как и поля брани.
Ну, что-то вроде пакта НАТО.
Во всем Елена ж виновата:
Ей избранник наречен,
А сам избранник не при чем!»

Так на том и порешили –
Друг на друга не грешили.
Истиной не погрешим мы:
Коль Союз – так нерушимый!
А Елена, выбирая,
Ложит глаз на Менелая.
Он, и правда, был неплох –
Хоть и деревенский лох.

Яблоко раздора

Как-то на горушке древней,
В Олимпийской, бишь, деревне
Боги пили, боги ели
Да одно недоглядели.

Не было средь них Эриды,

Игорь Ушаков

Бабы тихой вроде с виду.
Не позвали ко столу,
Положив начало злу:
Ведь она средь этой своры
Управляла всем раздором.

И удумала Эрида,
Как отомстить им за обиду:
Будто прямо с облаков
Бросила им ... я-бло-ко!
И конечно, не простое,
А как в сказке, — золотое.

И на нем виднелась сразу,
Накарябанная фраза:
«Взором трепетным окинь:
Кто прекрасней из богинь?»

Началась тут кутерьма —
Бабы съехали с ума!

Старшая богиня Гера
Взбудоражена без меры:
«Споры эти все напрасны —
Я, конечно, всех прекрасней!»
А тому одна причина —
Так положено по чину!

Быть красивой всех должна.
Только Зевсова жена.

А Афина, бишь, Паллада,
Хоть была ума палата,
Утверждает, что она
Всех красивой быть должна.
(Как-никак, а Зевса дочь —

Некрасивой быть невмочь!)

А красотка Афродита
Сексапильно знаменита,
И по-женски ... ядовита*,

*Авторская ремарка:
Ох, цензурные рогатки!
Вечно с ними неполадки:
В каждой строчке
Только точки...
Вместо них бы я хотел
Букву “б” и букву “л”.

Думала, что Евин плод
Непременно ей пойдет.

Ясно, бабы не поладят:
К Зевсу льнут и нежно гладят:
«Ты же самый беспристрастный:
Кто из нас из всех прекрасней?»

Зевс, известно, не дурак,
Посему решает так:
«Это же не божье дело
Разбирать, чье лучше тело.
Мне б конношего позвать,
Чтобы вас аттестовать.

Мне ж участвовать негоже —
Поищите, кто моложе».

Игорь Ушаков

Парис

Пас Парис стада коров.
Был красив, умен, здоров.
Скажем так: у пастуха
Жизнь и впрямь не так плоха!

Вдруг откуда ни возьмись
Тучи пыли поднялись,

А оттуда, из небес
Появляется Гермес:

«По велению богов
Будь готов!»
— «Всегда готов!»

«Значит так, — сказал Гермес, —
Трех богинь попутал бес:

Спор разжегся из-за вздора —
Делят яблоко раздора...
Словом, конкурс «мисс Эллада»,
С бабами совсем нет сладу!

Сообщаю тет-а-тет:
Олимпийский Комитет
Порешил, что ты лишь скор
Разрешить ужасный спор.

И тебе решать, Парис,
Кто получит ентот приз:
Кто из трех вот этот фрукт
Из твоих получит рук».

От автора:

Как сказали бы в Расее
Щас потомки Одиссея:
«Парис,
Борись!»

Суд Париса

«Ну-тко, оцени-ка, парень:
Будь ты бог, с кем жил бы в паре?»

Тут выходят три богини,
Нарядившись в бикини.

Гера зыркает сердито
На Афину с Афродитой.
Ну, а две других красотки,
Подбоченясь, как кокотки,
Гордо вытаращив груди,
Ждут, как их Парис рассудит.

Гера прямо говорит:
«Хошь Берлин, а хошь – Мадрид!
Хошь Бердичев, хошь Париж
Ну, чем плох такой бакшиш?..
Все получишь в тот же миг,
Если скажешь напрямик:
Яблоко должна иметь должна
Я как Зевсова жена!»

Парис про себя:

Сбросила б с полтыщи лет,
Может, ясен был ответ.
Ну, а щас, мадам Земля,

Игорь Ушаков

Побоялась б Бога, бля:
Прелестей полны обильно
Две красотки сексапильных!

Говорит ему Афина:
«Я вручу тебе Афины.
Будешь ты непобедим,
Всех врагов развеешь в дым!

Даже сам Усман бин Ладен –
Нипочем... Будь он неладен!»

Парис про себя:

Щит, да меч, да эта каска...
Грозный вид! А где же ласка?
Хоть, конечно, ты в бикини,
Вряд ли кто и взгляд-то кинет...

Ну, а разве это груди?
Будто жерлы, бля, орудий!
Не... Мне противны лесбиянки
Даже после сильной пьянки!

Словом взятки хоть куда
Для Парисова суда!

Льнет к Парису Афродита,
Жмет и перси, и ланиты...
Отвела богиня ножку,
Кое-что открыв немножко,
Повела очами скромно,
А потом вздохнула томно...
Жметя к малому бедром...
Словом, чистый sexodrome!

И конечно, наш Парис
Просто-напросто раскис...

Льстит, лиса: «Ну, ты, Парис,
Строен будто кипарис!
Ты с ума стащил меня,
Жаль, что мне ты не ровня!

Дам тебе в жену красотку,
Не девицу, но молодку.
Мужики во всей вселенной,
Все – мечтают спать с Еленой...»

Парис про себя:

Ну, вот енто девка, бля!
Будто парус корабля:
Манит в голубую даль,
Мол, брось тоску и брось печаль!
И сама, бля, неплоха:
Понимает суть греха!

И Парис решил: «Ну, блин!
Мне нужен адреналин!
На хрена мне деньги, слава –
Это все души отравя».

И изрек он: «Афродита
Лучше всех из вас по виду...»

Откуда есть пошел Парис

Я забыл сказать вам прямо
Был Парис сынком Приама,
А Приам царем был в Трое...
Так уж мир чудно устроен:
Мы судьбину гоним в дверь —
Ан в окошко лезет, зверь!

Поясню я вам теперь,
Где окно, где зверь, где дверь.

Раз Приамова жена
Пробудилась ото сна.
Ей приснился страшный сон:
Супостатом окружен
Город был со всех сторон.
И Гекуба эту драму
Рассказала всю Приаму.

Тот под впечатленьем сна
Вызывает вещуна.
И сказал вещун Приаму:
«Правда — это факт упрямый!
Сын твой — это корень бед.
В нем сошелся клином свет!»

Но к стыду и даже сраму,
Все дошло до чистой драмы.
Царь Приам все сделал грубо:
Обманув жену Гекубу,
Наказал слуге, чтоб он
Положил мальчика на склон,

Где гуляют вепри, волки,
А уж там — конец недолгий!

Но согласно мифологии
Выжил наш Парис в берлоге –
Медведиха стала мамой,
Заменив семью Приама.

Долго ль, коротко ль, но время
Управляет нами всеми.
Рос Парис, и наконец,
Вырос славный молодец!
И весеннею порою
Он в свою явился Трою.
И когда Парис вернулся,
Голос совести проснулся
У Приама и Гекубы,
Что вели себя так грубо.

Но Парис не помнил зла
Ни на папочку-козла,
Ни на мать свою Гекубу,
Что кусала нервно губы.

Лишь безумная Кассандра
Все вещала и вещала...
А в чашобе олеандра
Птичка нервно верещала...

Кассандра:

«О, великий царь Приам,
Будь мудёр, силен и прям!»

Птичка:

«Т-р-ря тирррьям тьям-тьям...»

Кассандра:

«Навлечет на Трою срам
Твой Парис, о, царь Приам!»

Игорь Ушаков

Птичка:

«Т-р-р-ря тиррр-рям тьям-тьям...»

Кассандра:

«Гибель близится к дверям!
Пробудись, о, царь Приам!»

Птичка снова «гр-рям» да «гр-рям»...

Но не слушал их народ,
Кто вещает, кто поет...
Что там жрица?
Что там птица?..

Жил Парис, в родимой Трое
Сыт, богат, благоустроен.
Жизнь влачил легко и ленно.
Вдруг он вспомнил про Елену!

Отыскал у папы карту,
Разыскал на карте Спарту.

И собрал в дорогу вещи...
Тут Гелен – провидец вещей,
Говорил Парису-братцу:
«За вояж не стоит братья.
Здесь потешился б с другими.
Ленка же – твоя погибель».

Не послушал он Гелена*,
Разыскать решил Елену.

Авторская ремарка:

Тот Гелен, Парисов брат
Был известный демократ.
А вот другой Гелен – так он
Был известнейший шпион!

И опять в слезах Кассандра:
«Горе нам! Наступит завтра:

Вижу – бой... И вижу пламя...
Враг господствует над нами...»

Только вещую девицу
Не слыхала даже птица...
Лишь при криках про пожар
Ворон каркал «кар-р-р» да «кар-р-р».

Похищение Елены

На борту Парис с Энеем.
Море мирно зеленеет.
И вот уж видно с корабля –
Замаячила земля.

Два любителя азарта
Прибыли с визитом в Спарту.
Встреча сверх-гостеприимна:
Флаги, фейерверки, гимны...
В честь гостей был дан прием
С чачей, брынзой и угрем.
А в разгаре буйства пира
Принесли салат и гиро.
Сколько ж можно пить да есть?
Ведь пора бы знать и честь!

Игорь Ушаков

Вновь рабочая неделя,
Менелай, конечно, в деле.
Он Парису говорит:
«Должен я слетать на Крит...
Нет, не pleasure, чистый business...
Вы ж с Еленой веселитесь.
Ты Елену развлекай,
Чтоб она ловила кайф!»

Менелай был добрый малый,
Хоть мозгой чуток отсталый:

Он пустил козла в капусту...
Было густо – стало пусто!

Понял все Парис буквально:
Через час у Ленки в спальней.
Он был очень учтивый,
Как всегда медоточивый...

Это знаете вы сами –
Любят женщины ушами.

И растаяла Елена...
Он ей руку на колено...

Слово за слово – и вот
Гладит он ее живот,
Потянул за поясок,
Чмокнул легонько в висок...

Строгая ремарка от автора:
Прекратите съемки эти –
У экранов ваших дети!
Ишь редактор вислоухий,

На экран нагнал порнухи!
Прекратите голый зуд!
Это вам не Голливуд!
Прекратить вещанье срама –
Где заставка?! Где реклама?!

Утром Ленка и Парис
На корабль прокralись.

План Париса удался –
Распустили паруса,

И – ищите ветра в море!
Кто-то рад, кому-то – горе...

Обманули дурака
На четыре кулака,

Ай да малый, ну и ну:
Мало, что украл жену –
Спер и царскую казну!

Ну, Парис был очень-очень
Сексуально озабочен –
Как-никак был холостяк.
А Елена? Так-растак!

От любовного азарту
Бросила родную Спарту,
Мужа позабыла прочь,
Кинула родную дочь...

От автора:
Впрочем, стоп, кончай базар:

Игорь Ушаков

Жизнь одна, а в ней азарт!
Убежим от темы тонкой:
Суд чужой души – потемки.
Ведь лишь та, что дорога,
Может подарить рога!

Сбор войска

Возвратился Менелай,
Хочешь вой, а хочешь лай:

Умыкнул Парис жену
И к тому же не одну:
Умыкнул и все богатство.
Это, братцы, просто ... э-э-э... гадство!

Тут союзнички по НАТО:
«Постоим стеной за брата!
Отомстим мы супостату,
А неверную Елену
Возвернем домой из плена!»

Собралась героев тьма
Сила есть (хоть без ума)
Два Аякса, Диомед,
Сын Эвбеи Паламед,
Критский царь Идоменей
И полно других царей.

Даже юный Ахиллес
В войско с радостью полез.

Хитрозадый Одиссей
Нужен был и Одиссей

Средь собрания друзей.
Он же только обженился,
Так что в бой не торопился.

«На хрена мне ваша Троя!
Ведь не я ж войну устроил!
Я родную Пенелопу
Не сменю на всю Европу!
И пошли вы, братцы... в эту!»

Нянча сына Телемаха,
Думал все не дать бы маху.

Вдруг поутру, что есть свет
Прибывает Паламед.
Говорит: «От военкома
Получи конверт знакомый!»

Думал Одиссей трусливо,
Как бы избежать призыва?
«Нет другого мне пути,
Как медкомиссью обвести!»
И не зря же Одиссей –
Знали все – хитер, как змей!
Притворившись шизой,
Плуг запряг ослом с козой
И пахал свои поля,
Солью крупной соля,
Говоря, что то не соль,
А отменная фасоль.
И как истый Ванька с Пресни
Напевал дурные песни:

«Ах ты плуг, ты мой плуг,
Борони ты мой луг.
Я засею его манкой

Игорь Ушаков

Пусть цветут-растут баранки...»

Так вот гречские герои
Уклонялися порою...

Но не глуп был Паламед,
Раскусил весь тот бред.
Взял младенца Телемаха
Да под плуг метнул с размаха:

«Что ж, безумный Одиссей,
Хочешь – жни, а хочешь – сей!»

Сына увидав под плугом,
Одиссей замолк с испугом.
Да, старик, не повезло!
Затаил в душе он зло:

«Ну, тебе, блин, Паламед,
С драхму станет белый свет!»

Вынужден идти в атаку,
Покидает он Итаку...

Поход на Трою

Нет ни компаса, ни карт
(Не успел еще Меркатор),
А если плавать на авось,
Попадешь впросак, небось.

Так и греки: плыли-плыли
И куда-то там приплыли.

Видят город... Чем не Троя?
И вперед пошли герои.

Рубят слева, рубят справа
Воинов чужих ораву...
Больше всех лупил Ахилл —
Он и вправду был не хил.

Бились ажно цельный день.
Вот уж ночь бросает тень.
Время павших подбирать
Да привести в порядок рать.

Выясняется конфуз:
По своим лупил Союз!
Бился давеча, как лев,
Их союзник — царь Телеф!..

Вот такие пироги:
Где друзья, а где враги?

Так несолоно хлебамши,
Схоронив беспцельно павших,
Без особого настроения
Греки вновь поплыли к Трое.

Проплутавши долго-долго
И, естественно, без толку,

Как ни странно, оказались
Там откуда отправлялись!

Ифигения

Грешен был Агамемнон –
На охоте как-то он

Лань священную убил,
Чем судьбу свою сгубил:
Ведь богиня Артемида
Очень шибка на обиды.
Не дает попутный ветер:
Грекам в Трою путь не светит...

Как всегда народ взроптал.
Тут один вещун сказал,

Что богине Артемиде
(Той, что за козу в обиде)
Нужно жертвоприношенье
В виде девы Ифигении.

(Дочь царя Агамемнона,
Что с Ахиллом обручена.)

Дочь была отцу отрада,
Но коль толпа сказала: «Надо!»

Агамемнон ответил: «Есть!»
(Что дороже: дочь иль честь?!)

Но Ахилл другого толка:
Он, не дожидаясь долго,
Взявши в руки щит да меч,
Ифигению стал стеречь.

И опять взроптало быдло,
Даже на героя-идола:

«Ты ее быть хочешь мужем,
А нам попутный ветер нужен!»

Но красotka Ифигенья,
Потерявши все терпенье,
Вышла смело на убой
Перед мерзкою толпой.
Встала возле алтаря,
Всех презреньем одаря...

А толпе в отраду диво:
Как козу зарежут диву!

Нож вознёсся над девицей...
Тут пора и удивиться:
Ведь жреца коснулась длань
Не девицу – а лишь лань!
А богиня Артемида
Деву отнесла в Тавриду.

Дул попутный ветер взад.
Каждый был безумно рад.

От автора:

Вспомним про Аврама сказ,
Как баран Исака спас.
Чем отлична байка наша?
Тем, что лань барана краше?

Вроде разные по виду
Иегова с Артемидой,
А ведут, как брат с сестрой –
Тот – на горке, эта – в Трое!

Вот и Паламед

Войско греков Паламед
Спас от очень многих бед.

Но добро и разум сея,
Он забыл про Одиссея,
А как поведал Геродот,
Он был подонок еще тот!

Как-то Паламед-мудрец
Предвкушал войны конец,
Говорил: «Пора домой!
Мало что ли этих Трой?
Мы найдем, чего попроще!»

И попал как кура во щип:
Одиссей, таивший зуб,
Внешне не был вовсе груб,
Но такое упустить?
Паламеду не отмстить?!

Он набрал в мешок добра:
Денег, злата, серебра,
И подбросил – ох, хитер! –
В Паламедовский шатер.

Сам же, подлая душа,
К Агамемнону поспешал:
«Думаешь, что Паламеду
Так нужна в войне победа?
Ведь Приам – правитель Трои
Все давно уже устроил...

Куплен гнусный Паламед!
Жди уж бед, а не побед!
Нужно действовать, спеша:

С обыском послать СМЕРША!»

СМЕРШ и в Греции шустер –
К Паламеду мчит в шатер...
Не прошло и пять минут,
И мешок уж тут как тут!

Факты, как всегда, упрямы:
Куплен Паламед Приамом!

После этого на сходке
Объявили о находке.

И, как водится, толпа
В вере в партию тупа.
С криком «Смерть врагу победы!»
Затоптали Паламеда.
У того ж последний стон:
«Хай живе, Агамемнон!»

...Одиссей давал обет,
Вот и сгинул Паламед!

Менелай и Парис в драку собрались

Долго длились те сраженья...
Все уже в изнеможенье...
Всем известно, царь Приам
В разрешеньи споров прям.

«На хрена нам бить друг друга
Посреди большого луга?
Может, выберем бойцов –
Самых славных молодцов.

Игорь Ушаков

Тех, кто смел, силен и скор.
Пусть они решают спор.

Победите – непременно
Возвращаю вам Елену.
Коли ж мы вас победим,
Девку вам не отдадим!»

Рвется в драку Менелай.
И Парис пошел в раздраз.

«Что же ты, Парис, дрожишь?
Честью что ль не дорожишь?»

Храбр с Еленой спать, шакал,
А как в бой – в штаны наклаал?»

«Что мычишь, козел рогатый?
Был с женой ты и богатый,
А теперь, едрена вошь,
На кого ты стал похож?»
Менелай взревел, как лев,
И Париса одолев,
Был готов его убить...
Только нет – тому не быть!
Так решила Афродита,
Топнув каблучком сердито.
Менелаю – пыль в глаза,
А Париса, взявши за...

От автора:

Нет, мой друг, не думай плохо,
Не держи меня за лоха!

Взяв за волосы героя,
Унеслась с ним прямо в Трою.

Пыль осела... Вот беда –
Нет Париса и следа!

Тут вскричал Агамемнон
(Смолоду был грозен он):

«Эй, трусливые троянцы!
Все вы – грязные засранцы!

Вы ж видали, как Парис
В этой битве весь обдрис...
Ой, пардон, в штаны наделал
Ваш герой отменно смелый!
Вспомним уговор Приама:
Взад гоните нашу даму!

От автора:
В мире все решают боги:
Выбирают нам дороги,
Все решают, что к чему
(Хоть и редко по уму!)
Мы же куклы – Образцова,
Кои пляшут образцово.

Десять лет войны

Десять лет текла война.
Много крови и говна.

Игорь Ушаков

Чтоб ни крышки ей, ни дна!
Излагать про эту свару
Нет ни времени, ни дару!

Избежим мы сцен батальных,
Описаний судьб фатальных...

Я, признаться вам по чести,
Сам заснул на этом месте,
Книгу выронил из рук
И проснулся лишь на звук.

От автора:

Для кого-то духа пир –
Прочитать «Войну и мир».
Я ж сословия простого –
Не понять мне Льва Толстого.
Я скажу вам без утайки –
Не люблю я эти байки:
Где Багратиона флешки,
Где Наполеона плешки,
Кто кого с какого фланга,
Где какая перебранка...

Очень действуют на нервы
Мне военные маневры!
Впрочем, я б соврал вдвойне,
Все сводя к одной войне:

А про мир начнет калякать?
В горле – ком, под носом – слякоть.
«Ах, Наташа!.. Ах, Элен!..»
Хоть сейчас на гобелен!
Для меня – по части женской –
Ближе уж поручик Ржевский.
Тот же Пьер... пардон! Без... ухов...

Не по мне такой пир духа!

Троянский Конь

Исходя из чувства долга,
Воевали греки долго,
Но, увы, совсем без толка.

Больше всех волынкой сей
Огорчен был Одиссей:

Хоть и воевал без страха,
Да скучал по Телемаху.

А то приснится Пенелопа,
Что стройна как антилопа.

Предложил он хитрый план
(Не башка, а прям – Госплан!)
«Есть ли среди нашей сотни
Либо столяр, либо плотник?
Пусть он выразит в скульптуру
Лошадиную натуру.
Не жалежную – из древа,
А внутри – пустое чрево.

За ночь сделаем коня..
Усекаете меня?»
«Ну, а конь-то на хрена?»

«А голова зачем нужна?
В брюхо мы посадим рать,
Чтобы Троию с боем взять.

Игорь Ушаков

Мы же все, едрена тля,
Мчим как будто к кораблям.

Враг, увидев наш уход,
Вылезает из ворот,
Видит чудного коня
И – попомните меня!

Я сажу вам, братцы, право,
Всяк охочий на халяву:
Если плохо что лежит –
Похищенью подлежит.

Это вам не воровство –
То – людское естество!»

«Одиссей, ты ж психолог!
Что придумать, падал, смог!»

Во главе командос всей
Встал, конечно, Одиссей.
Подобрал головорезов,
Кто хоть глуп, да смел и резов.

Конь – отличная идея
Хитроумца Одиссея.

И к тому ж взялась помочь
Против Трои Зевса дочь.

Впрочем, что нам та Паллада?
Не об ей моя баллада.

* * *

Утро красит нежным светом
Стены древней Трои, бля.
Просыпается с рассветом
Вся Троянская земля...

Часовые со стены:
«Люди! Греки не видны!»
Ай да славный поворот!
Враг оттринул от ворот!
А там где лагерь был разбит –
Деревянный конь стоит.

Долго думать не резон –
Конь троянцам стал нужен:
Будет среди прочих статуй
Знак побед над супостатом!

И лошажьё ту скульптуру
Потащили в город сауру
В окружении зевак...
Вдруг из чрева «звяк» да «звяк».

Невдомек троянским лохам,
Что коняжка та с подвохом.

Только старца Лаокоона –
Тот был жрец у Аполлона –

Этот звук поверг в тоску:
Бросил он копьё в доску.
Снова звон и перезвон.
Закричал Лаокоон:
«Я костями своими лягу,
Но сожгу, к чертям, конягу!»

Игорь Ушаков

И все кричал: «Огня! Огня!»
В виду имея, сжечь коня.

А рядом два его сынка,
Поддерживали старика.

Вдруг откуда ни возьмись,
Бошки подымая ввысь,
Мчат по море-окияну
Две змеюги окаянных.

Подлетев на всем скаку
К двум парням и старику,
Задушили, сразу всех...
Кто ж содеял этот грех?

Ну, конечно же, Афина!
Кто б еще убил невинных?
Помнит яблоко раздора,
Мстит Парису без разбора.

* * *

Знамя по ветру полощет.
Украшает лошадь площадь.
А беспечные троянцы,
У костров устроив танцы,

Пили-ели,
Песни пели,
Аж пока не окосели...
Ночь спустилась. Спать пора.
Разбрелись все по дворам...

Ну, а греческий спецназ —

Он не хуже, чем у нас, –
Через apus* (или хуже)
Тихо выбрался наружу.

*// Авторская ремарка:
Так во времена Эзопа
Называли греки жопу.

Все покинули коня,
И уж тут пошла резня!
(Да! Герои еще те:
Режут сонных в темноте.)
Пала Троя... Троя пала...
Полегло людей немало...
Красным, белым – всем досталось,
Кучка жалкая осталась...
Но зато, врага разбив,
Все попали в греческий миф.

Эпилог

Что сказать тебе, читатель,
Древних мифов почитатель?
Есть ли в ентих мифах прок
Аль исторический урок?
Баб красивых много есть,
Всех, пожалуй, и не счесть.
Но если из-за каждой бабы
На земле война была бы,
Был бы то, друзья не мир,
А огромный сортир.

Игорь Ушаков

Лозунг ближе стал вдвойне
«Миру – мир! Война – войне!»
Если кто-то не у дел –
Воевать его удел.
Только мой совет простой:
Коль энергии простой,
Коли ты силен и глуп –
Запишись в боксерский клуб.

Сан-Диего
2001

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА

(в жанре «ЕРНЯ»)

Прелюдия

Ну, скажи, какого фера
Вяжется к Гераклу Гера?
Зевсу платит за измену
С мужней бабою Алкменой?

Справка:

Гера – жена Зевса и одновременно Богиня ЗАГСа... А
Геракл - выблядок Алкмены от Зевса.

Ну, конечно, Зевс – отец,
Но при чем же тут малец?
Ну, с какого же конца
Сын в ответе за отца?

Видно, было так и встарь –
Коль ты царь иль Секретарь,
То стели любую бабу...
Главное – не понесла бы!
Ну, а если понесет,
Бог поможет – пронесет.

А жена – всегда жена.
Где грозна, а где нежна...
Где нужна, где не нужна...
Так какого же рожна?..

Нет, Гера!
Казни, да знай меру!

Подвиг первый: Немейский Лев

Говорит царь Эврисфей:
«Ну, Геракл, тоску развеи!
Шлю тебя на подвиг ратный.
Победишь – валяй обратно!»

Те, кто жили под Немеей
Аж от ужаса немели:
То и дело в каждый хлев
Навещался страшный Лев –
Грозен, зол, непобедим.
(Тут еще мы поглядим!)

Чуть приехав, наш герой
Сел в засаду под горой.
Ждет-пождет, а Льва все нет!
Вот такой, блин, винегрет...

Лев же, ничего не ведав,
Почивал после обеда.

До Геракла Льва сопенье
Донеслось сквозь птичье пенье.
И Геракл бежит на звуки,
Взяв свою дубину в руки.

Вот и Лев. Сидит в пещере,
Зубы скалит, морду щерит.

Размахнулся тут Геракл,
Льва в проушину – херак!

Не успел очнуться Лев,
От удара околев.

Подвиг второй: Лернейская Гидра

Говорит царь Эврисфей:
«Ну, Геракл, давай резвей!
Завелся под Лерной Гидра.
Нужно уничтожить пидора!»

Горожанам града Лерна
Стало жить ужасно скверно.
На окраине – болото.
В нем завелся страшный кто-то.
Жрет он всех, кто подурей,
Всех – от девок до курей.

Подошел Геракл к болоту,
Чтоб начать свою охоту.
Взял в подмогу Иола –
Знал, что Гидра жутко злая,
Трудно будет без подмоги...
(Жди, пока помогут боги!)

Что у Гидры мать – Ехидна,
Это сразу было видно.

Девять глав страшней друг друга –
Премерзейшая подлюга!

Стал Геракл рубить башки
Аж под самы корешки.
Отрубил башку, а тут –
Новых две уже растут!
Бошки он рубил, как мог,
От напряга весь аж взмок.

И еще вдобавок враг –
Из болота вылез рак.

Игорь Ушаков

Только сунул грека руку
Рак за руку грека – цап!

(А откуси он без затей
То, чем делают детей?)
Не стряхнуть Гераклу рака!
Заорал тогда Геракл.

Подлетает Иолай
С криком греческим «банзай»,
Отрубает клешни раку,
Чтоб не лез в чужую драку.

А Геракл, набравшись сил,
Гидре головы косил...

Иолай же был шустер,
Запалил большой костер

И Гидре шеи прижигал,
Где Геракл башки срубал.

Работая споро,
Управились скоро.

Яд, что с шей у Гидры тёк,
Надоили в пузырьёк:
Чай не пресная водица –
В ратном деле пригодится!

Говорят,
Тако-о-ой был яд,
Гидрит – ангидрит!
Пострашней кураре –
Смертелен всякой твари.

Подвиг третий: Стимфалийские птицы

Говорит царь Эврисфей:
«Мне, Геракл, печаль развей!
Появилась вражья авиация.
Надо с нею расквитаться!»

В городе Стимфале
Птички обитали.
Бронзовые крылья
Землю тьмой покрыли.
Всю Аркадию,
Гады, обгадили.

Злобные стервозы –
Вечно всем угрозы!
Стальные клювы:
Башки человечьи
Да спины овечьи
Клюют, как клюквы.
Так бы вечно
И жили бесчеловечно,
Пожирая человечину...

Но пришел Геракл –
В штаны не накакал.
Смел
Наш пострел!
Колотил в тимпаники –
Навел у птиц паники.
Воронье взлетело,
А он их стрелой в тело.
А стрела с гидриным ядом...
Птичкам жисть показалась адом.

Игорь Ушаков

Кто на землю пал,
А кто вдали пропал...

Улетели птицы роем...
Стал Геракл трижды героем.

Прим. авт.:
У всякого, бля,
Своя Малая Земля!

Подвиг четвертый: Керинейская Лань

Говорит царь Эврисфей:
«Геракл, меня, друг, пожалей!
Жру всё устрицы да маслины...
А вот мяса бы, оленины...»

Возмечтал Эврисфей о лани –
Для обеденного заклания.

Вот так всегда – царю хотелки,
А холоп – попадай в переделки!

Гонялся Геракл по всему белу свету,
А толку все нету.

Кажется, вот она лань –
Протяни длань!
А протянешь длани –
Ан! Нету лани!

Не дается, блин, коза...
У-у-у, бесстыжие глаза!

Гераклу с овчину стал свет белый,
Достал, наконец, лук да стрелы.

Не избежала лань плена,
Ранил Геракл ее в колено...

А на трех ногах – шиш
От такого гонца убежишь!

Геракл лань схватил обрадованно,
Но тут неожиданно-негаданно
Возьми да явись Артемида –
Бабенка весьма строгого вида:

Сестра Аполлона, богиня охоты.
«Ну, ты, лох, по ушам получить охота?!
Это ж любимая моя газель!»

«Извините, мамзель.
Я Геракл, Зевсов сын.
Что за хипеш из-за какой-то козы?»

Тут струхнула Артемида
(Не подавши, правда, вида),

Лишь слегка сбледнув с лица,
Утешает молодца:
«А-а-а... Здрасьте, насышана премного...
Знаю вашего папочку – главного бога.
И правда, ранили какую-то овцу...
Кланяйтесь, при случае, отцу!»

Подвиг пятый: Эриманфский Кабан

Говорит царь Эврисфей:
«Ну, ты, герой Эллады всей!
А кабана скрутить слабо?
Столько от него забот!»

Перед нами город Псофис.
Все, как надо: царский офис.

Виноградня да базар...
Разбегаются глаза...

От древнего скотоложства
По улицам ходят убожества:
До пояса всадники,
А ниже – конские задники.
Морды, как у мавров.
Прозываются – кентавры.

Там на Эриманфских склонах
Винодельческий колхоз.
Все кентавры неуклонно
Бдят сохранность винных лоз.

Так и живут кентавры,
Растят оливы да лавры,
Репу, капусту да виноград...
Каждый по-своему жизни рад.

Их председатель по имени Фол
(До революции – партийный козёл)
Устроил застолье – жратвы не счесть:
Ведь прибыл сын Зевса – какая честь!

Откупорил заповедного вина бочонок,
Позвал кентаврих-девчонок,
Такое устроил кабаре!..

Но на самой заре
Собрались кентавры на дворе,
Кто с вилами, кто с топором:
«Пошто базаришь народным добром?»

Мы, Фол, тебя с твоим дружкойм
Отметим сейчас батожком!»
Окружили дом председателя –
Людоблиза-предателя.

Геракл озверел
И взревел:
«Ах вы, племя скотоложское!
Забыли про уважение божеское?!

Покажу вам кузькину мать!»
Да и давай из лука стрелять.
А тех, кто рядом – дубиной
Чешет по лошажьим спинам.
А потом ядовитыми стрелами
Убегавших козлов достреливал...

И случись же такая напасть:
В лучшего друга попасть!

Был Хирон беспечен,
Знал, что он вечен.
И вот-те на – стал увечен!

Воеет от боли,
Как волк в поле.

Игорь Ушаков

И Геракл
Заплакал,
Прям-таки завыл:

«И на фер он
С ними был –
Мой друг, Хирон?..»

Да, Геракл, плачь не плачь,
А друга поразил, палач...

Пардон, забыли мы про кабана –
А там ведь мучается страна.
Эх, Геракл, за пьянкой долгой
Позабыл ты чувство долга!
Ну, с кабаном дела просты:
Загнал хряка в кусты,

Скрутил в бараний рог,
Да в Микены живьем поволок.

Подвиг шестой: Авгиевы конюшни

Говорит царь Эврисфей:
«Сделай жизнь нам здоровей!
У царя Авгия от говна
Задышается вся страна!»

Прибыл наш герой на место.
Под ногами – будто тесто.
Запашок – не продохнуть.
Аж позывы сблевануть...

«И какая ж это рать

Так успела все засрать?»
«Лучше лёве пасть порвать,
Лучше гидре бошки сечь,
Лучше медных птиц канать...
Лучше под бульдозер лечь!»

Но недолго горевал.
Навалил огромный вал
Поперек соседней речки,
Чтобы не было утечки.
И направил весь напор
На засратый скотный двор...

Поработал он не зря:
Лишь забрезжила заря,
Двор – светлее янтаря!

Геракл исто
Стал говночистом!

Появился так у нас
Первый в мире унитаз:
Дернул ручку и говно
Отправляется на дно.

Говорит Геракл Авгию
«Двор блестит! Гони бакшиш!»
А Авгий, подобно змию,
Лишь шипит: «А хочешь шиш?»

И Авгий, не одаря,
Отослал золотаря.
Так что, видимо, и встарь
Не в чести был золотарь...

Игорь Ушаков

Подвиг седьмой: Критский бык

Говорит царь Эврисфей:
«Эй, Геракл, давай скорей!
Нужон мне бык с Крита
Для греческого общепита».

Жил-был царь,
У царя был Крит,
А на нем был бык...
Но не было мочала,
А посему не начнем сказку сначала.

Звали царя Минос.
Жаден был, как пёс.

* * *

Посейдон послал быка
Да на критские луга.
Для откорма
До положенной нормы.

Такое было положение
С жертвоприношением.

Теленок рос,
Полюбил его царь Минос.
Вырос прекрасный бык.
Минос к нему привык.

И решил быка заначить,
Утаить от Посейдона, значит.
Принес на заклание
Другое божье создание...

Но Посейдон пронюхал,
Дал Миносу в ухо.
А быка спешно и успешно
Сделал безумно бешеным.

Бычище носится по стране.
Мало того, что весь остров в говне,
Топчет жнивье и посевы,
Не пропустит мимо ни единой девы,
И мужиков почти что всех
Обратил он в содомский грех.
(Гёлок уж не вставляю в сказ –
Тех всех попортил, ловелас!)

Геракл всему Криту
Сообщил про корриду.

Собрался люд со всего Крита.
Пришла и царская свита.
И орут все хором:
«Торро! Торро! Торро!»
Геракл в треуголке,
Гольфики цвета помидор.
В руке клиночек колкий.
Ну, прям-таки – тореадор!

Машет красной тряпичей,
Заставляя быка торопиться.
Бык с победным криком «Му-у-у-у!»
Во все копыта мчит к нему.

А Гераклу бык,
Что два пальца встык.
Укротил быка,
Наломал ему бока.

Игорь Ушаков

Уж какой был псих,
А стал послушен и тих...
Укротив того быка,
Взял быка он за рога,
Говорит ему: «Дурила,
Аль не чуешь мою силу?
Вот сейчас как дам раза,
Враз повывлезут глаза!»

Покорился бык,
Хоть сдаваться не привык...
И на Крите опять
Тишь, гладь
Да божья благодать.

Критинцы и критинки
В плясках стоптали ботинки.

На радостях перепили вина...
Словом, веселилась страна.

И Геракл с тех пор –
Первый в мире тореадор!

Геракл сел на быка
И поплыл в родные берега.

Подвиг восьмой: Кони Диомеда

Говорит царь Эврисфей:
«Геракл, от скуки не совей!
Умыкни коней Диомеда.
Вот это будет победа!»

Ай да кони, чудо-кони –
Без попоны и в попоне!
Фыркают, ушами прынут.
Кнут им, почитай, за пряник.

Что ни конь – то людоед,
Ведь кормил их Диомед
Не сеном-соломой, а мясом.
(Был мужик с прибамбасом!)
Всех, кто прилетел без визы,
Прям на паспортном контроле
Брали и под стоны-визги

Волокли к коням на поле...
И там людоедки-лошадки
Пир устраивали сладкий...

*

Еще не заалела заря,
А Геракл уже втихаря
Диомедово стойло ограбил
И коней уволок на корабель.

Узнал о том Диомед
И помчал за Гераклом вослед.

Оставив коней с другом Абдером,
Геракл занялся ратным делом.
Разбил Диомеда в пух и перья:
«Кони твои – мои теперя!»

Поверг Диомеда,
Отгулял победу:

Так уж был рад
Первый в мире конокрад.

Игорь Ушаков

Вернулся назад
И не верит глазам:
Бедняга Абдер, сын Гермеса,
Не смыслил в конях ни бѣльмеса –

Кони его растерзали
И съели в Греческом Зале...

Подвиг девятый: Пояс царицы Ипполиты

Говорит царь Эврисфей:
«Ты ль, Геракл, всех сильней?
Ну, а как насчет бы баб?
Чай ты с ними будешь слаб?»

Дочь Эвфрисея Адмета,
Все имея, захотела еще и это:

Слыхала, что у Ипполиты
Есть поясок знаменитый.

(О таком мечтают бабѣхи-янки,
Которые лесбиянки:
Этот пояс – символ власти:
С ним в любые кровати влазьте!)

Адмета – капризная сучка –
Захотела и эту штучку.

Конечно, с бабой не воевать,
А тащить надо в кровать.
Но что поделать – приказ есть приказ.

Чувство долга сильнее нас.

Поутру, выпив пол-литра,
Пошел Геракл к Ипполите.

Пришел, хоть устал с дороги,
Поклонился Ипполите в ноги.

«С чем пришел, молодец?
Надеюсь, не в сексуальном голоде?
А то ведь у нашей лесбы,
Как влез, так и слез бы!

Нам мужики нужны раз в год,
Чтобы иметь приплод!

А сейчас не сезон –
Нам иметь тебя не резон!

Так с чем – с миром
Аль с войной?
Встретим вином да сыром,
Либо пендаль по жопе получишь двойной!»

«Дорогая Поля!
Дак я ж не по собственной воле...
Эврисфей от желанья иссох –
Нужен дочке его поясок...»
Хохотнула Ипполита:
«У кого чего болит, а?»
И Геракл хохотнул,
Польке ляжечку щипнул.
«Ну-ну, давай без фривольства,
А то лишу, чем творят удовольствие!
Ладно, получишь ты эту штучку,
А весной приходи на сезонную случку.

Игорь Ушаков

Будешь моим хахалем!»
Тут лесбиянки заохали-заохали:
«Нечестно! Мы еще с праотцов
По жребию выбирали себе жеребцов!»

«Это Гераклова провокация!
Бей мужиков, спасай нацию!»
И с криками и воем, всей гурьбой,
Лесбиянки бросились в бой.

В бой их вела Меланиппа –
Грудь кольчугой в облипу,
Ляжки – хватит на двух.
Ух!
У Геракла захватило дух!
А за ней лес лесбиянок –
Как одна, все без изъяну...

Геракл потерял много друзей,
Но и сам покрошил массу ...
(этих, как их там?) девушек.

Меланиппу же взял в плен,
Предложив Ишполите обмен:

«Знаю, Меланиппа тебе за мужа,
И полководчица твоя к тому же.

Я тебе верну товарку,
А ты одари меня своим подарком».

Так содомский грех помог
Получить тот поясок!

Подвиг десятый: Коровы Гериона

Говорит царь Эврисфей:
«Эй, Геракл, будь порезвей!
Сгоняй за коровами Гериона,
А то без коров не в радость корона...»

Не успел и отдохнуть –
Ан пора и снова в путь!
Да и путь длиннющий очень –
Счесть не можно дни и ночи.

Шел, как Моисей в пустыне –
Днем потея, ночью стыня...
Да пчела куснула в бровь...
Ноги стерты ажно в кровь,
Ломота в пояснице...

Тут Гелиос в колеснице.
(Такое может только присниться!)
«Привет, племянничек!
Хочешь пряничек?
Как дела у папани?
Все так же с девками парится в бане?»

«Куда, Гераклушка, держишь путь?
Или просто бредешь куда-нибудь?»

Ах, на остров Орифейя:
Вмиг домчу. Садись скорее!»
Геракл балдеет: «Вот везуха!»
Не зря говорят: пружному – пруха.
«Вот и остров Орифейя,
Где должен добыть трофей я!»

Игорь Ушаков

Вот и пастбище, а вон
Чудо-юдо Герион!»
Ну, сажу вам, страшен он!

Шестиногий шестирук
(Как, бывалчи, политрук) –
Вид один родит испуг!
Иль шестирукий шестиног?
(Тож бандит с больших дорог)
Разобраться я не смог!
Может, просто триголов?
Или три..., пардон, нет слов!

(Не слаба ль моя палитра?)
В руках огромная пол-литра
И огромнейший стакан –
Любит выпить старикан!

Он одной башкой балдеет,
А второй при этом бдеет,
Третья ж спит еще с похмелки,
Затворив свои гляделки.

Гериона увидав,
Наш Геракл пустил стремглав
Три стрелы для всех трех глав...

Рухнул навзничь великан,
Не допив тройной стакан...
Для ублажения толпы,
Чтоб венчать победы миг,
Геркулесовы Столбы
В Гибралтаре он воздвиг.

Стадо все забрав с собой,
В путь отправился ковбой.

Шел со стадом от Испании
Аж до самой до Италии.
И все женщины без паники
В воздух чепчики кидали!

Подвиг одиннадцатый: Цербер

Говорит царь Эврисфей:
«Ты в Элладе всех смелей!
Есть Цербер в царстве Аида.
Нужон ко двору для пущего вида!»

Не подавши даже вида –
Будто моцион простой –
В царство мрачного Аида
Двинул ноги наш герой.

Вот кротинная нора...
Знать, под землю лезть пора.

...На дворе бушует лето!
Здесь – прохлада. Нету света.
Только черной массы Лета

Мчит потоки в никуда...
(Да и вода здесь – не вода!)

Наш Геракл предстал пред очи
Мрачного царя Аида.
Тот бы удивленный очень.
Но совсем не подал виду.

Игорь Ушаков

По соседству с царским тронном
Восседает Персефона...

Трехголовая псина лежит за тронном,
Хвост заканчивается головой грифона.

Удивляются царь с царицей оба:
Новичок пришел без гроба!

Представился: «Зевсов сын».
«Ну, тогда чего хошь проси!»
«Нужен мне ваш пёсик».
Почесала Персефона носик:
«Это какая-то лажа!
А я что, буду без стража?»

«Цыц, баба! Коли начальству надо –
Отдадим. Зевсу служить рады!
Но одно, Геракл, условие:
Без оружия укроти трехголовье.»

Ну, конечно, Цербер в рык –
Он сдаваться не привык.
Пса Геракл валит наземь.
«Я тебе, блин, не Герасим!
Покажу щас восемь-на-семь!

Чтоб мне на зарплату жить!»
И начал Цербера душить.

(Три горла двумя руками?
Да еще змеиный хвост?
Как? Подумайте-ка сами!
Для меня ответ не прост.)

Цербер от удушья сник.
Шепчет: «Отвали, старик!
Все, как скажешь, будет так...
Я же сам себе не враг...»

Взявши пса на поводок,
Геракл перешагнул порог
Из угрюмства Царства Теней
В жизни мир и мир цветенья.

Комментик:

Намотай себе на ус:
Не один Христос Иисус
Возвратился от Аида
В мир трехмерного Эвклида!)

Не устали? Вновь победа!
Снова подвиг достославен!
И к Миносу до обеда
Пес трехглавый был доставлен...

Но увидев кобеля,
Царь Минос воскликнул: «Бля!
Отчего дрожит земля?»

Или то мои колени
Чуют близость Царства Теней?..
Чтобы не было обиды,
Кобелька верни Аиду!»

Игорь Ушаков

Подвиг двенадцатый: Яблоки Гесперид

Говорит царь Эврисфей:
«Геракл, ты всех умней!
Чевой-то очень мне надо
Яблочек из Атласова сада!»

* * *

Одному Геракл не рад:
Как найти Атласов сад?
Я же не Иван-дурак,
Чтоб со мною делать так:

«Поди туда,
Не знаю куда...»

Ишь, замыслил, паразит!
Зевс за то тебя сразит!

Исходил Геракл весь свет,
Только сада нет как нет!
Пригорюнясь, сел у речки
Вдруг как нежные овечки
Из воды выходят нимфы
(Без которых что за мифы!).

И без баб оголодав,
Девоч в теле увидав,
Наш герой, без промедленья
Всем им утолил томленья...
А русалочки за это
Выдали ему секреты.

Где мораль? Девичий зад
Путь укажет в дивный сад.

Коль в сомненьях, без опаски
Погрузись в девичьи ласки!
И глядишь, куда-нибудь
И найдешь, пожалуй, путь.

Ну, теперь и цель ясна
И дорога вся видна.
Но средь указанных путей
Попадается Антей.
(Я вам вкратце, без затей,
Расскажу, кто есть Антей.
Посейдон с супругой Геей Родили ..
Нет, нет, не Гау'я!
– А обычного Антея.

Но еще не видел мир
Худшего, чем он, задир.)
В драках он свиреп бывал –
Непременно убивал.

Вот Антей слабеет, млеет...
Прикасается к земле и...
Как вначале, полон сил,
Будто выпил эликсир.
Но Геракл был таков,
Не из ванек-простаков.
Он, заметив енто дело,
Оторвал Антея тело,
Поднял на своих руках...
И Антей тот вмиг зачах.
А Геракл от всей души
Супостата задушил!

Так погиб герой Антей
От своих же от затей.

Игорь Ушаков

Долго ль, коротко ль, но вот
Виден сад и огород.
Вон и яблонька золотая.
Тут же девушки, болтая,

Ходят, бряцая оружием.
(У Атласа дочери служат.
Охраняют урожай,
Супостатам угрожая...)

«Вот и дочери Атласа –
Гренадерки, в бок им бес!
К этим не подъедешь с лаской
Слезешь там же, где залез!
Как же быть, едрёна лапоть!
Business first. Не девок ж лапаты?
Это ж мой последний подвиг!
А потом девиц – хоть по две!»

Чтобы девок не спугнуть,
Выбирает дальний путь.
Вот добрался до папашки..
Наш Атлас не жнет, не пахнет –
На краю бескрайних вод
Подширает небосвод.

«О великий наш титан!
Прибыл я из дальних стран.
Мой папаша – старый Зевс.
Чистил я Авгиев хлев..
Я спускался до Аида..
Укокошил гидру-гниду...

Подвигам теряю счет.
Но мне бы яблочек ещё...»
«Что ж, Зевсович, убедил.

Душу мне разбередил.

Ведь и я герой, да вот
Поручили небосвод...

Атлас, верно, не скулит,
Только вот радикулит...
Да обостряется порой
Застарелый геморрой...

Подержи, товарищ, небо,
Эту синюю красу!
Я в саду давно уж не был...
Сам те фрукты принесу!

И Геракл, хоть не дурак,
Все ж попал-таки впросак!
Ну, и тяга, мать твою!
Долго так не устою!

Вскоре и Атлас явился,
Как говорят, не запыхался.
«Вот, Гераклушка, смотри
Яблок ентих ровно три.
Если хочешь, я в Микены
Сам снесу их непременно.
Ну, а ты пока постой
За работою пустой!..»

Думает Геракл: «Ну, влип!
И хитрец же этот тип!»

«Ладно, Атлас, не перечу.
Дай мне парочку минут:
Я подушечки на плечи
Для себя сварганю тут».

Игорь Ушаков

Атлас был наивный малый,
Взял на плечи небосвод,
А Геракл, смахнув усталость,
Говорит ему: «Ну, вот:
Сила не сильна сама,
Если сила без ума!»

И с фруктами офигенными
Потопал Геракл в Микены...

Эпилог

Двенадцать... Этой вечной теме
Посвящены стихи, картины...
Теперь и я навеки с теми,
Кто мухой бьется в паутине...
Вечеря (тайная притом!)...
И Бахтияровский притон...
И Блок с намеком (где же имя?)...
И Бендер с стульями чужими...

Кругом – Двенадцать...
В цифре магия:
Не пожалел для вас бумаги я.
И написал я то, что смог.
(Примерно то же сделал Блок!)

Июль 2001
Сан-Диего

оХАЛЬНЫЕ ПОЭМЫ

Игорь Ушаков

ЭХ, ЭДИП, ТВОЮ МАТЬ!..

(в жанре «Ерня»)

Пролог к прологу

Я не избежал искуса
Описавши жизнь Иисуса.
Кто смеялся аж до коллик,
Но зато один католик
Мне сказал: «О грешный, жди:
Ждет тебя судьба Рушди!»

И иудей таит обиду:
Я задел Царя Давида.

Верю, средь моих абреков
Не найдется древних греков.

Пролог

Нас всех учили понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.
К тому ж безверье наше в Бога...
Откуда ж правду почерпнуть?

Что знали мы о наших предках —
О римлянах и древних греках,
Не прочитавши без греха
Из Энеиды и стиха?
Я сам по-гречки ни гу-гу,
Но вот с подстрочником могу.

Мой друг, что сам из греков древних
(Я лето с ним провел в деревне),

Не точно, но почти что около
Мне пьесу перевел Софокла.
Скажу вам, «Царь Эдип» не плох!
Я сделал все, что только смог:
Да только пребываю в страхе –
Удался ли мне амфибрахий?
О чем пишу я – то не враки:
Кусали ж, правда, греков раки.
А что до Гидр и до Горгон,
То это, может быть, жаргон?
Ведь мы же вот с полсотни лет
Боролись с Гидрой тет-а-тет...
(Но нас уже в помине нет,
У Гидры же голов расцвет!)

Предыстория про Лая

В Фивах правил некто Лай.
Был он просто негодяй!

Он на подчиненных лаял,
Бил рабов довольно часто...
Больше ж всех снесла от Лая
Кроткий агнец – Иокаста.

Царем Пелопсом приглашен,
Ну, тем, что жил – простите – в Писе.
Лай поступил нехорошо:
Сыночка царского он ... спер.

Ремарка:

Здесь рифма явно подвела,
Но речь моя не так смела...

Игорь Ушаков

К тому же дело было в Писе,
А не на Тибре, и не в Пизе.

От плача он совсем осип —
Пропал сынок его, Хрисипп,
Возмездья жди, о, воля злая!
Пелопс за это проклял Лая.

Богов Олимпа был совет,
На коем принят был декрет:
«Проклятье праведно.
Согласны.
Утверждено единогласно.
А Лаю чтоб была наука,
Накажем сына мы и внуков».

Авторское наступление (не отступление же?):

Так что ж вы, боги,
В бок вам дышло!
Уж наказали б папу-Лая.
У вас же, у козлов, что вышло:
Детишек ждет судьбина злая!
Да и наш Господь прока-а-азник:
То шлет египетские казни,
То, будто мелочный злодей,
Бьет не Арона, а людей...

Да, наш Господь, увы, не лучше.
Хотя бы взять с Давидом случай:
Ведь тот с Вирсавией грешил,
А Бог их сына порешил!

Но у Лая, как назло,
С детородством не везло.

Навещал он Иокасту
По ночам довольно часто.
Но от тех пустых затей
Не случилось детей!

(Знать ни одного гонца
Не добралось до яйца...)

Лай у Дельфийского оракула

Чтоб узнать свою судьбину –
Взяв в котомочку за спину,
Хлебца да винца немного –
Лай отправился в дорогу.
В Дельфы, где сидит оракул,
Чтобы тот судьбу накричал.

Там, по счастью, сидела
Жрица-пифия без дела
Ей позолотивши ручку,
Получил Лай нахлобучку.
Пифия заверещала
И такое навещала:
«Сына просишь? Знай вперед –
Что сынок тебя прибьет!
Иокаста ж – его мать –
Будет с ним как с мужем спать!

За твои все прегрешенья
И внуки вкусят, троглодит!
Это Зевсово решенье –
Хошь не хошь, а проглоти!»

Игорь Ушаков

Лай вернулся. Вот дела! –
Иокаста зачала...
Выражаясь прямиком,
Хрястнул об стол кулаком.
Вот какая незадача –
Из удачи – неудача!
Вдруг и впрямь родится сын?!
Что ж, живи – считай часы?
Жди пока наследный принц
Вколет с ядом в спину шприц?

Где посевы – там косьба...
Жить малому – не судьба!»

Первый выход Эдипа на сцену
На весенний месяц май
Стал папашей злобный Лай.

Он зовет к себе слугу:
«Слушай, гнида, ни гу-гу
Чтоб ни другу, ни врагу.
А тем боле – Иокасте!
Вякнешь – разорву на части.
Государственный секрет!
Ну, таперча понял, нет?
Слуга кивает.
«Чтоб сберечь меня для трона
Брось мальчика у Киферона,
Той горы, где волков стаи...
Понял? Мысль моя простая!»

Раб хоть был, конечно, раб,
Да не в пример свободным – храбр.

Не послушал он царя,
Не сгубил мальчонку зря.

Чуть забрезжила заря,
Он отнес младенца к другу,
Что скотину пас по лугу.

Друг сказал: «Спасем мальчика
И найдем ему отца!

Мне ли взять его иль либо
Отнести к царю Полибу?
Он бездетен, как кастрат,
Мальчугану будет рад».

Авторское наступление:
Что же, право, за напасти
У царей по ентной части?
Или сами неумехи?
Или ж это жен огрехи?

Горевали горько оба –
Царь Полиб с женой Меропой...

И такая вдруг удача!
Чуть от радости не плача,
Мчатся в ЗАГС и чин-по-чину
Делают Эдипа сыном.

Мальчик рос пригож и дюж,
Под себя не делал луж.
Был смышлен на удивленье.
Вот везенье так везенье!
Словом добрый царь Полиб
К малому душой прилип.
Труд отцовский – не напрасный:
Вырос юноша прекрасный.

Игорь Ушаков

Но однажды где-то кто-то
(Что за мир без доброхота?)
То ли спьяну, толь от злости
Полоскал Полба кости.
И дополз слух до Эдипа,
Что он не сын царя Полба.

Ну, казалось бы, и что ж,
Что на папу не похож?

Что ль впервой сын не в отца,
А в другого молодца?
Он пытал отца и мать,
Те же – рыбами молчат!
Как в любом бывает мифе,
Правду ищет он у Пифьи.
Та, забыв про этикет,
Лепит прямиком ответ:

По решению Богов
Жребий твой Эдип таков:
Папашу своего убьешь,
А мать в жену себе возьмешь.
Наплодите с ней детей,
Ненавистных для людей...

Вот такие вот слова...
Тут уж сникнет голова!..

Чтоб несчастья избежать,
Он решил отца и мать,
Больше в жизни не видать.
Навсегда ушел из дома,
Благородностью ведомый:
На меня пусть все напасти,
Лишь бы им и мир, и счастье!

Первое пророчество...

Шел Эдип своей дорогой
И расслабился немного:
По пути до самых Фив
Вид природный так красив!

А навстречу – колесница,
А на ней сидит возница,
А возница держит кнут,
А кнутом тем больно бьют...

Замахнулся на Эдипа:
«Ты, чудак, с пути сойди-ка!»

По закону: на замах –
Без раздумья сразу в пах.

Не стерпел Эдип обиды
И вознице палкой выдал.
И козел, слетевши с козел,
Растянулся в мертвой позе.

А старик, что был в коляске,
Стал зубами злобно лязгать,
Да не совладав с собой,
Замахнул своей клюкой...

Но с дубиною своей
Был Эдип куда резвей!
... И с шампанским звуком «Чпок-к-к...»
Лопнул дедов черепок.

«Кто на нас идет с кнутом,
Пожалеет тот о том!»

Игорь Ушаков

Так заметив неучтиво,
Путь Эдип держал свой в Фивы.

В Фивах люд весь впал в унынье:
Две беды случилось ныне:
Сфинкс прижился под горой
Да труп царя везут домой...

А как, по правде говоря,
Жить народу без царя?
Кто же будет сечь и клясть?
Ведь на то она и власть!

Ну, с царем еще полдела,
А для Сфинкса нужен смелый!

И Эдип от неча делать
(А еще размять чтоб тело)
Ищет Сфинкса под горой.
(Где ж без подвигов герой!
Так бывает только, бя,
Коль это Малая Земля.)

И меж двух высоких скал
Видит – щерит Сфинкс оскал.

Информация к размышлению:

(Личное дело Сфинкса)

У Эхидны и Тифона
Что-то, видимо, с гормоном...
Или резус очень разный...
Но потомков безобразных
Наплодили аж не в меру:
Гидру, Цербера, Химеру,
Льва Немейского и Сфинкса...

Ну, уж енто прямо свинство!
Как вещает нам Оракул,
Многих замочил Геракл.
Но перевыполнивши план,
Кой-что оставил для Эдипа,
Да немножко для Каплан.
(Ведь и план бывает «липой».)
Ну, конечно же, обидно:
Сфинкса мать была Эхидна,

А папаша солдафон –
Сам стоглавый фон Тифон.

Сфинкс ващце-та славный малый,
С мощью мозга небывалой.
Но с такою родословной
Путь предписан уголовный.
И к тому ж он был таков:
Ненавидел дураков!

Задаёт простой вопрос,
А бродяга чешет нос –
В голове его ни зги,
Видно-ть слабые мозги.

Сфинкс, взглянувши с укоризной,
По нему справляет тризну...

Да, Гераклу б здесь не радость!
Сила есть – ума не надо.
Ну, а если нет ума?
Сила ж глупая сама.

Но зато уж наш Эдип
Первосортный эрудит.

Игорь Ушаков

Интеллектуальная дуэль со Сфинксом

«Ну, Эдип, туды в качель,
Ты-то взялся здесь откель?
Что ж, коринфский менестрель —
Вызываю на дуэль.

Отгадаешь ты загадку,
Сгину я в пучине гадкой.

Ну, а коль мозгой недужен —
Будешь мне антре на ужин».

«Ладно, Сфиня, по рукам,
(Иль с тобою по ногам?)
Хоть лучше съест лягушек кадку,
Чем гадать твою загадку!»

«Хошь не хошь, а надо Эдя!
Лишь один придет к победе...

Вижу, ты хоть не простак,
И пришел не просто так,
И умом весьма ты дюжен...
Словом, будет славный ужин!»

«Только лишь расцвел рассвет,
Он похож на табурет:
А попозже, поутру —
Две ноги — как кенгуру.

А закат на мир спадет —
Как трехногий луноход.

Угадай-ка, угадай-ка,
Интересная игра!

И скажу я без утайки –
Мне уж ужинать пора!»

«Ну, – подумал наш Эдип –
Эка ж я со Сфинксом влип!
Ведь, кажись, ума палата.
Ан – немного маловато!

Я б сказал без проволочек
Это ж наш водопроводчик!

Дядя Вася, наш алкаш,
Пропивает, что ни дашь!

А может, из котельной Голик?
Тоже знатный алкоголик!
Нет, ведь это дворник Венька!
Он весь день на четвереньках...

Но при чем здесь утро-вечер?
Может, мир не человеческий?»

Вдруг блеснуло в голове:
«Все же это человек!
В детстве малое дитя
По полу ползет, кряхтя.

После ходит на двоих
И пьет пол-литру на троих.

То в веселье, то с тоской.
Он проводит день-деньской.

А под старость – вертопрах! –
Ходит с палочкой в руках!»

Игорь Ушаков

Сфинкс издал прощальный вздох,
Глаз прищурил и издох...

Эдип Отец нации (и не только)

В Фивах праздник всенародный
«Нам Эдип, что папа родный!
Слава нашему вождю!
Слава вешнему дождю,

Что избавил нас от мрази!
Совладали б сами разве?!
Пред корифеем всех времен
Мы склоняем сень знамен*

Ремарк:

Знаю, не склоняют «сень»,
Но искать мне рифму лень.

Пали ниц... И вопль народный:
«Не покинь! Отец наш родный!
Мы голосуем и орем:
Нареки себя царем!»

Отвечал Эдип: «Не всласть
Эта мне, робята, власть.

На хрена мне это бремя?
Скоротечно жизни время.
Я хочу вольготно жить,
А не службою служить!»

Говорит ему на это
Член Верховного Совета:
«Нет, Эдипушка родной,
Ты должен рулить страной!
Без царя не в моготу нам,
Быть под скифом или гунном.

А народ пороть кому?
Енто ж тоже по уму.

Чтобы всяк в стране сверчок
Знал свой собственный шесток,
Чтоб не смел свою он пасть
Разевать на нашу власть!

Без битья народ помрет,
Ведь на то он и народ!»
И Эдип... Ну, все мы люди!
Осуждать его не будем.

Кто из нас не любит чести?
Кто не любит меда лести?

Набекрень венец лавровый –
Вот и царь народу новый!

Мудро княжит он державой:
Сбережет и гвоздик ржавый
В поле колос подберет –
Учит жить простой народ.

Ну а ежели придется –
Плетью по спине пройдет.
Но с любовью, от души...
Ох, как плети хороши!..

Второе пророчество...

Чтоб сродниться с высшей кастой
Эдип взял в жены Иокасту.

Сам он парень хоть куда,
Да и царица молода:
Для царя, заметим кстати,
Нужен отблеск женской стати.

Ну, а была б она девица –
Нечему и удивиться:
Ни умения в постели,
Ни совета в важном деле.

А царица Иокаста –
И грудаста, и бедраста –
Родила ему скорей
Двух сынов и дочерей.

И царю, и Иокасте
С дочками свалилось счастье:
Благородны и нежны
Обе царские княжны.

С сыновьями, как назло,
Им, увы, не повезло.
Негодяем был Полиник,
Этеокл был сущий циник.
Строили другим подлянки,
Сами дрались до кровянки...
Сыновья – исток измены.

Что касамо дочерей,
Антигона и Исмена –
Кто был чище и верней?

Авторское наступление:
Фрейд, мотав на палец сопли,
Написал про детский комплекс.
Развил он психоанализ,
На который мы попались.
Напридумал либидей
Для порядочных людей,
Что, мол, от и даже до
Правит в мире либидо.
А по мне так это так:
Фрейд был сам сексоманьяк!
Но скажу я вам всерьез:
Мне Эдипа жаль до слез.
Невиновный Царь Эдип
От дурных Богов погиб!

Вся страна жила, как надо:
От парада до парада.
Вот закончили посев –
Ходят ордена надев.

Травы сжали до дождей –
На трибунах сонм вождей.

А уж собрали виноград –
Тут и впрямь большой парад!
И непьющие запили,
Пьющие же счет забыли:
Над страной стоит амбре
В октябре и в ноябре.

Но коль народ и скор и спор –
На него ниспослан мор!

Игорь Ушаков

Боги люд не забывают –
Как скотину забивают.
Вот и здесь случилось диво:
Беды рухнули на Фивы.

Неча жрать, а жрать бы надо.
(Не было тогда Канады.)

Хоть сажай, хоть не сажай –
На полях неурожай.
Можно тронуться с ума –
Разгулялася чума,
Спид, ветрянка и холера.
Мрет народ в стране без меры.

Но Эдиш – слуга народа
И средь болезней и нерода.

Иокастиного брата
Он зовет к себе в палату.
«Зевс на нас за что-то злится.
Поезжай-ка в Дельфы к жрице.

Расспроси, в чем прегрешенья,
Каково, узнай, решенье.

Что нам делать, как нам быть,
Чтоб народу пособить».

Брат царицы Иокасты –
Головастый, голенастый.
И вообще ершист, как зонт...
Не помедливши, Креонт
Ускакал за горизонт.

Конец начала и начало конца

И послу сказала жрица:
«Будет твой народ казниться
За грехи лишь одного,
Только не скажу кого.

Намекну тебе без зла я,
Это он прикончил Лая».

Возвращается Креонт
И к Эдипу на поклон.
Рассказал все чин по чину,
И Эдип тут впал в кручину.

Чтобы правде проявиться,
Он зовет к себе провидца.
И Тересий – тот слепец,
Был по этой части спец.

Авторское наступление:
Комментарий мой нелеп...
Но провидец вечно слеп!
Вспомним нашего Бояна:
Тоже был не без изъяна!

Был таков и грек Тересий –
Тоже слеп, ну, ты хоть тресни!
Знать коль не видать ни зги,
Лучше думают мозги!

Может, к нашему премьеру
Применить такую меру?

Игорь Ушаков

И взаправду тот провидец
Знал все будто очевидец!

И сказал, что сам Эдип
Царству Фивскому вредит.
«Так и так, куды ни кинь,
На тебе сошелся клин!»

Горе Эдипа

В горе рвет Эдип одежды...
Но еще живут надежды!

До него доходит слух,
Что, мол, жив еще пастух.

Говорят во время оно
У подножья Киферона.

Он стада Полиба пас,
И мальчика от волков спас.

Вот приводят пастуха.
Речь его скупа, глуха.
Сам он весь – темнее тучи,
Рот скрывает борода:
«Я же, блин, хотел как лучше,
Ну, а вышло как всегда...»

И подальше от греха
Отпустили пастуха.

Убедившийся в несчастье,
Он помчался к Иокасте

Он вбежал в ее покой, но...
Увидал ее покойной:

Не стерпев моральных мук,
Разомкнула жизни круг...

Обезумев, весь в слезах,
Выколол себе глаза...
Чтоб не видеть белый свет,
В коем белого и нет...

Авторское наступление:
Не сдержаться мне опять
Здесь о Яхве не сказать.
Ведь простил он дочек Лота:
Тем, блин, было так охота,
Что родимого отца
Превратили в жеребца!
Напоили так, что разум
Потерял бедняга сразу...
И пошли они толочь
Папу пьяного всю ночь!

Эдип ж, не ведая, творил,
А Яхве дев благословил.
(Может, в щелочку глядел
На движенья потных тел?
Иначе зачем же мать
В столп соленый обращать?
Стала б дочек ревновать
Да отстаивать кровать!)
Это ж надо разобраться,
В чем Эдип виновен, братцы!
И виновен ли вообще.
Может он страдал вотще?

Игорь Ушаков

А народ шумит, беснуется,
Демонстрации на улицах:
«Вон Эдипа из страны!
Нам такие не нужны!»
«Те, кого отвергли боги,
С теми нам не по дороге!»
«Славься на весь древний свет
Олимпийский Комитет!»

«Слава Зевсу! Слава Гере!
Слава древнегреческой вере!»

Авторское наступление:

Быдло – это вечно быдло.
Мне писать уже обрыдло.
То аж носят на руках,
А то втоптать готовы в прах!
Боги! Люди! Что мы деем?
Мы потворствуем злодеям.
Если ж добрый человек –
Счастья не видать во век!

Из века в век такое длилось –
Ну, скажите мне на милость:
Где же торжество добра?
Дай тому, кто недобрал,
Помоги тому, кто слаб.
Слобони того, кто раб.

Почему же правит миром
Злато, зло да плеть с секирой?

Хождения и похождения Эдипа с Антигоной

Братья выгнали отца
Из его же из дворца.
Негодяи – деда пуще:
То ж дерьмо, и даже гуще.

«Должен всяк помочь отцу,
А тем более слепцу». –
Так решила Антигона,
И решила непреклонно.
(Хоть судачил весь народ,
Что она в отца урод.
Посчитали инородной,
Заклеймив молвой народной.)

«Буду я ему подмога –
Нелегка его дорога.
Чтоб добыть еды ль, воды ль,
Тоже нужен поводырь...»

От деревни до деревни
По земле шагали древней.
Где приютят на ночлег,
Кто расщедрится на хлеб...

Слава Зевсу, что вода
Задарма была тогда!

Был он царь. Был двор. Был кол...
А теперь – какой прокол:
Ни двора ж, и ни кола ж!
Вот какой у них коллаж...

День за днем держали путь.
Не пора ли отдохнуть?

Игорь Ушаков

Отдохнуть?

Чего же проще!

Вот и лавровая роща,
Ласково журчит ручей,
Сладко свищет соловей...

Только лишь приют нашли –
Греки местные пришли.

Роща, видите ль, святая...
Чей-то дух в ней обитает.

И попав, как кура во щип,
Он готов покинуть рощу.

«Но скажите, милы други,
Есть ли город здесь в округе?»
«Есть! Зовется он – Афины!»
«И мы ж не турки и не финны...
Я же ваш, родимый грек!
Отказать в приюте – грех».

«Ты – Эдип – для всех проклятый!»

«Но ведь дочь не виновата!
За себя бы не просил...
В Антигоне ж нету сил...»

«Нет, Эдип, едрит тя в корень!
Ты везде приносишь горе!»

«Я не за себя молю:
Пожалейте дочь мою...»

«Так и быть уж, за три драхмы
Разрешим поспать в горах мы...»

«Не держите, братцы, зла-то:
Нет ни серебра, ни злата...»

Воздев слепые глаза к небу:
«Боги, с милостью явитесь!»
Тут и вправду славный витязь,
Царь Афин – герой Тесей
Скачет с челядью своей.
И увидевши Эдипа,
Молвил он: «Мой друг, иди-ка
Ты спокойно на ночлег...
Буде, божий человек!»

.....
Только лишь навеян сон,
Появился, блин, Креонт.

Жрица в Дельфах говорила,
Что Эдип имеет силу:
Тот, на чей он стороне,
Победит в любой войне!

Молвит, чуть не умоляя,
«Честь твою не умаляя,
Даже чтя тебя вдвойне...
Помоги, Эдип, в войне!»

Непреклонен царь Эдип:
«Кто из вас ни победит,

Вы лишь зло несете Фивам –
Вы жадны, подлы, злобливы...
Да откель и ждате добра-то,
Коль с войною брат на брата?»
«Ах, ты, так!» – Креонт взревел
И дочерей схватить велел.

Игорь Ушаков

Наступает всем хана –
Миром правит сатана.

Тут случилось – ну, дела! –
Повернувши удила,
Скачет взад афинский князь,
Не спеша, не торопясь.

Авторское наступление:
Как? Зачем? – Одни лишь боги
Выбирают нам дороги!
А с богов и спросу нет:
Им подвластен этот свет.

Увидавши все, как было,
Он сказал Креонту с пылом:
«Отпусти-ка ты девах,
А иначе – дело швах!»

Смерть Эдипа

И сказал Эдип Тесею:
«Я не зло едино сею.
Кто приветствует меня,
Избежит войны огня».
И войдя в вещанья вкус,
Говорил, крутя свой ус:

«Если ж грянет супостат –
Сам тому не будет рад.
Счастлив, кто меня приветит –
Для того и солнце светит!»

Так мне обещали боги...
А теперь уйди с дороги.
Время мне идти к Лиду.
Дочерей не дай в обиду...

Я же добрые Афины
Огражу от ворожины.
Будешь ты царить спокойно:
Обойдут Афины войны!»

Обещал Тесей про дочек,
Аж слезу смахнул разочек.
«Экий славный старикан!
И усат, как таракан».

А Эдип, зайдя за куст,
Сгинул, как Христос Иисус...
.....
«Миру – мир! Война – войне!» –
Клич звенит по всей стране.

За такую вот удачу
Пили греческую чачу.

И Тесей был очень рад.
Может быть, три дня подряд
Афиняне ликовали!

Дочки ж горько горевали...

Что ж бывает так всегда –
Счастлив тот, а с тем – беда...

Пролог к эпилогу

Вы, наверное, устали
От назойливых деталей,
Да от авторских моралей?

Необычны имена,
Будто греков письма...
И событий мешанина...
И запутана картина...

И с сюжетом перебор...
Кто поверит в этот вздор?!

Вы, наверное, устали...
Но вы ж Софокла не читали!
У него по нудноте
Обороты еще те!

Сам эпилог

Хорошо... Настало время
Распрощаться мне со всеми...
Царь Эдип закончил путь.
В нем была поэмы суть.

Что до остальных героев –
Буду вспоминать порою.
Про одних – с тоской и грустью,
А другим – чтоб было пусто!

До свиданья, Антигона!
Буду вспоминать влюбленно...

оХАЛЬНЫЕ ПОЭМЫ

Прощевай и ты, Исмена –
Буду помнить неизменно...

Рад что мне не надо братья
За перо – писать про братцев.
Сообщу лишь – негодяи
Сгинут малость погодя...

И Креонт наказан будет –
Бога справедливей люди!

До свидания, читатель!
Вижу я, что ты мечтатель –
Древних греков почитатель...

Вот и закончена ерня...
Ты строго не суди меня:
Кто же из нас не без изъяна?
Ведь homo ж мы, не обезьяны!

Нет совершенства в этом мире...
Давай поговорим о сыре.
Спросили раз ханжу:
«Вы любите ли сыр?»
«Люблю, но нахожу,
Что слишком много дыр...»

И я спрошу и публики:
«Без дырок – что за бублики?!»

Сан-Диего, 2001

Игорь Ушаков

КРИТСКИЙ ЭПОС

От автора:

Если бы выставить в музее
Древнегреческого Тезея,
Весь бы день в музее
Торчали ротозеи:
Еще бы такое не увидишь в века:
Мужик победил человека-быка!

Как украли Европу

На Олимпе Зевс проснулся,
Почесал спросонья ... что-то,
А когда совсем очнулся,
Видит – девушка... Европа,

Девка, скажем, хоть куда,
Моет ноги у пруда.

И, конечно же, Зевес
К девке той в момент полез.
Но в кого бы обратиться,
Чтобы не спугнуть девицу?
Да, задача не легка!
Обратился Зевс в быка.
Подкатился бык к девице:
«Не хотите ль
Вам помыться?»

«Нет, зверюга, не хочу!»
«Ну, хошь - на холке прокачу?»

Игорь Ушаков

Что ж катанье – не мытье:
Уломал-таки ее!
Зевс девице говорит:
«Хочешь, сплаваем на Крит?»

Посадил ее на спину
И помчались на чужбину.
Там на острове чужом
Стал он Зевсом-стариком.
Чуть поплакала Европа,
Вспомнив папенькин Акрополь.

Хочешь – плачь, а хочешь – нет...
На семь бед – один ответ!
Ну да ладно: дед так дед!

Отдалась она спокойно,
А потом родила тройню.

В ту античнейшую старь
Правил Критом, ясно, царь.
Зевс без всяческих затей
Говорит: «Моих детей
Должен ты усыновить!» –
«Значит, так тому и быть!» –
Изрекает старичок
И берет под козырёк.
Видно, был тот царь Астерий
Не дурак и не растеря.
Приход Миноса к власти

Но однажды в жарко лето
Сгинул царь Астерий в Лету.

И тогда уже по праву
Минос править стал державой.

(Этот принцип нам не нов:
Правит старший из сынов.)

Минос был хороший малый.
Жить при нем всем лучше стало.
Объявил он перестройку,
За мораль боролся стойко,
Запретил совсем питье,
Заменив его битьем.
И чтоб было всем все ясно,
Объявил, что он за гласность.

Чтоб была послаще ночь,
В жены взял себе он дочь
Не араба, не чухонца,
А всего лишь дочь Солнца.
Не хихикайте несмело –
Первым делом – это дело!

Да к тому же Пасифая –
Баба очень разбитная.
Может, жили бы неплохо,
Кабы не был Минос лохом.

Откуда есть пошел Бык Критский

После редкостной поддачи
Минос брякнул наудачу,
Заглотив вина бокал:
«Посейдон, хочу быка!»

К просьбам Посейдон привык:

Игорь Ушаков

«Хошь быка? Так вот те бык!

(С сыном Зевса плохи шутки
Зевс во гневе просто жуткий!)

Только есть к тебе прошение:
Бык – для жертвоприношенья».

И из океанской пены
Тут выходит бык отменный:
От рогов и до копыт
Бык являет лучший вид:
Шкура – чисто гобелен
И прибамбасы до колен...

Царь Минос быком пленен...
«А этот глупый Посейдон,
Ждет он жертвы от меня?
Хорошо, сожгу коня.
Запах от обоих тот же:
Только бык коня дороже!

А быка того – я в стадо:
Для коров он то, что надо!»

Мечь Посейдона

«Это мерзкий царь Минос
Водит, гад, меня за нос!» –
Посейдон был страшно зол
И отмщение нашел:

Пусть красотка Пасифая,
От любви к быку сгорая,

Всю себя ему отдаст...
А бык на многое горазд!

Посейдон хоть был и бог,
Угадать всего не мог:
Бык имел инстинкт здоровый –
Он хотел иметь корову!

Но уж, видимо, не зря
Был придворным у царя
Хитропопейский Дедал.
Он, подумавши, создал
Деревянную корову,
Чтоб царица в ту обнову

Влезла, будто в одеянье,
Для того блудодеянья,
Встала б там в коровью позу...
Кто поймет метаморфозу?

Озверевший, с диким рёвом
Бык забрался на корову.
Он попался на уловку,
Осчастлививши он плутовку.

Страстью пышет Пасифая,
В том быке души не чая.
Бык, конечно, не Минос –
Это даже не вопрос.

И задумала она:
«Хорошо б теперь слона!»

Рождение Минотавра

Пасифая снова, снова
Залезала в ту корову.

Но прошел известный срок –
Родился у ней сынок.

Мама умерла при родах –
Такова уж мать-природа:

Ведь сынок-то был в отца –
А кто из баб родит тельца?
Минос – отчим Минотавра,
Приказал Дедалу: «Завтра
Лабиринт чтоб был готов».
Дан приказ. Без лишних слов
Сляпал Лабиринт Дедал.
Царь за то награду дал.

Олимпийский чемпион

Сын Миноса Андрогей
Силой славился своей.
И на Олимпийских Играх
Прозвище имел он «Тигра».

И ему на Играх дали
Не один комплект медалей.

Опозорил честь Афин
Доблестный Миноса сын.
Так что царь Афин Эгей
Укокошил Андрогея...

Как узнал о том Минос,
Не пролив и капли слёз,
Флот собравши офигенный
Двинулся в страну Эгейину.
Супостата разгромил,
Контрибуций наложил:
Регулярно, в девять лет
Минотавру на обед,

Кучу девок и парней
Чтобы поставлял Эгей.

Появление Тезея

Бедный маленький урод
Уж не жрет который год.
Прошлый раз его обед
Был тому аж девять лет.

«Эта жизнь, едрена мама,
Хуже, чем Софокла драма:
Маменька, родив уroda,
Умерла сама от родов.
А у папочки быка
В голове одни рога...

Жизнь, конечно, не легка,
Коль на голове рога!

А к рогам бы полагается
Приложить бычачьи яйца.
Только снизу я – мужик,
А не славный критский бык.
Словом здесь одна трагедь

Игорь Ушаков

Мне и бабы не иметь
Потому как мордой страшен
И корове я не краше:
Потому как для коровы
Нужен причандал здоровый!»

Но настал обеда срок:
Хошь не хошь – плати оброк.
Среди жертв, что шлет Эгей,
Есть и сын его Тезей

Призадумался Тезей,
Над печальной стезей:
Что-то здесь с быком неладно!
В это время Ариадна,

Что была Миноса дочь,
Парню вздумала помочь.

Без ума стоит, глаза
На могучего Тезея.
Ждет его венок из лавра,
Коль осилит Минотавра.

«Надо бы ему помочь», –
Думает царева дочь!

Папин с.н.с. Дедал
Ей совет отличный дал:

«Ниток дай ему моток,
Чтоб обратно выйти смог.
Ну, а где зимуют раки,
Минотавр узнает в драке:
Ведь Тезей по части драк
Вовсе даже не дурак!»

Но Минос был парень пряткий
В царстве все попрягал нитки!
Так что и царева дочка,
Не смогла найти клубочка...
Но догадлива плутовка:
Ручкой – шнырь – под юбку ловко
Кончик нитки достает
И Тезею подает:
«За эту ниточку трико
Распустить весьма легко.
Вот тебе Тезей и нить,
Чтоб обратно путь найти!»
Но коли взялся ты за гуж,
Будешь мне за это муж!»

Победа и бегство

Забрался Тезей в тупик.
Видит там заснувший бык.

После сильной голодухи
Бык тот был слабее мухи.
И к тому же бог Гишнос
Укусил быка за нос.

Вовсе не был ротозей
Храбрый наш драчун Тезей:
По башке его мечом –
Но Минотавр у нипочем.

Тут Тезей вошел в азарт –
Меч вонзил быку в глаза.
И издав последний вздох,
Бык лишь вздрогнул и издох...

Игорь Ушаков

Минотавр убит, усоп...
Ариадна без трусов...
Шепчут слуги Ариадне:
«Без трусов ты всех нарядней!..»

Возвращается Тезей –
Он герой планеты всей.

И встречает Ариадна
Удивительно нарядна...

(Это надо понимать:
В чем ее родила мать!)

И напакостив изрядно,
Прихвативши Ариадну,

С Крита мчит Тезей домой,
Но с нелегкою душой:

Девка втрескалась по уши,
Размечталась про брак,
А ему бы бить баклуши
В промежутке между драк.

Поступил жестоко, остро:
Высадил ее на остров,
А сам, от радости фигея,
Мчит домой, к отцу Эгею.

Ариадна и Дионисий

И решила тут девица
От позора удавиться,
Но глядит – в кустах под ёлкой
Дионисий спит с похмёлки.
Тот открыл свои глазищи,
Видит, ну и красотища,
Что ни в мифе не сказать,
И ни кистью написать!

Он вскочил: «Пардон, мадам:
Руку, сердце вам отдам.
На тебе душа-девица
Я желаю пожениться!»

И решила Ариадна
Про себя почти злорадно:
«Этот – бог, и этот смог,
А Тезей – тот просто лох!»

Эгеево горе и Эгейское море

А Тезей плывет домой
И немного сам не свой:
Совесьть гложет молодца...
И забыл он про отца:

Обещал, что кончив дело,
Он подымет парус белый,
А коль помрет в борьбе упорной,
То нацепят парус черный.

Игорь Ушаков

Вот видна уж с корабля
И родимая земля!

А на башне царь Эгей
Ждет о сыне новостей.
Видит – мчится черный парус!
Знать подвел Тезея Арес...
И от горечи старик
С той высокой башни – прыг!
И упал он вниз на скалы.
Море скалы те ласкало.
Это море греки вскоре
Стали звать Эгея морем.

Монолог Миноса

«Кто же, кто ж меня предал?
Не иначе как Дедал!
Обманул? Ну, это блин-то!
Заточу вглубь Лабиринта!

Где не пас Макар телят
И малых минотаврят!

Вспомнишь ты Миноса кару!
Упеку тебя с Икаром!
Ариадна, сучья дочь,
Вот кто мог еще помочь!
Ведь у девки – что скрывать! –
В голове одна кровать:
Ей страстей не занимать –
Вся в свою пальную мать!

Лишь вчера спустилась мгла,
Она с Тезеем убегла.
Ну, а стража – ротозен! –
Прозевали, блин, Тезея!..»

Первые летчики

Царь Минос был зол, как пёс:
Был обманут царь Минос.

Он в мгновенье угадал,
Что за всем стоит Дедал.
Не безмозглый же Тезей
Смог спасти своих друзей,
И, утробив Минотавра,
Ариадну стибрить храбро?

«Что ж наделал ты, Дедал?!
Парню ключ к разгадке дал?!
Без твоей бы без подмоги
Намотал б себе на роги
Минотавр его кишки!
Это – все твои грешки.
Ты и сын твой, оба сгиньте
С глаз. Сгною вас в Лабиринте!»

Но Дедал и тут не промах:
Прихватил с собой из дома
Пару куриц и свечу –
Я же есть там захочу!

Время не теряя даром,
Для себя и для Икара

Сделал он по паре крыл:

Игорь Ушаков

Перья воском он покрыл,
Кое-как к рукам приладил.
После «сделал ручкой дяде»!

Вот какая енто штука –
Инженерная наука!

«Не летай сынок высоко!
Ты не сталинский же сокол.
Не успеешь глянуть оком –
Воск растает жидким соком,
И слиняет оперенье
К матери, пардон, едрене».

Не послушал сын отца –
Небо манит гордеца.

Послетали перья с рук...
Был Икар – и нет... Каюк!
Ну, пошто ж такая кара
Для романтика Икара?

Он упал, разбился врызг,
Разбросав кровавых брызг...
Кровь по камушкам стекала:
Сгинул первый, блин, Чкалов!

Многочисленные морали:

Тезю с Эгеел:
Коль убил ты Минотавра,
То не почивай на лаврах.
Не забудь про парус белый,
Чтоб папаня твой был целый.

Тезею с Ариадной:

Коли обещал жениться,
То не обмани девицу,
И про свою подумай честь –
За бесчестье будет месть!

Пасифае с Быком:

Девки, вам большой урок.
Заучите это впрок:
У быка большие яйца,
С ним сношенья возбраняются.

Икару с Дедалом:

Дети слушайте отцов,
В них вся мудрость мудрецов.
Коль сказал отец: «Низ-з-з-зя!»
Знать такова твоя стезя!

Ариадне с Дионисием:

Девки, если дело плохо
Стало вам с каким-то лохом,
Лучше просто оглянитесь:
Может рядом Дионисий?

Миносу лично:

Хоть мудёр ты, царь наш Минос
Жди подвоха впереди:
Каждый плюс содержит минус:
Даже с другом бди и бди!

Минотавру лично:

Дорогой мой Минотавр!
Чем ты хуже, чем Кентавр?
Мозг Кентавра человеческий,
У тебя же мозг – увечен!

ГОМЕРИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Вступление

В прежней жизни был я грек,
В брод прошел немало рек,
Истоптал дорог немало,
Словом, был активный малый.
И хоть был я из деревни –
Не простой был грек, а древний.
Посему любил я муз,
Правда без семейных уз.
И они меня любили,
Мне стихи свои дарили.
Но хоть я писал без меры,
Славы не достиг Гомера.

Восхищеньем обуян,
От его стихов был пьян.
А потому, что было сил,
По дорогам колесил:
Встретить я мечтал поэта
Все бы я отдал за это!

Исходил я всю Элладу,
Все искал, кто Илиаду
С Одиссеей сочинил –
Очень стих мне тот был мил.
И однажды в день счастливый
Я присел в тени оливы

Сыром с брынзой закусить
И метаксою запить.
Ведь не вредно пить с утра

Для мужицкого нутра.
Как там говорят в народе:
«Утром выпил – день свободен».

Вот сижу себе в теньке
И бутылъ уже в руке.
Только к горлышку приник,
Глянь – идет слепой старик.
Посохом слегка стучит
И чегой-то там бурчит.
С ним собака-поводырь...
Она ко мне под древо – шнырь!
И меня приветно лижет.
И старик подходит поближе.
Я ему: «Садись на травку,
Раздели мой скромный завтрак!»
«Благодарствую, сынок,
Что позвал на огонек!»
Мой протянутый стакан
Опрокинул старикан...
Опрокинул, как алкаш!
Подаю ему лаваш,
Завернув регану с сыром...
Тут старик сымает лиру:
«Дай тоску твою рассею
Да спою про Одиссея...»

Тут я даже поперхнулся:
Быть не может! Я рехнулся
Или ж я везуч без меры ?..
Встретится с самим Гомером!

Струны лиры тронул он.
Я ж включил магнитофон –
Жду начало с нетерпеньем.
Вот полилось сладкопенье....

Игорь Ушаков

Чтоб не мучить вас без меры,
Слово дам теперь Гомеру.

Предисловка переводчика с Жуковского на Ушаковский

Вечность с добротою сея,
Взялся я за «Одиссею».
Я, как вы, люблю Гомера,
Хоть своею мерю мерой.
В чем же суть моей поэмы?
Нет, не в перемене темы.
По душе мне сей сюжет!
Но на чтение сил уж нет...
Если в час осилишь песню –
Сутки вон! Ну ты хоть тресни...
Кто б читателю помог
Одолеть занудный слог?
Пара дюжин длинных песен
(да и слог довольно пресен)...
Я ж готов костями полечь,
Чтоб читателя развлечь.

ОДИССЕЯ

Песнь первая

О дочь Зевеса, Поэзии славная Муза!
Расскажи мне немного про славного мужа
Что болтался по миру, как в проруби нечто,
И Гомером прославлен за это навечно.
Лет десять плутал он по миру, вертаясь домой,
Но в плен он однажды попал аж к Калипсо самой.
По преданию, Нимфа Калипсо была нимфоманка,
Значит мужик для нее был большая приманка.

*Стал я с годами, пожалуй не в меру рассеян:
Я ж не представил героя стиха – Одиссея.*

Все б ничего: и Калипсо как баба – что надо,
Другому кому так навеки была бы отрада.
Только, други мои, Одиссей был совсем не таков –
Нынче вам не сыскать уж в природе таких мужиков
Нигде – ни в Америке дальней, ни даже в Европе :
Мечтал он всегда об одной – о любимой жене Пенелопе.

Скажи мне, читатель, за что же такие напасти?
Ну кто же карает людей за такие высокие страсти?
О чем же, о! чем Одиссей смог прогневить богов?
Однажды он, правда, с друзьями зарезал священных быков,
Но то с голодухи он жарил говяжий папшлык.
Конечно же, Зевс к обращенью такому совсем не привык!
Ну было: спасая себя и друзей наш герой хитрожопый
Единственный глаз проколол Посейдона любимцу Циклопу.

Зевес, между тем, размышлял, почивая на лаврах, ,
Что если б скрестить минотавра с кентавром
Его светлоокая дочь Афиня Паллада
Шептала: «Папаня! Пропал мой герой хитрозадый!
Ах, как же мне жаль – ох, как жаль! – Одиссея-бродягу:
Троянский герой, как никак, а попал в передрагу!
Его задолбала Калипсо, Атлантова дочь,
Я знаю, бедняге от ейного сексу невмочь!

В Итаке ж, в дому, где без мужа живет Пенелопа,
Коблов набегло аж с окраин старушки Европы:
И всяк норовит получить ту вдовицу с богатством...
Скажи мне, папаня, ну разве же это не гадство?
Позволь мне слетать на денек к Пенелопе в Итаку,
Чтоб малость помочь ей сдержатъ прохиндеев атаку?»

Игорь Ушаков

«Ну, что ж, Афиная, уж коли процесс так пошел,
Слетай да сотри наглцов-женихов в порошок!»

И Зевсова дочь, что праведным гневом ведома,
В миг достигает дверей Одиссеева дома
Странником скромным, скрывая свое нетерпенье...
В дом проникает, где царствуют гогот и пенье,
Сладкими винами кубки пеня^тся и горькою водкой.
Пьют и едят женихи, позабыв про молодку.
Тут Афина, прикинувшись бравым юнцом,
К Одиссееву сыну свое обратила лицо.
И Телемах предложил светлоокой богине Афине:
«Поешь вон кебаб... Вон холодная граппа в графине...
Пей, я гляжу, ты как будто порядочный мальй.
К тому же и с дороги, наверное, очень усталый...»
«Неужто я вижу в тебе Одиссеева сына?
Я знаю, я знаю – досталась бедняге судьбина!

Но верь мне – он жив, и свое он еще наверстает!»
«А видишь шакалов вот этих, собравшихся стаю?
Все правдой-неправдой хотят овладеть, Пенелопой...
Как алчные львы собрались над молодой антилопой...»
«О, сын Телемах, так не трать драгоценное время:
Найди Одиссея – он быстро покончит со всеми!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

На площади утром – толпа ахеян,
Будто курчавых голов океан.
С трона взирает на них Телемах:
Юн, но внушает почтенье и страх.
«Граждане! Други! Я должен донести
Для каждого уха приятную весть:
Наш царь Одиссей и жив, и здоров!»

И видит толпа в небе пару орлов.
(Зевс-Громовержец послал их с горы.)
И вот над толпой раскричались орлы.
Тут выступил старец, знаток в ворожбе:
«Ахейцы! Те птицы вещают о нашей судьбе!»

«Касаемо маминых, блин, женихов,
Вердикт на сие безобразье таков:
Всяк житель Итаки и всяк ахей -
Гони иммигрантов отседа взапей!»

Тут где-то из масс громкий голос возник –
Кричал Антиной – Пенелопин жених:
«Виною всему, Телемах, твоя мать!
Три года нас за нос изволит мотать!
Коли выбрала б сразу себе жениха,
Мы все бы избегли стыда и греха.
Она же с ухмылкой, как рыба об лёд,
Весь день покрывало для свёкора ткёт...
И нам говорит, что нужно оно, чтоб
Отца Одиссея украсить бы гроб!..
Не рано ль глумиться о свёкора смерти –
И делает все при живом-то Лаэрте!
Сказала служанка за тридцать монет,
Откуда конца в этом ткачестве нет:
Весь день Пенелопа ту тряпку прядет,
А вечером, как в почивальню придет,
Тайком распускает, мотая моток...»

В толпе при рассказе раздался смешок.

«Дождетесь ужо! Мой отец на подходе!
В Итаку он мчит на большом пароходе,
Дым черный струя из огромной трубы...
Тогда не избегнуть вам вашей судьбы!»

Игорь Ушаков

Жених: «Телемах, я тебя попрошу:
Не вешай нам на уши, братец, лапшу!»

«Узнал я твой голос, жених Евримах!
Не совестно жить-то в чужих теремах?
И пить на халяву, и сытенько есть...
Ну хоть бы остаточки совести есть?
Что ж, подлый ворюга, бессовестно грабь!
А я снаряжу быстроходный корабль.
Вернусь через год без отца я пустой –
Плачу всем издержки за долгий постой,
Я справлю достойную тризну отцу,
А вдовую мать поведу ко венцу».

Тем временем наша Афина Паллада
Дела утрясала солидно, как надо.

В обличье девичьем пришед к Ноэмону,
Она обвела богача-охламона:
Тот легкий корабль богине вручил,
В ответ – поцелуй от нее получил.
Попутно собравши команду лихую,
Афина неслась к Телемаху, ликуя.
Там Зевсова дочь Телемаху сказала,
Позвавши его из галдящего зала:
«Пора, Телемах, ждет корабль у причала!
Семь футов под киль – пожеланье начала!»
В ответ Телемах – он не хилого складу –
Как пидора пидор целует Палладу.
(Та снова явилась в мужицком обличье.)
У той колошматится сердце девичье:
«Годков бы убавить ну самую малость,
Ох, чтоб тогда с честью девичьею сталось!»

Никто не мешал Телемаху отплыть –
Богиня смогла женихов усыпить.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Да втоюрилась, видно, серьезно Афина:
Решается плыть с Одиссеевым сыном.
Мы видим – они на борту корабля...
И вдаль уплывает Итаки земля.
Афина, мужскою прикрывшись личиной,
Ведет себя, впрочем, достойно и чинно.

И вот Телемахцы приплыли на Пилос.
И видят... Такого вам всем и не снилось:
Девять столов, девять черных быков,
В круг – более тыщи хмельных мужиков.

Вокруг звон посуды и бычьи стоны –
Жертвы приносятся Посейдону.
(Правда, кишки лишь достанутся богу,
Остатки растащит толпа понемногу.)

Афина шепнула тогда Телемаху:
«Тебя поддержу, но и ты не дай маху:
Видишь сидящего в центре царя?
Мчи к нему, время не траточи зря...»

Царь занимает почетное место.
Имя почти что плебейское – Нестор¹.
Телемах появился с богинею в паре
Царь: «Не робей! Подходи сюда, парень!»
Их садят с почетом супротив царя:
На блюде – кебабы, да фета, да пита,
В бокалах не квас, а нектарный напиток.

¹ Студенты литфака! знакомое видится? Но
Не путайте с летописцем и батькой Махно!

Игорь Ушаков

Царь, мясо жуя, обращается: «Кто вы?
Судьбу искушаете? К делу ль готовы?
Иль с нефига делать кружите по морю?
Иль просто убежища ищите с горя?»
«Правду скажу тебе, царь благородный:
Царь Одиссей – мой батюшка родный.
Вместе вы с ним воевали под Троей –
Первые в Греции дважды герои.
Может, ты слышал о нем что-нибудь?
Может, поможешь найти к нему путь?»

«О! Телемах, дай обнять будто сына!
Чувствуй, как дома, хоть тут и чужбина».

И вспомнил старик про минувшие дни,
И битвы где вместе рубились они –

Аякс, Одиссей, и герой Ахиллес,
Как каждый на стену Троянскую лез.
Потом, Одиссееву хитрость ценя,
Поведал он всем про пустого коня...

Вдруг дрогнул старик: «Гам мой сын Антилох...
Какой-то Троянский убил его лох...»

«Поведаю я, что одно тебе надо:
Любила тебя чтобы дева Паллада,
Как раньше она Одиссея любила...
Будет тогда и удача, и сила».

«О Нестор, несбыточно, слово твое...
Афине до лампочки счастье мое.
К тому же и боги – вдали, на Олимпе,
А головы их не в заботе, а в нимбе...»

Тут Зевсова дочь ажно вздрогнула телом:
«Из уст твоих странное слово слетело!
Коль надо с Олимпа помогут страдальцу:
Ведь богу – помочь, все равно, что два пальца...»

А Нестору тут же сказала Афина:
«Уж ночь напозла на свою половину.
Нам с Телемахом пора отдохнуть:
Ведь завтра у нас не коротенький путь».
«Да будь я и негром преклонных годов,
Покои свои разделить я готов!»

«Пускай Телемах почивает в уюте,
А я предпочту по-простецки, в каюте».

Сказавши, она превратилась в орла.
Лишь Нестор усёк : «То Афина! Гёрла-а-а!»
И встав с Телемахом, как с сыном, бок-о-бок,
Сказал восхищенно: «Ты сердцем не робок!»

Тут младший сынишка его Нисистрат
Сказал: «Пап, я б тоже поехать был рад...»
«Что ж... Завтра поедешь в поход с Телемахом
Вдвоем вы сильны – всех врагов убивахом!»

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Телемахцы приплыли к царю Менелаю
В Лакедемон, что столицей был края.
Им без ночлега бы быть, голодать бы,
Но повезло – угодили на свадьбу.

И Телемах с молодым Нисистратом,
К Лакедемонским притопали вратам.

Игорь Ушаков

Весть до уха царева доносит гонец.
Из тут же с почетом ведут во дворец.
Сам Менелай за обильным столом:
«Поешьте-попейте, вопросы – потом».
Из царского блюда с отменной пищей,
Кладут им бычатины добрый кусище.
Менелай и два гостя – выпили трое,
И Атрид закрутил разговоры о Трое.
И когда он коснулся Одиссеевой доли,
Телемах, что взалкал, дал эмоциям волю.
И Елена, та что Артрида жена,
Той реакцией просто была сражена.
Нисистрат же тихонечко шепчет Атриду:
«Это он, Телемах, хоть не кажет и виду...»

Тут Елена рассказ начала о герое.
«Всем казалось – не взять неприступную Троию.
Илиона осада казалась на веки...
Тут о мудром одном рассказу человеке.
Одиссей, как-то облик принявший не гордый,
Чрез ворота прошел, оказавшись в городе.
Был в лохмотьях, босой, ну, как будто бы нищий.
И никто не следил, что он в городе ищет.

Но средь пестрой толпы распознала его я,
И в свои «старичка» проводила покои.
Он сказал по секрету, что здесь как шпион,
И проведал Троянские тайны все он.

Он обратно вернулся спокойненько в лагерь.
Даже стража ему помогла «бедолаге»!
После – знают об этом и в школе начальной –
Одиссей разработал свой план гениальный.
Смастерил он коня из огромных досок,
А все войско увел за ближайший лесок.
Вот наутро проснулись троянцы и глядь –

Нет в помине врага! Нигде не видать!
Лишь коняги огромной на поле макет
Одинокое встречает беззвучный рассвет.
Илионцы польстились на странную лошадь
И ввезли ее в город ввезли, поставив на площадь.
И объявлено было по Трое народу,
Что сей конь – это символ борьбы за свободу.

В чреве конском сидел, не моргнувши и глазом,
Одиссей со своим вероломным спецназом».

Рассказав Телемаху про геройство отца,
Смотрит Ленка Прекрасная в очи юнца.

Хопь не хопь, наступила пора Телемаху
Правду всю рассказать без сомненья и страха.
«Многославный Атрид, буду должен тебе,
Коли поведаешь мне об отцовой судьбе.
Гибнет царство, растоптаны земли Итаки,
Дом заполнили жадные сваты-собаки...
Пенелопу достали своим сватовством.
Для спасенья я должен вернуться с отцом!»

А тою порой в Одиссеевом доме
Женихи предавались гульбе и истоме.

Антиной с Евримахом сидели особо –
Очень уж важные были особы.
Ноэмон, тот, что дал Телемаху ладью:
«Где же ваш Телемах? Не сказал ли «адыо»?
Всполошились тогда Антиной с Евримахом:
«Как? Исчез? Где? Когда?» – Вопросали со страхом.
И решили при входе наделать засад,
Телемах чтоб живым не вернулся назад.

ПЯТАЯ ПЕСНЯ

Олимп. На собравшемся Комитете
Афина с докладом «О текущем моменте».
Рассказ свой деталями щедро усеяв,
Она описала судьбу Одиссея,
Который Калипсо до смерти затрахан.
А также о том, что грозит Телемаху.

Тут Зевс обратился к сыну Гермесу:
Слетай укроти сексуального беса.

Калипсо скажи, что приказ мой ей ясен:
Пора Одиссею уйти восвояси.

Птицей морской пролетев над пучиной,
Гермес на Оигии видит дивчину,
В полном восторге, разинувши пасть:
«Во, бля, мне с такой бы девицей пропасть!»
Поправив кокетливо модную клипсу,
Сказала пришельцу девица Калипсо:
«По крыльям на пятках узнала Гермеса...»
«Права ты, Калипсо! Я послан Зевесом...»
«Ах, сердце мое подсказало мне утром,
Что палки в колеса мне ставит лахудра...
Ну, чем же Афине от этого хуже,
Что я с Одиссеем живу будто с мужем?»

Со смертными средь богов живу не одна я:
Твой папочка Зевс переспал ведь с Данаей?»
Гермес, на Калипсо в восторге глаза,
Сказал: «Отпусти в сей момент Одиссея.
Приказ есть приказ, исполняй приказанье!
Накличешь на жопу свою наказанье!»

Сказал – и умчался посланник крылатый.
А светлая нимфа вернулась в палаты,
Где был наш герой весь в соплях и слезах:
«Моя Пенелопа! Ах мой Телемах!»
«Отри свои слезы и больше не ной!
Плыви куда хошь, коль не хочешь со мной!
Бери-ка топор, поработай без лени,
На плот наруби подлиннее поленьев...
Соскучился без Гименея оков?
Плыви на здоровье по воле богов...»
Вот солнце зашло, и ночная уж мгла
На берег песчаный неслышно легла...

Они удалились во внутренность грота
И там наслаждались... Любовь – не работа!
«Зачем, Одиссей, покидаешь меня?
Ведь ты не найдешь в Пенелопе огня...
И груди упругие лишь у богинь...
А смертные... Только их глазом окинь:
Обрюзгнут, в морщинах, живот до колен...
Не лучше ль свободы твой сладостный плен?»

Уж звезды пропали, уж брезжит заря...
«А может, и правда я это всё зря?..»
Умывшись и зубы почистив до дёсен,
Срубил Одиссей первосортнейших сосен
И, плот сколотив, уж плывет он навстречу
Судьбе, и Зевсовой воле отнюдь не перечая...
Море вдруг стало штормить небывало,
С Одиссеем такого еще не бывало.

Сорвало с плота, потянуло в пучину...
Но тут вдруг явилась красавица Ино:
«Одиссеюшка!- Ох!» «Одиссеюшка!- Ах!» –
«Вот тебе покрывало – спасёт в волнах.»

Игорь Ушаков

Но только лишь выйдешь на берег из моря,
Брось его в волны, чтоб не было горя!»

Выносит волна его... Берег скалистый...
Очухался. Вспомнил объятя Калипсо.
«И что же поперся я чёрти-куда?
Ведь жил припеваючи и без труда...
И спал бы с полночи я до утра бы
В объятях такой изумительной бабы...»

А здесь? Не преклонишь нигде головы!..
Дополз лишь до кучи опавшей листвы...

ШЕСТАЯ ПЕСНЯ

Чтобы повесть, читатель, читать интересней,
Ритм, как видишь, меняю от песни я к песне.

А пока Одиссей спал на куче вонючей,
Афина все думала, как бы сделать лучше.

Проникнув неслышно к Навсикае в покои
(Познакомьтесь – то дочка царя Алкиной),
Нашептала на ушко спящей девице:
«Поди на реку постирать да помыться...»
Так Навсикая и сделала, встав по утру.
Нужно сказать, ей работа всегда была по нутру.
Взяв подружек, подходит девица к реке,
Где Одиссей спал беспмятно недалеко.
Искупавшись и завершив постирушки,
Девицы стали играть в свои игры-игрушки.
Был Одиссей разбужен их смехом и криком
И вскочил, пробудившись мигом.

Продираясь на крики девиц сквозь кусты,
Он увидел нагих неземной красоты.
Сам же он появился тиною покрытый,
Девки все разбежались, забыв про белье и корыта.
Лишь Алкиноева дочь не покинула места.
«Дай те бог жениха!.. О божественная невеста!
Мне б тряпицу прикрыть обнаженное тело...»
А нутро поневоле девицу уже захотело...
И она бормотала чего-то в смущеньи томном,
Протянув ему мантию с тонким хитоном.
Тут вернулись подруги, забывши про страхи
И начались тут обычные девичьи охи да ахи.
А Навсикая от иноземца просто тащилась,
Хоть скрыть свою страсть от подружек и тщилась.

Рассказала она Одиссею о порядках в том месте,
Сказавши, что будет, коль кто-то увидит их вместе.
Чтоб он не попал в незнакомой стране, как кур в ощиц,
Сказала ему переждать в Палладиной роще.

СЕДЬМАЯ ПЕСНЬ

Темень лишь тихо спустилась на город,
Пошел Одиссей из Афининой рощи под гору.
Опять вкруг него завертелась Афина Паллада.
Облаком темным его облекла, скрыв от взглядов.
Он узнал у прохожих, где дворец Алкиноя,
Но пошел не прямою дорогой – иною.

Зал дворца. Алкиной там с женою Аретой.
К ним бежит Одиссей уж прилично одетый.
Подбежав, пал к царицы Ареты ногам.
В зале вмиг прекратился и говор, и гам.
«О повелители этой прекрасной земли,

Игорь Ушаков

Только вы мне помочь бы сегодня смогли.

Я мечтаю вернуться в родные Пенаты,
Но однако ж я не орел и не голубь пернатый».

Внял Алкиной Одиссеевой просьбе
(Другому склонить его вряд удалось бы):
«Долг любых правоверных греков –
Всегда помогать в беде человеку!

Но в это время Арета царица
Вся ощетижилась будто бы львица.
Увидев хитон Одиссеев, Арета
Гневно спросила: «Откудава это?!
Я же своими руками спряла тот хитон.
Как же попал в твои руки-то он?»

«Сказать про царевну – прогневишь царицу:
Ведь мненье не то в головах воцарится...
Нет, нужен рассказ весьма постепенный,
Чтоб страсти утихли, осела чтоб пена...»
И начал герой свой длиннющий рассказ
О том, кто и как и зачем его спас.

Начал он, правда, с кораблекрушенья,
Чтоб не испытывать Ареты терпенья.

Нимфа дала мне приют благосклонно,
А после – семь лет этим сексом бессонным.
Она обещала мне вечную младость.
Но я потерял от общения сладость...
И вдруг повелела покинуть свой остров.
Я рад был – от тела остался лишь остов.
Конечно, Калипсо – отличная баба,
И я – как мужик – вроде тоже не слабый.

Но, как говорится «enough is enough»
Готов был сбежать я оттедова вплавь.

Пустился я в плавание на плоту,
Да видно, погоду я выбрал не ту...

Я выброшен был – обессилен – на брег
И сном исцеляющим не пренебрег.
А утром девицы пришли веселится
Я вышел нагой, попросивши тряпицы,
Чтоб срам свой прикрыть, чтоб невиден был он.
Вот тут мне царевна и дарит хитон...
Алкиной и Арета распустили аж нюни
«Супруга такого б Навсикаечке юной!
Мы б дали тебе и богатство и дом...
Но ты ведь супружьем долгом ведом.

ОСЬМАЯ ПЕСНЬ

Валом валят феакийцы на пристань
Сотни уж две их, а может и триста.
Алкиной произносит прощальную речь:
«Кто к нам с мечом – голова тому с плеч.
А пришел без меча – и уйдешь без меча».
Феакийцы ответственуют шутке царя, гогоча.
«Этот гость иноземный без меча пришел тоже,
И ему мы достигнуть отчизны поможем.
Спустим на воду этот корабль с молодыми гребцами;
Ну а дальше – Зевс в помощь! – они доберутся и сами.
На прощанье вас всех ждет шикарный банкет:
С пару дюжин овец заколю на обед!
Но сначала устроим Спортивные Игры».

Метатели диска, борцы – словно тигры,
Кулачных бойцов замелькали длани,

Игорь Ушаков

Кто мчался по кругу быстрее лани...
Тут сын Алкиноя кулачник Лаодам:
Сказал: «Я башку в отсечение дам,
Что гость иноземный – уж спорьте, не спорьте –
Сам очень силен в каком-нибудь спорте.
Покажи, иноземец, уменье игр».
«Друг мой, мне сейчас не до ваших интриг...»

«Небось, по природе труслив, как торгош...
Ответ мне достойный, конечно, я знаю, не дашь.»

Тут Одиссей заиграл желваками,
Поднял с земли громаднейший камень
И забросил его аж к едрене фене,
Вызвав у зрителей недоумение.
«Хощь – побегу, поплыву или в морду дам!
Но не тебе, дорогой Лаодам.
Ведь в доме твоём получил я приют,
А гости хозяевам морду не бьют...»

Вскоре толпа на банкет повалила:
Здесь все умельцы, у каждого сила.

Вот с арфою вышел на сцену дедок,
Лучший гусяр и певец Демодок.
Был он задорен, уверен и шибок,
Песни длиннющие пел без ошибок.
Вот он запел про коня деревянного,
Что помог сокрушить врага окаянного...
У Одиссея тут же хлынули слезы из глаз,
На что Алкиной обратили вниманье тотчас.
Чем так грустны тебе песни про штурм Илиона?
Может, товарища, брата утратил во время оно?

.....

**Нет, братцы, кишка тонка... Не одолел я «Одиссею»...
Там этих песен еще до хрена! (Перевод я делал для внука
своего, поступившего на Литфак, который «проходил»
Одиссею. Но кишка оказалась тонка...)**

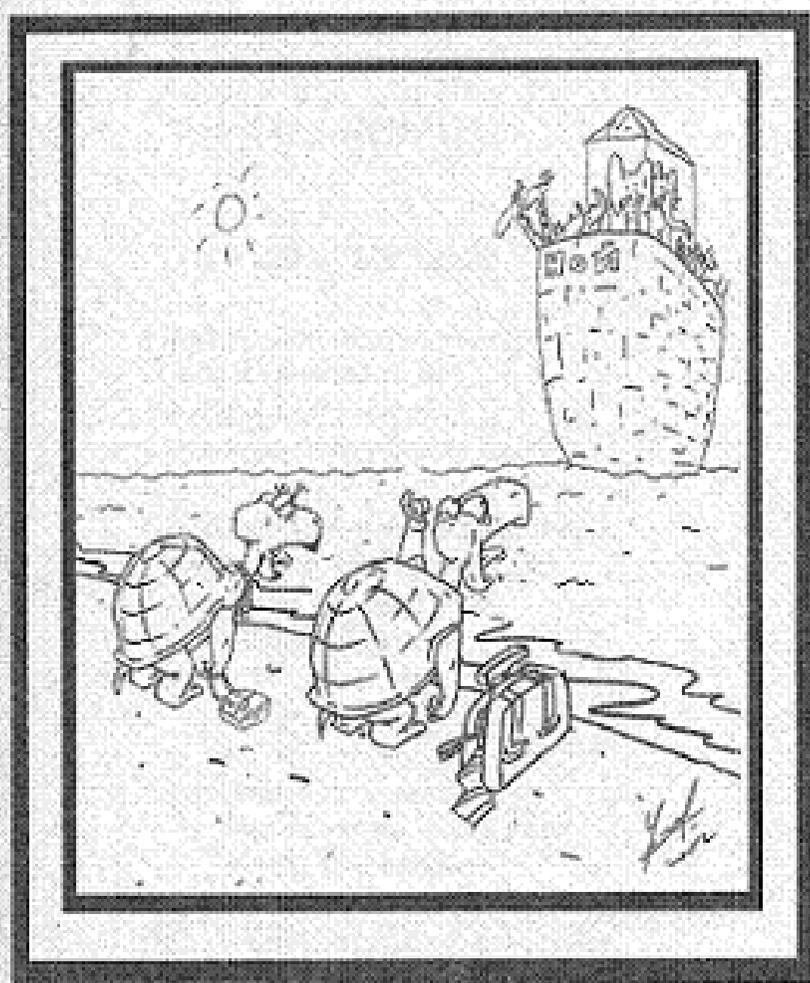
И зауважал я Гомера до беспредельности... Это ж надо столько
навалят! (Я-то еще с сокращениями давал свою
интерпретацию.) А каков Силь-Дрейч? (I mean в виду,
Василия Андреевича Жуковского, побежденного своим
учеником. А я его не осилил... Не зря кто-то про кого-то сказал
что-то вроде «Нет, я не Пушкин – я другой!»)

Так что читите Гомера, читайте Жуковского сами. Я вам не
помощник боле.

Пардон за извинение...

Игорь Ушаков

БИБЛЕЙСКИЕ

БАЙКИ

Игорь Ушаков

НОЕВ КОВЧЕГ

Предисловьице

Прожил Ной полтыщи лет,
А наследников все нет...
Да и жена не молодуха...
Словом, с ентим делом глухо.

Но жизни ход сломав спокойный,
Родила жена вдруг тройню!
Понесла в середине лета
Симом, Хамом, Иафетом...

Замечаньице:

Не иначе это Бог
Ноевой жене помог!
Коль не веришь – мой совет:
Ветхий почитай Завет!

Ной - всю жизнь богопослушен,
Как все праведники – скушен.
Только знает: дни и ночи
Воздевает к Богу очи.

Замечаньице:

Этот ход давно известен:
Средства нет сильнее лести.

Диалог с Богом

Заслужил же Ной награду –
Выдал Бог ему тираду.

Игорь Ушаков

Бог:

«Люди зло вокруг творят –
Пьянство, буйство да разврат.
Пред мое святое лице
Зло людей не должно литься!
Злодеянья люд вершит
И безмерно, блин, грешит!

Чтоб людской род научить,
Буду я его мочить!
Насылаю я потоп,
Чтобы всякий в нем утоп.
Лишь одну твою семейку
Все же я решил спасти...
Слышишь, Ной? Уразумей-ка,
Сколь ты у меня в чести!»

Ной от радости аж взмок,
Слова вымолвить не мог.

Бог:

«Значит, так. Через неделю
Будет дождь, и град, и снег.
Так что, Ной, кончай безделье
И берись стругать ковчег.
В тот ковчег от всякой твари
Выбери себе по паре,
Чтоб размножились потом,
Когда закончится потоп».

Ной пред Богом на колени:
«Господи благословенный!

У меня не Божий дар же –
Чтоб в неделю сляпать баржу
Да еще ее смолить...
А еще зверье ловить...

Это, Господи, не дело –
Не хватает мне недели!»

Бог:

«Слышишь, Ной,
Давай не ной!
Поработай в выходной!»

Ной:

«Думаю, что как прораб,
Господи, ты всё же слаб.
Не планируешь работу,
Создаешь одни заботы...
Взявшись за такую тему,
Прочитал хотя бы Брэма!
Вот тогда бы ты увидел,
Сколько тварей в каждом виде!»

Бог:

«Что ж ты, мать твою етить,
Господа решил учить?!»

Ной продолжил осторожно,
Простирая к Богу длань:
«В одну телегу впрячь невозможно
Коня и долбанную лань...»

Бог:

«Ной, давай-ка без загадок!
Ишь, на метафоры стал падок.

Игорь Ушаков

Что за кони, что за лани?!
Ты не веришь мне заранее?»

Ной:

«Господи, вопрос не в вере...
Давай поговорим о зверях.

Рассмотри, Господь, однако,
Хоть бы змея и собаку.

Для тебя-то скот и гад,
А коль острее бросить взгляд?
Без научного подхода
Не продлим зверью мы рода.
Скрестить гадюку и удава?!
Болонку спарить с волкодавом?!
Как справится с лисой песец?
Это ж полный, бля, писец!

Два любых таких супруга
Не подходят друг для друга!
Мезальянс такой приплод
Вряд ли, Боже, принесет!»

Бог:

«Слышишь, Ной,
Давай не ной!
Сам пошевели мозгой –
Сам решаешь вид какой.
Кто их, к черту, разберет!
Проявишь творческий подход!»

Ной:

«Ведь этих видов тьмы и тьмы!
Как сможем принотить их мы?»

Каков быть должен сухогруз,
Чтоб поднять весь этот груз?
Два слона - считай, что тонна,
Два бегемота, два питона...
А зверье из Мезозоя?
Эти весят больше втрое!
Взять хотя бы динозавров...»

Бог:

«Ладно, с ними кончу завтра.
Создано рукой Господней
То зверье для преисподней:
Право, мерзкие уроды
Портят небо, твердь и воды.

Из небес пошлю комету –
Пусть согнет Земную ось:
В зиму обернется лето,
Так что вымрут все небось!»

Ной:

«Ну, спасешь от великанов...
А разных мух и тараканов –
Как мне их переловить
Да пол у оных отличить?
Ведь пусть попалась мама-вошь,
Где мужика для ей найдешь?
Лишь суку грязную чеша,
Ты найдешь ей папу-вша.
А упусти я пару вшей,
Ты бы что – меня взапей?
Вспоминаю опыт старый...
Я боюсь Господней кары!
Иль другой пример – микроб.
Он меня загонит в гроб!
Где добыть мне микроскоп,

Игорь Ушаков

Изловить микроба чтоб?»

Бог:

«Ладно, прав. Не мелочись.
Пусть вша сама спасает жизнь.
А что касаемо микроба,
То смотри, пожалуй, в оба:
Если будет перебор –
На ковчеге вспыхнет мор!»

Ной:

«Ну, а что как кто помре?
Вот пойдет тогда амбрэ!..
Да и твоей боюсь я кары,
Если кто помрет из пары...»

Ной (после паузы):

«Пардон, Господь!
Забыл ты, подь:
И с человеками проблема,
Почище, чем была у Брэма!
Обращаюсь я с вопросом:
Взять папуаса с эскимосом...»

Бог:

«Слышишь, Ной,
Давай не ной!
Довел до боли головной...
Прекрати вопрос мудацкий!
Позже дам тебе мутаций.

Так что избранный народ
Породит за родом род –
Папуасов, где кокосы,
А эскимосов, где торосы.

На то и избранный народ,
Что все умее наперед!
Так что ты мне не перечь,
Говори мне лучше лесть,
И, как говорится, в печь
Поперёд батька не лезь!»

Ной:

«А успею ль сделать клетки,
Чтоб разделялись звери эти?

Нельзя ж, чтоб тигры на газелей
Без решеток бы глазели!
Иначе через сорок дней
Я привезу одних костей...

А кстати, как же с ихней пищей?
Скотов и гадов будут тыщи.
Ну, ладно, есть вода попить,
А чем весь этот сброд кормить?»

Бог:

«Будешь пищей обеспечен.
Знай, пльиви себе беспечен...»

Ной:

«К тому ж проблема есть одна —
За сорок дён насрут говна-а-а!...»

Бог:

«Это ли для Бога тема?!
Сам решай свои проблемы!
Чтоб от дерьма очистить место,
Привлеку своих невесток!»

Игорь Ушаков

Допотопный Ной

От забот подобных Ной
Стал буквально психбольной...

Да кто б ни будь на месте Ноя –
Извела бы паранойя!

Но хочешь верь, а хочешь нет –
Ной сполнил Господа завет!

Бригада в восемь человек
Сляпала в семь дней ковчег!
Правда, вот была запарка
При созданыи зоопарка.

Но куды ж нам, смертным, деться?
Хочешь жить – умей вертеться!

И в день назначенный с утра
Корабель на воду спускали,
Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали.

И вот, как водится, шампань
Об борт ковчеговый разбита,
А конь и долбанная лань
В аплодисментах бьют копыта...

Потоп

Дуют страшные ветра,
Хлябь небесная раскрыта:
Льет вода, как из ведра,

Нет, скорей, как из корыта.

Все промокли аж до нитки,
Рады лишь одни улитки,

Да семейству крокодила
Эта слякотища мила.

На сороковые сутки
Перестал дождина жуткий.
Только верьте аль не верьте,
Бог забыл задраить вентиль,

Через койй шла вода
Прянь из райского пруда...
И вода, едрёна мать,
Продолжала прибывать!

Замечаньице:

«Почему» - возник вопрос?
Да был у Господа склероз!
Очень часто старикан
В свой же попадал капкан:
То кого-нибудь накажет
И дерьмом всего измажет,

То за то же злодеянье
Шлет в награду воздаянье...

Вот Бог открыл сточные трубы,
Так вода пошла на убыль.
Чтоб проверить всесторонне,
Есть ли вблизи земли,
Клетку Ной открыл воронью,

Игорь Ушаков

Чтоб тот летел разведки для.

Пролетавши вхолостую,
Ворон Ною рапортует:
«В океане этом нищем
Мы напрасно сушу ищем!»

Через день направлен голубь
«Вкруг нас океан лишь голый...»

Через пару дней опять
Время птичку посылать.
Новый голубь был удачлив –
Выполнил свою задачу.

Прилетел он рапортуя:
«Веточку принес во рту я,
А это значит, что Земля
Ждет прибытья корабля!»

Ан и впрямь – на горизонте,
Возвышенья, будто зонтик.

Послепотопный Ной

Ной с семейством страшно рад:
Видят гору Арарат!

Не прошло и пять минут –
Ной с семейством тут как тут.

Бог:

«Знаешь ты, я саркастичен,
А порою неэтичен.

Но тебя не оборжу:
Справно вел свою баржу!
Открывай, давай-ка, клетки,
Разошлись чтоб звери эти:
Пусть плодятся-размножаются,
Несут детенышей да яйца...»

Ной:

«Но прежде, чем им разойтись,
Хоть для соития б сойтись!
Иначе суть эксперимента
Сведется к куче экскремента...»

Бог:

«Это не твоя забота –
Это Божья работа:

Кто, кого, когда и где?»
(хитро поглядев)
«Да всяка всяк, всегда, везде!»

Бог (после паузы):
«Путь твой был не прост и долог,
Но не забудь священный долг:

Чтобы землю населить,
Сыновья должны плодить

Нескончаемых детей!
И чтоб без всяких там затей!
Гомосексов – зоофилов
Буду бить с нещадной силой!»

Так от трех сыночков Ноя
Люд земной пошел волною.

Игорь Ушаков

Ремарка:

Дарвин, не держи обиду,
Бред - «Происхождение видов»!
Ной – наш предок без изъяна!
А твоя, блин, обезьяна?
И замечу я при том,
Почему мы не с хвостом?
А ответ на это прост:
Бог не выдал Ною хвост!

Важнейшее событие в жизни Ноя

На горе Арарат
Растет крупный виноград...

Там, где фрукт полезный рос,
Основал Ной винсовхоз:
Сам пьет вино, сам грозди ест –
Словом, основал Самтрест.

Но однажды - наказание! –
Ной ушил мукузани,
Саперави, ахашени
Прямо аж до окосенья!
И спустив с себя штаны,
Сполнил танец сатаны!

Ну, конечно, с перепоя
И с жары сморило Ноя.

И такие вот дела:
Прям в чем мамка родила,

Ной дополз до лежака
Да и задал храпака.

Хам, услышав звуки храпа
Поспешил проверить папу.
Видит – папа, как Адам,
Экзибирует свой срам.

Хам – дурная голова
Братьям закричал: «Братва!
Наш папашка, старый Ной,
Без порток лежит хмельной!»

Воскричали братья: «Хам,
Ты взаправду, чистый хам!

Ты не отвернул лица
От раздетого отца?!»

Сим же с Иафетом братом,
Входят, будто раки, задом,
В спальню, чтоб не увидали
Папы скромный гениталий.
Войдя, накрыли простыней
Срам, казал который Ной.

За такое поведенье
От отца благословенье.

Хам же был отцом наказан -
Проклят Ноевым указом:
Жизнь у всех потомков Хама
Стала истинная драма,
С этих пор они рабы –
На братьев гнут свои горбы.

Игорь Ушаков

О жизни Ноя, скажем прямо,
Библия молчит упрямо.

Тот факт, видать, – важнейший в жизни!
(Смотри, от хохота не прысни!)

Не происки ли сатаны,
Что Ной забыл надеть штаны?

Заключочка

Вот такое вам сказанье
Про Господне наказанье.
Наш всемилостивый Боже
Был не так уж добр, похоже.
Сотворил сперва людей
Без особенных затей.

Он у зеркала стоял,
Когда Адама сотворял.

Может, делал с будуна?
Но человека в чем вина?
Мы ж во всем ему подобны.
Чем мы стали неудобны?
Коль совершенна ошибка,
Боже, не кляни нас шибко!
Не зеркало ж виновато,
Коли рожа кривовата!

Это действие знакомо:
Первый блин – он вечно комом!
Ну, а у Бога первый ком
Вышел ясно, блин, блином!

оХАЛЬНЫЕ ПОЭМЫ

Но коли сделал что-то плохо,
То не будь последним лохом,
Не вали свою вину
На другую сторону.

Март 2002
Сан-Диего

ЖИТИЕ АВРААМА И ПЛЕМЯННИКА ЕГО ЛОТА

«И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аронова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую...»

Библия. «Бытие», Глава 11, стих 31.

Часть 1: Аврам и Сара

«Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя.

... И взята она в дом фараонов».

Библия. «Бытие», Глава 12, стихи 13 и 15.

«И сказал Авраам о Саре, жене своей: она сестра моя. И послал Авимелех, царь Ферарский, и взял Сарру.»

Библия. «Бытие», Глава 20, стих 2.

Бегство из Земли Обетованной

Был Авраму Богом дан
Обетованный Ханаан.
Да вот земля обетованна
Была не-солано-хлебанна:

То скотина не рождает,
То в полях нет урожая...

Голод, ведомо, не тётка –
Это все мы знаем чётко.

И Аврам с женою Сарой
Применили метод старый:
Побежали без раздумий
В царство пирамид и мумий
У египетской границы
Аврам начал суетиться.

Аврам:

«Знаешь, Сара, есть задумка –
Не сочти за полоумка:
Здесь, в египетской стране
Ты в цене пойдешь вдвойне!
Коль великий Фараон
Возьмет тебя одной из жён
Будешь жить, не зная горя,
Капитал накопишь вскоре.

Я скажу, что я твой брат,
И буду очень даже рад:
Ведь и мне перепадет,
Если номер наш пройдет».

Сара:

«Сбрендил ты совсем, Абраша!
А супружество как наше?
Ты готов меня предать
И в гарем к царю продать?!

Еще играешь в доброхота!
Нет, в гарем мне не охота...»

Аврам:

«Причем “охота” – “не охота”?
Сара, это же работа!
И не надо этих слёз:

Игорь Ушаков

Ты же знаешь – business first.
Только истинный бездельник
Проживает жизнь без денег!»

Сара

Было ей под сотню лет,
Но ведь у баб есть свой секрет:
Даже дряхлая старуха
Прифрантится молодухой:
Брови, губы, макияж –
И Саре тридцать лет не дашь!

Грудь в бюстгальтере на вате,
Бедр... пах!-пах!-пах!.. в объёме...
Озвончал скрипучий голос,
По плечам разлился волос
Цвета колоса пшеницы...
Хоть сейчас на ней жениться!

От автора:

Помните, как наш поэт
Сочинил такой куплет:
«Лет до ста расти
Вам вез старости.
Год от года расти
Вашей бодрости».

Усекаете момент?
Это Саре комплимент.

Словом эдакую кралю
На Кавказе бы украли.

Фараоновы страсти

И конечно, Фараон
Сарой в однораз пленён.

Фараон спросил Аврама:
«Объясни, кто эта дама?
Очень нравится она...
Тебе, надеюсь, не жена?»

И, сомняшеся ничтоже,
Тот сказал: «Помилуй, Боже!
Буду рад я за сестру,
Коль приблизишь ко двору».

Генеалогическое замечание:

В этом правды половина –
Она была его кузина.
Скажем, что кровосмешенье
Не было тогда мишенью
Для публичных осуждений
И научных обсуждений.

Фараон:

«Подари сестру в гарем –
Одарю тебя я всем!»

Аврам:

«Мне б нужно баранье стадо,
Дом да тридцать соток сада,
И в центральном аппарате
Должность, где неплохо платят... »

Скажем прямо: был шустёр
Сарин муж-антрепренёр!

Игорь Ушаков

В гору он шагает быстро:
Вот уже он замминистра,
В царстве первая персона,
Вхож без стука к Фараону...
Проживает при дворце
С важной миной на лице.

Сара тоже процветает:
Фараон от ей аж тает.
Средь царевых одалисок
Сара возглавляет список.

Только вот один Федот
Получается не тот:

К Саре царь едва войдет –
Тут же бедствует народ!
Фараон стал удивляться,
Что, мол, тут за корреляция?
Знать несет стране разруху
Эта юная старуха?

Вскоре стало все ясней –
Бог к нему пришел во сне
И сказал, чтоб Фараон
Не любил замужних жён.

Фараон в ответ: «Бу сде!
Удержу себя в узде,
К Саре больше ни ногой –
Мне дороже мой покой.

Но ведь я не виноват:
Аврам сказал, что он ей брат
И отдать ее он б рад.

Сара ж тоже, блин, хитра –
Представлялась как сестра.

Будь не это – чтоб им в дышло! –
Ничего б тогда не вышло:
Я смотрел бы на неё б
И не целовал взахлёб».

Бог:

«Хошь не хошь – вали отседа,
А не то я так наеду...
Знаешь сам, что ангелочки
Мастера в делах замочки!»

От автора:

Там, где правит Боже правый,
На херувимов нет управы!

Был обманут Фараон,
Но все равно: виновен он!

Найти логику Господню –
Что поймать блоху в исподнем!

Утром рано Фараон
Был испуган, но взбешен.

Фараон:

«Уходи-ка ты, Абрам!
Я тебе подарков дам:

Ишаков, овец, верблюдов –
Но вали скорей отсюда!

Я скажу тебе по чести:

Игорь Ушаков

Не видал подобных бестий,
Ну, скажи, кто б смог иной
Торговать своей женой?»

Абрам вернулся в Ханаан,
Богатый, как татарский хан:
Полно овец и верблюдей
И в рабство отданных людей.

Просто эмоциональное замечание:

Ну, и парочка –
Абрам да Сарочка!

Рождение Исмаила

А Саре было за сто лет –
Деток не было и нет.
Говорит она: «Аврам,
Я Агарь-служанку дам.
Переспи с ней – все дела,
Чтоб ребенка родила.
Ведь коль родит мне на колени –
Будет наше пополнение.

Только мордой в грязь не вдарь:
Понести должна Агарь!»

Комментарий для женщин:

У евреев в старину
Был обычай – ну и ну! –
Коль родишь на чьи колени –
Распрощайся с поколеньем.
Дитя на чьих ногах лежит,
Той оно принадлежит.

Потащил Абрам служанку
На ближайшую лежанку:
На лежанке возлежал
И служанку возжелал.
Да и назавтра пожелал
Повторить сей ритуал.

Стала Сара ревновать,
Звать его в свою кровать.

Аврам:

«Чтоб был надежен результат,
С ней должен спать сто дней подряд!»

И почувяла Агарь,
Что попал к ней в сети царь.
И ведет себя надменно,
Будто Сарина замена.

И естественно, что Сара
Не снесла сего удара:
Стала притеснять Агарь и
То щипнет, а то ударит,
То клюкой корявой клонет,
То в кастрюлю с кашей плюнет,
То на стул положит кнопку,
То задаст Агари трепку.
Словом, стало жить Агари
Хуже, чем последней твари.
И хоть была уже, как дыня,
Убегла рожать в пустыню.

Но, конечно, Господь-Бог
Лучше выдумать не мог:
Он уважать себя заставил

Игорь Ушаков

И к Саре взад Агарь отправил...

Сев на Сару, как на кресло,
Разверзает Агарь чресла,
И оттуда резв и мил
Вылезает Исмаил.

Сара ну его ласкать
Да сыночком называть.

Божий завет

Как-то раз в денек погожий
Навестил Аврама Боже.
Сели в кухне тет-а-тет,
Держат, как в Филях, совет.

Бог:

«Долго сколь утужишь свет?»

Аврам:

«Девяносто девять лет...»

Бог:

«Ладно, дам тебе Завет... Я
немного оплошал,
Когда Адама создавал...
Плоть крайняя его длинна,
Ну, будто хобот у слона!
Чувствую, что есть резон
Penis'a сменить фасон.

Обрезаньем крайней плоти
Вы любовь мою найдете!

Тот, кто penis свой урежет
(Хоть и грешить не будет реже)
Тот очей Господних свет
Да узрит чрез мой Завет!»

Необрезанный же всяк
Мне как иноверец – враг!
Будь он пахарь, будь пророк ли –
Будет мной навеки проклят!

Пред мое святое лико
Ты родишь народ великий.

А тебе чтоб был почет,
Бог имя новое речёт:

Ныне будь ты Авраам!
А чтоб жене не быть без дара,
Имя ей отныне - Сарра!»

От автора:
Что за тайна в буквах этих,
Не поймет никто на свете!

Стал Аврам по новой хныкать...

Аврам:
«Нет наследничка, Владыка!
Что ж наследство не родному
Завещать, а управдому?»

Бог:
«Не трухай, Аврам. Будь весел.
От твоих могучих чресел
Народится род еврейский

Игорь Ушаков

С верой самой иудейской!

Чтобы род твой не иссяк,
Будет сын тебе – Исак.

Сара слышит эту речь.

(Про себя):

«Сбрендил что ли, старый хрыч?»

Бог (вслух):

«Сарра! Богу не перечь!
И про возраст свой не хнычь!
Божье волеизъявленье
Сильней, чем щучье веленье!»

И Сарра, правда, зачала
И вскоре сына родила.

Всенародное обрезание

Чтоб отрезать крайню плоть -
Это не горох полоть!
Нужен острый инструмент
И кой-какой медикамент.
Но всего важнее мера –
Сила личного примера:

Первым юный Исмаил
Богу плоть свою дарил,

А за ним отец Аврам
Обрезал свой дряхлый срам.

А бабы инда голосят,
Думая про тот обряд:

«Это что ж за наказание –
Крайней плоти обрезанье?»

Если честно говорить,
То надо б даже приварить.
А усекут под корешок? –
Это, бабы, не смешок!»

Очередной бизнес

В книге богодухновенной
Все меняется мгновенно:
Скачет белкою сказанье –
Сразу после обрезанья

Авраам с женою Саррой
Занялись работой старой.

Оказались в Гераре.
Авраам толкует Сарре:

«Милая моя подруга,
Ты, как конская подруга:
Без тебя давно меня
Сбросило б с судьбы коня!
Помнишь, как во время оно
Мы охмурили Фараона?
Не обман, а ловкость рук!
Повторим такой же трюк?»

Сарра, видимо, на диво
Стала к старости блудлива:
И не возразив ни слова,

Игорь Ушаков

На скользкий путь ступила снова.

Согласитесь, знает Сарра
Цену своего товара!

Просто эмоциональное замечание:

Ну, и парочка –
Авраам да Саррочка!

Ох, ловки, крути их за ноги,
Эти Божьи куртизанки!
Отработанный прием:
Аврам тут вроде не при чем,
Сарра – вольная девица,
Ей хоть щас в постель ложиться!
И конечно, царь Герара
Сарриным поддался чарам.

Не молот бьет по наковальне –
Авимелех и Сарра в спальне:
Царь страны Авимелех
С Сарой совершают грех.

Правда, в том-то и потеха:
Грех-то был не Авимелеха!

Вот у Сарры – это блуд.
Ну, а каков же Божий суд?
А Господь суров, как лев,
Кажет миру Божий гнев.

Бог:

«Авимелех, едрёна вошь,

Сарру ты не смей, не трожь!
Я тебе за эти действия
Все пообрываю пейсы!»

Авимелех:

«Боже, ты, старик, непра-а-ав!
Судишь, логику поправ.

Я же, право – antre nous –
Не хотел ничью жену!
Она и на хер не нужна
Мне чужая, блин, жена!
Мне ж Аврам сказал вчера,
Что Сара, мол, его сестра.
Сара ж убеждала слишком,
Что Абрашка ей братишка!

Гнева я боюсь Господня...
Но что ж ты не караешь сводню?
Глянь-ка в сторону другую,
Как Аврам женой торгует!»

Бог:

«Не твое собачье дело,
Чье Аврам торгует тело!
Авимелех, мне не перечь,
А не то кочан твой с плеч!
Да и вся твоя родня
Не протянет дольше дня».

Авторское замечание:

С этим Господом всегда
Приключается беда!
Невиновным – наказанье,
А с виновными – лобзанье.

Изгнание Агари

Это ясно – Исмаил
Очень мать свою любил.
И это надо понимать –
Сын есть сын, и мать есть мать.

Посему у злобной Сарры
Разыгрался комплекс старый:
Теперь, имея Исаака,
Сарра смело лезет в драку.

Жмет беднягу Авраама:
«Сатану гони из храма!
Покажи ты всем, кто царь!
Выгони взащей Агарь
И внебрачного сыночка!
Ни к чему здесь проволочка!
Точка!»

Делать нечего. Старик
К дури женой привык...
Утром он свою рабыню
С сыном отослал в пустыню,
А чтоб ушли подальше в небыль,
Дал мех воды и сумку хлеба.

Поблуждав около года,
Съев весь хлеб и выпив воду,
Выбились совсем из сил
И Агарь, и Исмаил...

Бог взирал на все с небес,
А потом на землю слез.
(Видимо, у старика

Все же дрогнула рука!)
Он им колодец показал
И пару теплых слов сказал.
Слово ж доброе, понятно,
И кошке, говорят, приятно.

Драма Авраама

От автора:

Я скажу вам: на искус
Бог имел особый вкус.
Коли кто уж слишком верен,
Тот должен быть им проверен.
Помните, как он сурово
«Искушал» беднягу Иова?

Ведь Бог послушал Сатану.
Сначала уморил жену,
Но Иов лишь стал еще святей!
Тогда убил его детей...

Иов не возразил ни разу.
Бог наслал ему проказу.

Иов же в струпьях и болячках
Бил поклоны на карачках...
И когда рассудок к Богу
Возвернулся понемногу,
Он поведал Сатане:
«Благонадежен Иов вполне!»

После этого Бог
И богатую казну,
И детей дал тоже новых...
Осчастливил, блин, Иова!

Игорь Ушаков

Вот, поверите ли, Бог
Без пыток распознать не мог –
То ль Иов двуличный лицедей,
То ль из достойнейших людей!
Вот такой наш вездесущий
И, к тому же, всемогущий!

Но пора вернуться нам
Туда, где ждет нас Авраам...

Жил Аврам, не зная горя,
Но оно случилось вскоре.
Бог позвал его пред лице:
«Надо нам определиться:
Я тебе дал свой Завет,
А от тебя мне жертвы нет?!»

Отвечал Аврам: «О Боже!
Ты же мне всего дороже!
Буду я не Авраам,
Коль все, что хочешь, не отдам».

«Пусть же завтра на закланье
Жертва будет не баранья...

Мнение есть на небеси –
Сына в жертву принеси».

Если Боже скажет: «Надо!»
Авраам ответит: «Есть!»
Видно, с Богом нету слада,
Но за что такая месть?

Солнце лишь взошло едва,
Собралися по дрова
Авраам и сын Исак.
А дальше дело было так.

Взяли пилы-топоры
И попилили до горы.

И Исак, как пионер, -
Послушания пример.
Нарубили дров до фени
Будто для слона сожженья!
Тут Аврамов сын Исак,
Хоть терпелив был, но иссяк:

«Насбирали дров сполна,
А ведь нет у нас овна!
Пап, так где же агнец тот,
Коего Господь так ждет?»

Авраам, воздевши очи,
Отвечал: «Спешишь ты очень.
Это ж Божье провиденье,
Кого заклать для всесожженья...»
Подошел к нему с веревкой
И сынка опутал ловко.

Так попался Исачок,
Будто бабочка в сачок!

Авраам:

«Будь час неровен...
Ты, Исак, тот самый овец!»

Авраам взмахнул ножом,
Но тут раздался Божий гром:

Игорь Ушаков

«Верю! Верю! Молодец!
Сыном жертвует отец!

Вот это да! Вот это вера!
Нет достойнее примера!
Отведи от сына нож –
Жертву ты в кустах найдешь!»

Авторское обращение к Господу:

Словом, дивная картина:
Бог для отца спасает сына!

Ну, а если приглядеться,
То куда нам, грешным деться?
Пораскинь мозгами, Боже,
Нешто стыд тебя не гложет?

Чтоб отец прикончил сына –
То ль не гнусная картина?!

У тебя порочный вкус,
Коли это лишь «искус».

Промежуточный эпилог

Если Авраам – пророк,
Какой быть может в вере прок?
Святость-то его откель?
Сдал жену в царев бордель,
Исмаила гнал в пустыню...
А Исак?.. Тут сердце стынет!

Мораль:
Каков Бог,
Таков и пророк!

Часть 2: Лот с дочерьми

«Итак, напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя».

Библия. «Бытие», Глава 19, стих 32.

Визит херувимов

Жил с своим семейством Лот
Около градских ворот.

Что за город был Содом,
Где находился Лота дом?

Там жила большая каста
Изоцренных педерастов.
В честь заднепреходцев тех
Назван был «Содомский грех».

Лот был, скажем, белым овном
В стаде черном и греховном.
Рядом город был Гоморра.
Там все бабы без разбора
Занимались лесбиянством –
Грех, поди, похуже пьянства:
Проспится пьяный без труда,
А лесбиянка – никогда!

Вопросик:

Есть вопрос для размышленья:
Как там было с размноженьем?
(Ведь Завет настолько Ветх,
Что запутал нас в ответах!)

Игорь Ушаков

Вот однажды на закате
По дороге кто-то катит.
А вела-вилась дорога
Прямо к Лотову порогу.

Вылезли из шарабана
Два премилых мальчугана.
Попросились на ночевку –
Отказать было неловко.

Где козлы – там огород!
(А может, и наоборот?)
Дочки стали строить глазки,
Вскоре перешли на ласки...
Очень были обильны
Две красотки сексапильных!

Визит жителей Содома

Вдруг раздается «ГАРМ-ТАМ-ТАМ» -
Кто-то бьет по воротам.
Лот зажег фонарь и вышел
Посмотреть, не глас ли слыше?

Видит он, что у ворот –
Прям, людской водоворот!
Ведь бывает так не часто –
Собрались все педерасты

Из содомских богаделен,
Из пекарен, виноделен,
Из студенческих общаг.

Толпа:

«Мы их познаем сообща!
Подавай нам чужестранцев
И начнем мы наши танцы!»

Лота:

«Чтоб мне сохнуть на погосте!
Не отдам – ведь это ж гости.
А гость у нас, известно, свят
Лишь хозяева с ним спят.
Люди добрые, окститесь!
Вы же им в отцы годитесь!
Коль приспичило уж очень –
Познавайте моих дочек».

Толпа:

«Для чего твои нам девы?
Нам плевать на дочек плевых!
Подавай своих гостей,
Иначе не сберёшь костей!»

А в деяниях горазд
Был Содомский педераст!

Лота б буйная толпа
Раздавила, как клопа.

Бегство из Содома

Но тут два ангела-малютки
Рассердились не на шутку:
Чтобы Лота защитить,
Всех решили ослепить!
(А не проще ль - оскопить?
Ведь ослепший педераст

Игорь Ушаков

СПИД с успехом передаст.)

Лоту говорят юнцы:

1-й Ангел:

«Мы Господнии гонцы.
Господа Содом с Гоморрой
Пуще жгут, чем геморрой.
Уничтожит он их скоро –
Ты же спрячься под горой.
Бог решил тебя спасти,
А остальных всех извести».

Лот:

«Но куда же мне деваться
В этой страшной ситуации?»

2-й Ангел:

Как только выйдешь из ворот,
Сделай левый поворот

И увидишь между гор
Будет городок Сигор.
Там за горку завернете
И спасение найдете».

1-й Ангел:

Но хочу одно сказать,
Кто оглянется назад
И глянет хоть единым глазом,
Тот будет Господом наказан!»

Лот на сборы очень скор –
Вот уж мчит с семьей в Сигор.
Паникой объята жуткой:
Девки мчат, задравши юбки,

Лот, хоть в возрасте преклонном,
Мчит, возглавив всю колонну.
Позади бежит жена,
Мыслью тайною полна:

«Ладно, гляну я тайком,
Ну, хотя б одним глазком!»

Ох, любопытны ж эти бабы!
Ну, конечно, знала б кабы
Что ее за это ждет,
То бегла бы и бегла бы
Без оглядки лишь вперед...
Но обернулась жена
И была поражена...
Бог не треплет языком:
Если сказано – закон!
Не оглядывалась чтоб,
Превратил в соляной столб...

На Гоморру и Содом
Сбросил Бог изрядно бомб.

Был пожар невыносимый –
Прям, Нагасаки с Хиросимой!

Понял Лот мозгом смышленным,
Что по пунктам населенным
Бьет Господня авиация.
Так куда ж теперь деваться?
Лот, боясь, что бомбы вскоре
Будут сброшены в Сигоре,
С дочерьми подался в горы.

Лот с дочерьми

Стали жить они в пещере.
Жутко: волки зубы щерят,
Да медведь ревет ревмя.
В страхе Лотова семья.

Как-то, сидя у костра,
Говорит сестре сестра:

Старшая сестра:

«Из-за нашего папаши
Происходят беды наши.
Сел в пещеру, как барсук.
Наши беды – недосуг!
Жизнь сестрица нелегка –
Созрели мы для мужика...
Нам не по миру бы бродить,
А детишек народить».

Младшая сестра:

«Согласна, милая сестрица,
Но где же мужику найтиться?»

Старшая сестра (кивает в сторону пещеры):

«На безрыбье рыба – рак!»

Младшая сестра:

«А заставишь его как?..»

Старшая сестра:

«С будуна любой мужик
Бабу оседдает вмиг:
Баб плохих ведь не бывает –

Просто водки не хватает!
К ужину закажем пиццы
И дадим отцу напиться.
А когда он брык с копыт –
Позабудь девичий стыд!»

Напоили девки Лота,
И пошла у них охота.

Первой с папой в ту же ночь
Возлегла старшая дочь.

Новый день и спозаранку
Дочки вновь заводят пьянку.

И стала младшенькая дочь
Папу старого толочь...
В Лота влив бадью винца,
Дочки трахнули отца...

На такое не горазд
И Содомский педераст!

А ведь блудницам-девицам
Нет бы с горочки спуститься:
Там бы их прохожий встречный
Обслужил бы безупречно.

Понесли б не от отца,
А от прохожего молодца!

Авторский комментарий:

Вот ведь, Боже, мать едрёна,
Где бы к месту столб соленный!
Это, что ль, Господь, не грех?

Игорь Ушаков

Ты нас удивляешь всех!

Ноев сын бедняга Хам
Увидал у Ноя срам.
И за этот криминал
Бог беднягу покарал.
Но средь наказанных я что-то
Не увидел дочек Лота!
А скажу вам, Хамов грех
По сравненью с ихним – смех!

Вот вам, братцы, Божий суд:
Где же справедливость тут?

Размышлизм:

Я скажу вам откровенно,
В книге богодухновенной,
Выбравши Аврама с Лотом,
Я разочаровался что-то...
На дочерей развратных глядя,
Думал я, чего же ради
У порядочных людей
Денег нет на бигудей?
Да и чем же Лот-то свят,
Коль с ним родные дочери спят?

Аврам и Сара – эти оба...
На них уж негде ставить пробу!

Аврам являет нам пример
Страшней страшнейших из химер!
Жену продать чужому дяде –
Бога ради!
В пустыню сына отослать –
Едрёна мать!

Второго сына загубить –
Ах, мать едрить!

Найдите, кто сравниться может
С таким подонком? Где ж ты, Боже?
И что такое правый суд –
Когда невинных толпы мрут?
Мерзавцы же вовсю цветут...

Мораль:

Скажу, друзья, вам: Слава Богу,
Что все же нет на свете Бога!

Заключительные размышления

Сознаюсь, кровь аж стынет в венах
От книги богодухновенной.
Бог для меня – плохой герой,
Плохой паяц с плохой игрой:

Наслать на мир людской потоп,
Поубивать людишек чтоб?
Иль, Боже, лишь от доброты
Всех порешить задумал ты?

Где же любовь, едрёна вошь,
Коль сына шлешь под отчий нож?
И к Иову тоже из любви
Семейство все топил в крови?

Сам не люблю я педерастов,
Но чтоб устроить Холокост им?..

И, наконец, не жаль креста
Для сына своего Христа?!

Игорь Ушаков

* * * * *

Своей души открою двери:
Я сам, признаюсь, в Бога верю.
Есть у меня мой личный Бог,
Который в жизни мне помог.

Он помогал, что было сил
И жертв дурацких не просил.
И совесть у него чиста –
Меня избавил от креста,
И сына не велел заклать,
Не слал жену в ломбард закласть.

Вот я какого Бога сын.
И я скажу – сей Бог един:
Со мной вошел он в этот свет,
И вместе наш исчезнет след...
Он Бог-Отец и Дух Святой,
А я же – Божий сын простой!

И мой пророк – не протокольный.
Он – просто мой Учитель школьный.

Второй Учитель и Пророк –
Тот, кто мне стать, кем стал, помог.

Встав у церковного порога,
Как на распутии дорог,
Сыщи ты собственного Бога.
Он лучше, чем церковный Бог!

А впрочем, разве дело в вере?
Будь человеком, а не зверем.
С крестом ты, или без креста,
Но совесть быть должна чиста.

оХАЛЬНЫЕ ПОЭМЫ

А коль душа твоя убога,
То много ль смысла в вере в Бога?

Твори добро, люби людей,
Не будь в плену дурных идей,
Душой будь светел, как кристалл,
И можешь не носить креста!

Март 2002
Сан-Диего

Игорь Ушаков

БЕЗЫСХОДНЫЙ ИСХОД (КОМИДРАМА В ОДНОМ СОРОКАЛЕТНЕМ АКТЕ)

Вместо прелюдии

Этот сказ не про евреев.
Это сказ про нас с тобой:
Как за светлую идеей
Мы вприпрыг неслись гурьбой,

Как нас звали чародеи:
«Пролетарии всех стран,
Единяйтесь быстрее –
Ждет вас новый Ханаан!»

Как мы шли вперед куда-то,
Сквозь пески сухие мча,
Веря Карлам бородатым
Да плешивым Ильичам...

Коль была б судьба добрее
И дала бы старикам
Бородатым брадобрея,
Лысым всем по парикам,

Уж тогда, наверно, точно
Не нашлось бы дураков,
Не искали б рек молочных
И кисельных берегов.

Впрочем, тщетные надежды...
Здравый ум и здравый смысл...
Проходимцы и невежды
Покоряют нашу мысль.

Что ж, вставайте, заклеимёны,
В бой за чей-то идеал!
Собирайтесь под знамена
Стар и млад, велик и мал!
Пролетарии всех стран!
Карло-марлов «Манифест»,
Тора, Библия, Коран –
Все ведут в крошечный лес.

И чем вера ваша глубже,
Тем страшнее будет драма.
Породила ж сущий ужас
Чистота идей Ислама!..

Обстановочка в стране
В древнем мире было царство –
Фараона государство.
Вкруг цветущей дельты Нила
Это царство в вечность плыло...

В этом царстве кто первой?
Ну, конечно же – еврей!
Счетовод и инженер,
Бизнесмен и акушер,
И торговец, и судья,
Разве что не думный дьяк!

Испугались арабы:
Власть не захватили кабы
Эти умные еврей,
Что, конечно, их хитрее.

И подумал фараон:
«Жмет еврей со всех сторон:

Игорь Ушаков

Занимают все посты,
А плодятся, как скоты!

Их полно, как дырок в сыре!»
Был он очень сердит
Этот самый первый в мире
Боевик-антисемит.

Приказал всем акушерам
Убивать без всякой меры
Всех детей мужского рода
У еврейского народа.

Не додумал дуралей,
Что всякий врач в стране – еврей.

Тут свирепый фараон
Издает другой закон:
Чтоб еврейский род избыть,
Будем мы детей топить.
Всех бросать в могучий Нил,
Чтоб сжирал их крокодил.

Герой появляется на сцене
Но наплась, однако, мать –
Ей ума не занимать:
Спеленав потуже сына
И поклав его в корзину,
Путь проделала не дальний
К фараоновой купальне,

Там, где фараона дочи
Омывали утром очи.

Ну, а дочка фараона,
Услышавши плач и стоны,
Мчит к прибрежным камышам,
И младенца видит там.

Словом, добрая душа,
Жизнь спасает малыша.

Вижу, догадались все –
Тот малец был Моисей.

Начало карьеры

Вырос он неглупый малый
Да и мощи небывалой.

Как-то Моисей увидел,
Как араб раба обидел.
(В той стране еврей был раб,
А надсмотрщик – араб.)
Моисей в избытке сил
Того араба “замочил”.

То прослышав, фараон
Был до чертиков взбешен.
Не спасли бы даже боги,
Мойша посему дал ноги.
Долго бёг он по пылище,
Отмахал шагов он тыщи
И, найдя в песках родник,
Как к родному он приник.

После, переведши дух,
Стал лупить осенних мух.

Игорь Ушаков

Тут веселою толпой
Овцы прут на водопой.

С ними были семь девиц –
Хочешь – стой, хошь – падай ниц!

Хороши – как на подбор!
Моисей был очень скор –
Он до баб был, ох, охоч!
Поиграться был не прочь.

Только в этот вот момент
Появился конкурент.
Появились пастухи –
Хлопцы вовсе неплохи.

(Впрочем, пастухи-арабы
По воду шли, не по бабу.)

От избытка чувств и сил,
Их Моисей отмолотил
А потом помог девицам
По ведру набрать водицы.

Мойша девок свел с ума
Тут же младшая сама
Повела его к отцу,
Ну, а отгеда – путь к венцу!

И приснится же такое!
Так и жил бы Моисей
Без забот и без затей.
Как говорится, сыт и пьян
И уткнувши нос в кальян.

Но однажды молодец
Пас в горах своих овец.
Притомился и устал,
И улегся у куста.
Травка выросла у моста,
По мосту идут овечки...
Захотелось Мойше просто
Отдохнуть у енттой речки.

Видит он, как ентот куст,
Что вот только что был пуст,
Польхает, как свеча,
И оттуда, бормоча,
Кто-то голос подает...
Неприятный оборот!

Моисей (про себя):

«Не иначе это бес,
Коль в горящий куст залез!»

Слышит голос: «Ты ж не олух!
Духа Божова то сполох!
Из тебя, коль будет прок,
Выйдет в будущем пророк.
Жмут евреев там, в Египте.
Бедолагам помоги ты.
Отведи ты сей народ
В ту страну, где сладкий мед
С молоком в реках течет».

Авт. недержание:

(Бог, конечно, “Капитал”
Перед этим не читал:
Идеал его был низмен –
Не слышал о коммунизме.
Потому Господь наш Сущий

Игорь Ушаков

Обещал всего лишь кущи.)

Молвил Моисей: «Мой Отец,
Трудный у тебя народец,
Не поверят мне на слово,
Что видался с Иеговой».

Иегова:

«Дам тебе я три знаменья,
Чтоб лишить их враз сомненья.

Посох твой – начало трюка:
Наземь брось – он стал гадюка.

Авт. недержание:

(Это б каждый сделать смог,
Если хоть немножко йог.)

Коли не поверят сразу,
Полечи свою проказу».

Моисей:

«Где же мне проказу взять?»

Иегова:

«Ты ж не глуп, едрена мать!
Это фокус – не обман.
Сунь-ка руку ты в карман.
Там насыпана мука,
И станет белая рука!
Усекаешь, ты, пророк?
Иль не варит котелок?»

Моисей:

«Ну, а коль евреи снова...»

Взбеленился Иегова.
«Воду превращаешь в кровь!
Вот тебе и вся любовь!
Незаметно – ты же ловкий! –
Сыпани марганцовки,
Зачерпни потом воды...
Ну, доходит до балды?..
Станет будто кровь по цвету.
Больше, блин, вопросов нету?»

Моисей:

«Йе-е-есть, мой Бо-бо-бо-боже...»

Иегова:

«Что тебя еще там гложет?!» –
Голос Бог поднял до крика.

Моисей:

«Бо-бо-бо-ж-ж-же, я ж за-за-зайка...»

Иегова:

«Ты, блин, туп со всех сторон!
А на что же Аарон?
Твой же брат - твоя опора:
Языкаст, в решеньях скорый.
Ты держи вострее ухо
И общайся с Святым Духом,
А Арон твои идеи
Доведет до иудеев!»

Тут проснулся Моисей.
Куст стоит во всей красе.
Нет ни дыма, ни огня...

Моисей (про себя):

«Ведь приснится же ферня!

(После паузы)

«Ну, а если ж Боже Сущий
Существует, что тогда?
Потеряю случай лучший
Стать героем навсегда!
В Бога верь али не верь,
Но мне открыта к славе дверь!»

А вот и фараон...

Собрались два старых брата:
Аарончик языкаст,
А второй – ума палата,
Но ужасно заикаст.
Мойша говорит Арону:
«Завтра скажем фараону,
Чтобы выродок злодейский
Отпустил народ еврейский».

Фараон их встретил зло:
«Эк, куды вас занесло!
Что же в мыслях? Фараон –
Что б к иудеям на поклон?

Может, мне покинуть трон?!
Нет, Арон, ты фанфарон!»

И велел наоборот
В рог согнуть еврейский род.

На Арона с Моисеем
Рошцут бедные евреи:
«Было плохо и без вас.
Нынче ж хуже в тыщу раз!

От благих таких идей
Хуже только для людей»

Вновь приходит Аарон
К фараону на поклон.
«Фараон, я не грожу,
Но фокус-покус покажу.

Палку превращать умею
Я в противнейшего змея.

Не ослобонишь евреев –
На Египт наплюю я змеев!»

Кинул посох – и питон
Шасть под фараонов трон.
Фараоновы волхвы
Отвечают: «Эка же вы?
Этот фокус может всякий!»
И ползут у всех змеяки.

Дальше фокусы с мукой
И с кровавою рекой...
Марку держат египтяне –
Каждый маг на то же тянет!

Приуныл наш Аарон...
Вдруг летят со всех сторон
Агромаднейшие мухи!
Вот не ждал такой он прухи!
И сумняшиися ничтоже,
Аарон нахально ожил.

Аарон:

«Вот вам гады – пёсья муха!–
И на вас нашла проруха!

Игорь Ушаков

Будете отныне знать,
Как евреев обижать!
Ишь, Египет, твою мать!»

Фараон же был неистов:
«Не уступим террористам!»

Заявляют братья смело:
«То не мы, то Божье дело!
И не так еще накажет –
По стенам он вас размажет!»

Начался в Египте мор,
Захватив и царский двор.
То холера, то чума
Разоряли все дома.
Первородки первым делом
Распрощались с бранным телом...

Авт. недержание:
Почему? Даю ответ:
Слаб у них иммунитет.

Как евреи изошли

Фараон, от зла зверя,
Отпустил-таки евреев...

Фараон:
«Может, впрямь еврейский Бог
Все вот это сделать смог?»
Те, забравши скарб и скот,
Смело двинулись вперед.

Даже компас не нужён.
Чтоб вести детей и жен!
И впереди толпищи всей
Бородатый Моисей.

Авт. недержание:
Мойша, мать твою ети,
Кабы знал, куда идти!

Лозунг на знамени:
«Под знаменем сущего Иеговы,
Под водительством мудрого Моисея,
Народ еврейский, будь готовый,
Строить, воевать и сеять!»

Моисей стал первый царь.
Ну, уж мордой в грязь не вдарь!

Моисей (про себя):
«Есть ли, нет ли Иегова...
Есть на все рецепт готовый:
Ведь сама идея Бога
Помогает мне премного!»

Фараон же, между тем,
Потерял башку совсем.

Посылает свою рать,
Чтоб евреев покарать.

Мчится тыща колесниц –
Фараоновская рать.
Все евреи пали ниц
И давай опять роптать...

Народ еврейский:

Игорь Ушаков

«Ты совсем сдурел Арон!
Враг уже со всех сторон!
Непосильна нам дорога!
Обманул ты с этим Богом!

Лучше пусть по спинам плетъ,
Чем в пустыне помереть!»
Тут Арон и братец Мойша
Говорят: «Герпенья больше!
Мановением руки
Фараоновы полки
Уничтожим в пух и прах!»
И толпа на всех парах
Побежала через море.

Расступилася вода –
Люди мчат и мчат стада.
Пробежали по дну моря.
Египтяне мчатся вскорее.
Вроде взяли тот же путь,
Ан – им дадено тонуть!
Вновь сомкнулася вода –
Египтян нет и следа.

Авт. недержание:
Что – в рассказе правды нет?
Ветхий почитай Завет!
Книга богодухновенна...
(Но скажу вам откровенно:
Я за Бога не в ответе –
Он придумал байки эти.)

Начало голодного вольнодумия

Шел израильский народ
Не куда-нибудь – вперед.
Но когда идешь вперед,
То обычно пуст живот:
На ходу ведь не едят,
А в даль лишь светлую глядят.

И опять еврей бунтует
И на братцев негодует.

Народ еврейский:

«Лучше жить бы нам рабами
Да питаться бы хлебами.
С вашей жизнью свободной
Мрем мы смертью голодной!»

Моисей:

«Не стоните, недоумки!
Приготовьте лучше сумки:
Завтра Божия десница
Принесет вам много птицы!»

Поутру – едрена вошь! –
Лагерь на буфет похож:
Где ни плюнь – перепела!

Вот какие, блин, дела!..

Был отменнейший улов
Жареных перепелов!

Авт. недержание:

Через пару тысяч лет

Игорь Ушаков

Повторился тот сюжет:
Жил барон, охотник ловкий,
Бил по уткам из винтовки.
Сквозь каминную трубу
Вел Мюнхгаузен пальбу.
И скажу я вам без шутки –
Были жареными утки!

Но народу это мало:
«А вот хлеба не достало!»
Тут опять же без обмана
С неба шлет Иегова манну!
Вот такие, блин, дела –
Не пекарня напекла!

И евреи эту манку
Понабрали спозаранку.
И коль крупу давали даром,
Всяк побольше грузит тару.

После ж ночи – вот те раз! –
Сгнил избыточный запас.

В лагере стоит вонища
Будто крыс подохла тыща.

Моисей на то изрек:
«Так решил Господь наш Бог –
Это жадинам урок:
Не берите много впрок!»

Сорок лет бредя по свету,
Ели люди манку эту.

Продолжение голодного вольнодумия

Но сын Израилев невольню
Чем-то вечно недовольный.
Снова в массах недовольства:
«Перебои с продовольствием

И к тому же – ну, хоть вой! –
Нет водицы питьевой!
От безысходного Исхода,
Сдохнуть можно за полгода!»

Моисей опять мозгует
Вещь придумать бы какую.
«Чтоб в мыслях не стало блуда,
Надо вновь явить им чудо!»

Видит на скале листочки...
Может, корни пьют источник?
Стал он колотить жезлом,
Будто то обычный лом.
Не прошло и пять минут –
Струи минералки бьют!

Бороденку ж теребя
Думал Мойша про себя:
«Чтоб не быть бунтам да смуте,
Надо-ть быдло припугнуть!».

*** (СМЕНА РИТМА) ***

На горизонте тучи –
О благодатный случай!
Вещает он тотчас:
«Чу, слышу Божий глас!

Игорь Ушаков

Меня зовет Господь,
Мол, ты ко мне приходи,

Тебе я дам завет,
Што делать, чаво нет».

Но каждый твердо знай,
Что на гору Синай
Любому путь заказан,
Иначе – он наказан!
Не может всяк убогий
Общаться с Господь-Богом!
Лишь я один – Учитель!
Вы это, блин, учтите!»

Златой Телец

Ушел пророк в туман,
Растаял, как обман.
Евреи ждут-пождут,
На гору не идут,
Но свой собрали суд.

Народ еврейский:

«Скажи-ка нам, Ароша,
Ты человек хороший.
Братан твой дурозвон,
Не то, что ты, Арон!»

Арон, от лести млея,
Забыл про Моисея.

Народ еврейский:

«Уж слишком много дней
В отлучке Моисей:
Быть может, нет и Бога:
Ведь мы мотались много.
Считай, уж сорок лет,
А рая нет как нет!

Длинна у нас дорога,
Дай нам другого бога!»

Аарон:

«Сберите ваше золото,
Снесите мне в палату.
Вам вместо Иеговы
Слеплю Тельца Златого!»

А в это время Мойша
Не мог работать больше.
Считай с пяток зубил
Уже он затупил.
Две каменных скрижали
Готовые лежали...
Ведь надо же доказать,
Что может Бог писать!

Авт. недержание:

Кажись, слепил недурно
Тот труд литературный!
Да за такой вот труд
В стране другой, нормальной
И премию дадут,
Коль Жрец ты Генеральный!

Игорь Ушаков

Спускается с горы,
Собой довольный очень....
Вдруг будто бы шары
Его крулятся очи.

*** (СМЕНА РИТМА) ***

Моисей:

«Что вижу?! Це ж бардак!
Безверье вновь никак?!»

Люди пляшут и поют
И хвалу, бля, воздают

Не всеильному Иегове,
А языческой Корове!
И сияние Тельца
Проникает им в сердца.

Осерчал еврейский князь
И скрижали оземь – хрясь!
Разлетелись те скрижали,
Ажно черти завизжали!

Авт. недержание:

Извините за вопрос,
Если вам он слишком прост:
Коль скрижали сделал Бог,
Как какой-то там пророк

Разгромить скрижали смог?
Хоть и знатный иудей,
Хоть Пророк, но из людей...

Ты куда же смотришь, Бог?
(Не вопрос, а вылы в бок!)

Моисей сказал: «Наш Бог
Ярый гнев сдержать не смог.
Ведь свершилось блудодействие,
Антибогово злодействие!
Ты ж куда смотрел, Арошка?
Хоть подумал бы немножко!»

Аарон:

«Ты же знаешь это быдло...
Все б ему на хлеб повидло,
Вы ему бы танцевать
Да с женой чужою спать.
Надоел им, видишь, Бог,
Что нас вывести не смог.

Манна, мол, стояк забила,
И мужская гаснет сила...

Все мы честно сорок лет
Иеговин чтим завет...
Может быть, его и нет?

Ну, помог я им немного,
Вылепил иного бога.
Но коль угодно так судьбе,
Снова я служу тебе!»

Очередное наказание евреев вождем

Моисей взревел, как лев:
«Превращаешь церковь в хлев!
Веру коль посмешь еще
Превращать в посмешище –
Хоть тебя и люблю –
Но ослепляю и оскопляю!»

Все ж Моисей любил братана:
«Ладно, надевай сутану,

Я казнить тебя не стану.
Созывай своих левитов
И давай громить бандитов!
Ишь удумал что народ –
Камни в Божий огород!
Живо назначай ЧеКа
И – вперед, крушить врага!
Ведь натура диссидента
Хуже вражьего агента!»

Как средь ясна неба гром,
В стане начался погром.

И до утренней зари
Покрошили тыщи три.

Авт. недержание:
Только кто же тут бандиты:
Диссиденты иль левиты?
И если честно говорить,
Вот Арону бы – не жить:
Это ж он Тельца сварганил
И веру в Бога испоганил!

А ведь имел священный сан
Средь рабочих и крестьян!

Но коли Генсек твой брат,
Значит, ты не виноват!

После той резни суровой
Люд поверил в Иегову...

Авт. недержание:

Ведь коль не веришь в красный флаг,
Ждет тебя всегда Гулаг!

Чтоб укрепить авторитет,
Надо было сделать что-то
Пишет Моисей декрет:
«Не работать по субботам!»

Тому назад три тыщи лет
Урки сбotalи куплет:

«Каждый знает, что в субботу
Мы не ходим на работу...»

Авт. недержание:

А кому работать лень,
У тех суббота каждый день...

Змеюги на голову народа

Но сыны Израиля
Снова возроптали:
«Моисей, твои идеи –

Игорь Ушаков

Это глухие затеи.

За твою идею рая
Сорок лет мы умираем.

Но живем, как прежде, нище,
Вдоволь ни воды, ни пищи.

Весь народ еврейский беден.
Бог твой жаден и зловреден.

Лишь священники-левиты
Каждый день от пуза сыты...
Да пошли вы, братцы, в жопу!»
Шел такой в народе ропот.

Иегова:

«Ах, возлюбленный народ!
Снова на пророка прет?
Знай же, что кого люблю,
Пуще всех того и бью!»

И Господь (если он был)
Змей гремучих напустил.
Змеи начали кусать,
Люд еврейский искушать.
И они терпеть не стали,
А по-прежнему - восстали

В крик еврей: «Моисей,
Упаси от змей скорей!»
Моисей опять вопит:
«Боже, мать твою едрит!
Защити нас от гадюк,
А иначе нам каюк!..

Ты, папаша, слишком крут,
Ну, а что как все помрут?
Кто же будет бить поклоны
И молиться с Ароном?

Да и мне куда деваться –
Не над кем произдеваться!»

Говорит Бог: «Моисей!
Вот тебе мой медный змей.
Прикрепи его на знамя,
И укушенный меж вами
Бросив лишь единый взгляд,
Из себя изгонит яд».

Земля обетованная занята...

Проблуждавши между стран,
Притащились в Ханаан
Там и мед и молоко...
Жить там было бы легко,
Но живет в стране народ –
Шире плеч мордovorот,

Будто молот кулачище,
Да и числом – большие тыщи!

И опять евреи в вой:
«Не хотим идти мы в бой!
На хрен этот Ханаан!
Это все одно – обман!
Коли Бог такой могучий,
Дал бы нам судьбу получше...
Вспоминаем время оно

Игорь Ушаков

Под пятою фараона.
Там поесть-попить имели,
И бабы были в сочном теле...

Детки бегали гурьбой...
А теперь, поди ж ты, – в бой!

Уж лучше б нам в пустыне сохнуть,
Чем в бою неравном сдохнуть!»

Моисей насупил брови:
«Снова, падлы, просят крови!
Что ни делай – все не так.
Не народец, а бардак!

Я маню их светлым завтра:
Бутерброд с икрой на завтрак,

Бабы теплые в постели.
Каждый при любимом деле.

Хошь – работай, хочешь – нет.
По потребности обед.
Я б накропал им “Капитал”»,
Да скрижальный камень мал!»

(После паузы)

«Нету, нету веры в Бога!
И Арон мне не подмога...»

Как расцвел Ааронов жезл

Народ:

«Если мы – народ от Бога,
То почему трудна дорога?
Почему Арон тайком

Пользуется спецпайком?
Почему ты, Моисей
Жнешь, а никогда не сеешь?

Чтой-то божья благодать
Массы стала избегать!
Вы живете, как в нирване,
Мы же на небесной манне.

В лагере от енттой каши
Позабиты все параша!»

Моисей был не дурак.
Объявляет: «Будет так:
Завтра каждое колено
Пусть приносит посошок.
Посох чей благословенный,
Пусть решит, евреи, Бог».

И наивные козлы
Принесли свои жезлы.

Ясен основной прикол?
Жезл ароновский расцвел!
А пущего обмана для
Аж цветами миндаля!

Зашептали все: «О чудо!..»
Знали бы они откуда!
Им же вовсе невдомек
Что не всемогущий Бог,

А хитрюга Моисей
Сотворил им фокус сей:
В скинию занес заранее
Веточку с цветами ранними.

Игорь Ушаков

И опять в земле пустынной
Бедолаги-бедуины,
То-бишь, древние евреи,
Славят батьку Моисея...

Смена Аарона на его же сынка

Снова жажда – снова стоны.
Моисея и Аарона
Вновь клянет народ еврейский
И грозит надрать им пейсы.

Словом, избранный народ
Вновь пошел вразнос, вразброд!
И решает Моисей
Действовать и поскорей.

И великая идея
Осняет Моисея.

Видит он: хоть брат – родня,
Да козел и размазня:
То промашку даст с Телёнком,
То чужую жмет бабёнку,
То, когда пора поста,
Жрет, не закрывая рта...

Словом, где ж политпросвет?
Где благоговенья свет?

Моисей (про себя):

«Из-за этого Аарона
Не лишиться бы мне трона!
С ним шатания и свара.
Чтобы избежать базара,

Облеку-ка Елеазара
Я в священника у трона.
Он к тому же сын Арона».

Мойша, Елизар, Арон
Забрались на горный склон
Якобы для встречи с Богом.
Мойша вел крутой дорогой.

Не увидел Елизар,
Как Моисей провел удар,
И Арон, тихонько взыв,
Рухнул, словно куль, в обрыв...

Моисей:

«Видимо, веленье Бога –
Подвернул папаша ногу...
Не горюй, Елеазар,
Ты зато получишь в дар
Бренного Арона сан.
Ну, усек теперь, пацан?»

Под горой стоит народ
И решенья Бога ждет.

Моисей со скорбной миной
Объявляет благочинно:

«Братня, на той горе
Аарон, увы, помре!»

Иисус Навин

Мир людей всегда увечен.
И никто, увы, не вечен.

Игорь Ушаков

Подрастает молодежь –
Ей поправить невтерпёж.
Молодой Навин Иисус
Испытал судьбы искус.
Тяга к власти неуклонна:
Повторил трюк с Ароном...

Без упрёка, без укора
Моисей поперся в гору...

И на самой верхотуре
Иисус сказал: «В натуре,
Уж тебе, нечай, в обед
Сполнится сто двадцать лет!

Ну, поправил себе всласть,
А таперча с трону слазь!
Уж пора бы знать и честь:
Чай, помоложе кадры есть!»

И смиренно понял Мойша:
Тот лишь прав, в ком силы больше...

Словом, с той вершины спуск
Совершил один Иисус.

Снова ждет внизу толпа,
Как всегда слепая, тупая.

И сказал Иисус Навин:
«Я почти что Мойшин сын.
Иегова мне велел
Взять бразды еврейских дел».

Так познал и Иисус

Полномочий царских вкус!

Дальше сказка посмирней.
Распрощаемся мы с ней!

Вместо эпилога

Скукомотнейший сюжет!
Но вины моей здесь нет:
Ведь евреи сорок лет
Бороздили дальний свет.

Это ж сущий марафон –
Скукота со всех сторон:
Топчут, топчут стадион
Моисей и Аарон!

Ну, какие ж приключения?
Лишь народные волнения,
Иеговы откровенья
Да Пророковы решенья!..

Но опять – не мой то грех,
Что сюжет не вызвал смех...
Прошу прощения у тех,
Коиx я лишил утех.

Это было так давно!
Да и было ли оно?

С той поры сыны Израйля
Уж пророков не видали,
Кто бы с Богом был «Вась-Вась»...
У царей, конечно, власть,
Но чтоб с Богом тет-а-тет
Вот такого нет как нет!

Игорь Ушаков

Моисей был умный малый,
Знал, что быдлу не хватало:

Лишь божественная власть
Может быдлом править всласть.

Кто такой был Моисей?
Ну, еврей был как еврей,
Только малость поумней.

Для людей придумав Бога,
Он свершить смог очень много.
За каким бы человеком
Быдло перлось бы полвека?

Кто б сказал, что нищий край
Превратиться может в рай?

Любит люд любые сказки!
Любит жить он по подсказке...

Спросите: «А где ж мораль?»
Я не знаю - я не враль,
Чтоб вещать, чего не знаю.
Но одно я понимаю:
Иль всю жизнь белугой вой,
Или думай головой!

Февраль 2002
Сан-Диего
Калифорния

ДАВИДИАДА

Прелюдия: Боже, разве так гоже?

Кто убивец
иль растлитель,
кровопивец
иль мучитель,
ажесвидетель иль подлец —
у нас для них — один конец.

Человечий суд
так действует:
башку снесут
за злодейство!

Простаков
мы судим строго!
Ну, а как любимцев Бога?

Чем известен
Царь Давид?

Он бесчестен, блудовит,
пода, труслив и похотлив,
будто тысяча ослов...
У меня нет больше слов!

Право ж очень мерзкий вид
нам являет Царь Давид.

Тем не менее, Элоим
полон восхищенья им.
Впрочем, ведь всегда фиговым
судией был Иегова...

То велит Авраму сына
резать, будто бы скотину.
(Правда, вовремя отцу
сам спустил с небес овцу.
Спас Абрашку-старика
он от смертного греха.)

То он мучает Иова,
странный старец Иегова.
У него не убывает
гнусных, пакостных идей:
он садистки убивает
и жену, и всех детей,
проверяет силу веры...
(Есть же, право, изуверы!)

То небесный наш проказник,
ненависть и злобу сея,
на Египет злые казни
шлет рукою Моисея...

То Иосе наставляет
он рога, родив Христа...
И его же заставляет
верить, что жена чиста.

С бабами в раю убого,
посему смолчим о блюде:
хошь-не хошь, займешься Машкой!
Бог с ним с Богом!
Будем люди
снисходительны к промашкам...

Одним словом, дела аховые
вершил Иегова,

он же Саваоф и Яхве,
он же Элоим...
Ну, да хрен с ним!

Не о нем сегодня речь,
а о предтече из предтеч.

Авигея

Отказ Навала

«И Навал отвечал слугам Давидовым: кто такой Давид? Ныне стало много рабов, бегаящих от господ своих...»

Первая Книга Царств, Глава 25, стих 10

От гнева Царя Саула
бегал Давид от аула до аула,
прячась в кустах саксаула.

Грабил селян,
себя веселя:

«За мною охота,
но жрать-то охота!»
А те – в пастьбе да пахоте
сами жили не ахти.

В каждой деревеньке
вязали веники
для царского двора.
И не ждали вора...

Жил был некто,
звали Навалом.

Добра девать некуда,
просто навалом.
С женой Авигеей
жил от счастья фигея.

Навал овец пас,
но недобер час –
пришел бандит,
говорит,
послал Давид:
«Дай на всех жратвы,
а то не снести головы!»
Сказал
Навал:
«Твой Давид –
нахал
на вид!»
И, мол, пусть он на катере
мчит к такой-то матери.
И того посла
туда же послал!

Любовь «с первого раза»

«Когда Авигея увидела Давида, то поспешила сойти с осла, и пала
ниц перед Давидом на лице свое, и поклонилась до земли».

Первая Книга Царств, Глава 25, стих 23.

Давид разъярен,
собрал эскадрон.
Спозаранку,
сев в тачанку,
в Навалово поместье,
полон злобы и мести,

Давид мчал по алее.
И вдруг... Авигея!
За ней Давиду на потребу –
воз хлеба,
да не одна овца,
да два меха винца.

«Кушай, Додик,
Оголодал вроде?»

Не хлебом единым

«...Если бы ты не поспешила и не пришла навстречу мне, то до
рассвета утреннего я не оставил бы Навалу мочащегося к стене».

Первая Книга Царств, Глава 25, Стих 34.

Красотка, что надо –
ног колоннада,
груди – купола,
вся, как бублик, кругла...
Лицом бела.
Волос метла
болтается до талии,
а то и далее...

Словом, бабенка – ух!
Захватило дух...

Она не успела охнуть,
взыграла в Давиде похоть.

Уволок ее под оливы
и там ... осчастливил.

«Авигея, каб не ты,

я б̄ еще до темноты
всех – аль, может, половину –
расстрелял бы у овина!

Не оставил б̄
мочащегося к стене!
Всех отправил б̄
в Царство Теней!

Отняла все силенки
бабенка...
На диво
похотлива!

И хоть Навал Давида бесил,
захрапел победитель б̄ без сил.

Зашептали в народе:
«Повезло Навалу,
беда, вроде,
миновала!»

Божий промысел

«Дней через десять поразил Господь Навала, и он умер».
Первая Книга Царств, Глава 25, стих 38.

Но мы немного
забыли про Бога.

Бог Саваоф
без лишних слов
думал всю ночь,
как бы помочь

любимчику Давиду
отмстить за обиду.

Боженька на руку скор –
навел на Навала мор.
Сколь врачи не глядели,
сколь врачи не гадали
о необычном деле,
но через две недели,
не далее,
откинул Навал сандали...

«Авигенная» жена

«И послал Давид сказать Авигее, что берет ее себе в жену. ... И собралась Авигея поспешно, и села на осла, и пошла она за послами Давида, и сделалась женою».

Первая Книга Царств, Глава 25, Стихи 39 и 42.

А Авигея,
от счастья фигея,
стала очередной
Давудовой женой.

Словом,
так решил Иегова:
Навал почил в бозе,
а Авигея – в Давидовом обозе!
Так Божье провиденье
одобрило Давидово поведенье.

Отец нации

«И родились у Давида сыновья в Хевроне. Первенец его был Амнон от Ахинаом Изреелитянки; а второй Сын его – Далуна от Авиген,

бывшей жены Навала, Кармилитянки; третий Авессалом, сын Маахи, дочери Фалмая, царя Гессурского; четвертый – Адония, сын Аггифи; пятый – Сафатия, сын Авиталы; шестой – Иефераам от Эглы, жены Давидовой. Они родились у Давида в Хевроне».

Вторая Книга Царств, Глава 2, стихи со 2 по 5.

Добив
и врагов, и друзей,
Давид
стал Царем царей.

Говорят, от Швейцарии до Бразилии
все государи мира запросили.

Давидовы историки
понакропали историйки:

понаплели-понаплели
почище Малой Земли.
Хошь верь, хошь не верь –
а кошка – самый страшный зверь!

Соседей берут завидки –
ну, и жен у Давидки!
А каков гарем?
Такой и не снился им всем!

Да наложниц
тьма:
на ложе ниц
млеют без ума
в позе ножниц...

Давид слаб
на баб,
страх!

Только трах да трах...
До дев
весьма охоч –
будь то день
иль будь то ночь.
Старается, дабы
не упустить какой бабы.
Эва –
Не пропущена ни одна дева.
Трах! – налево!
Трах – направо!
Он не зря Отец Державы!
Переспал почти со всеми,
сея царственное семя.

Но все ему мало –
и жены Навала,
и своих жен,
и прочих...
Уж больно Давид охочий!

Вирсавия

Утренние экзерсисы Давида

«Однажды Давид, встав с постели, прогуливался по кровле царского дворца, и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стих 2.

Утром рано
Делать неча...
Царь всех стран
расправил плечи,

оттопыривши губу,
зрит в подзорную трубу...

И налево, и направо –
Иудейская держава.

(Скажем, скудный уголок!
Бог лучше выдумать не смог...)
Обзирал свои владенья,
замер вдруг от изумленья:
он на первом этаже
видит даму в неглиже...

Каплями воды усеяна,
вылезает из бассейна.
Налиты тугие перси,
ягодицы будто персик,
что касасямо ланит!..
Словом, хороша на вид.

Царь невольно начал охать –
разыгралась больно похоть.
И глядя в трубу подзорную,
он замыслил мысль позорную.

Подозвав премьер-министра,
говорит: «Сгоняй-ка быстро,
и девицу ту оттель –
прямоком ко мне в постель!»

Премьер у ворот Вирсавии

«Давид послал слуг взять ее, и он спал с нею».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стих 4.

«Будь, милашечка, добра:
за полсикля серебра
для интима ждет один
очень знатный господин...»

«Обижаешь, парень, жутко —
я тебе не проститутка!
Сиклей, может быть, за пять
честь свою могу продать».

«Пять — так пять,
едрёна мать!»

«Встреча где? В каком отеле?
Ко сколько такси придёт?»

«Ты сдурела ль, в самом деле?!»

«Сам ты старый идиот!»

«Да нет, красотка, не в отель,
а напрямик к Царю в постель!»

Цвета розовой постели
уж Вирсавия в постели...

Для коллекции годится:
грудь,
как ртуть,
а ягодицы...
Право есть чем загордиться!
Да и остальные части
женской страсти
и чести —
на месте...
Томный взор ее пленит...

За работу, Царь Давид!

Даже с похотью осла б
кто другой – давно б ослаб...
Но не славный Царь Давид –
он в постели даровит!

После долгой бурной ночи,
с первым признаком утра,
Царь, вонзив в красотку очи:
«Познакомиться б пора!
Информация нужна:
чья ты, милочка, жена?»

«Муженек мой – твой фельдмаршал.
С войском он сейчас на марше».

Царь Давид оторопел,
покраснел,
потом стал бел...

«Вот те, ёксель-моксель, на!
Это ж Урии жена...»

Порочное зачатие

«Женщина эта сделалась беременною, и послала известить Давида,
говоря: я беременна».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стих 5.

Получает Давид телеграмму:

«Доля,
у меня дома драма –
я понесла от тебя вроде...
Сломана семейная жизнь...
На людях не показись...
А ведь у Урии документ,

что он патентованный импотент.
К тому же
он в отлучке,
а я с тобой без мужа откалываю штучки
у всех на виду...
Боюсь, беду наведу!

Так что тебе не избежать молвы,
ну, а мне не снести головы:
за это не более и не менее,
как забьют каменьями...

Да и подумай, милоч, по ком
Соберется небесный партком.
За такое взыщут строго –
исключат из любимцев Бога!»

Подумал Давид:
«Вот мать ее едрит!
Конечно, она хороша –
не было лучше.
Но на шиша
мне все эти штучки?!»

O tempore! O mores!

«Поутру Давид написал письмо Иоаву: поставьте Урию там, где
будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был
поражен и умер».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стихи 14 и 15.

Шепнул Давид премьеру:
«Подведи-ка Урию, к примеру,
под высшую меру...
Но не пуля, не гильотина –

иная должна быть картина...
И, конечно, не кончина от геморроя!
Устрой-ка ему смерть героя...

А потом в центральной прессе
воздай ему честь по чести,
а в поминальной мессе –
мол, скромн и честен
был Урия...» –
Инструктировал Давид, балагуря. –

«Такое любит люд.
Пускай и слезы польют.
Еще устрой салют.
И о прощальном параде
объяви
и по радио,
и по Ти-Ви.

И замуруй прах Урии
В Стене Плача...
Ох и фирмиам – ха-ха! – воскурим...
Ну, желаю удачи!»

Смерть Урии

«И вышли люди из города, и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых был убит также и Урия Хеттеянин.»

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стих 17.

Исполнил клевет
волю преступную –
послал Урию братъ
высоту неприступную...

Непроста
та высота!

Как исполнить волю Царя?
Уж много больно
погибло зря:
вражки пули,
как пчелы из улья –
жужжат да жалят!

Вирсавина мужа дожали...
Потерял он солдат сотни
за две ночи со днем...

«Умру на амбразуре я!» -
Решил Урия.
И заорал, в небо воззря:
«За Родину! За Давида Царя!»
Урия издырявлен, как решето,
но высота взята зато!
Удались Давидовы происки –
Погиб Урия по-геройски!

К трону через постель

«И услышала жена Урии, что умер Урия, муж ее, и плакала по муже своем. Когда кончилось время плача, Давид послал, и взял ее в дом свой».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стихи 26 и 27.

Вирсавия рада –
исчезла преграда.

(Ей бы, свеженькой вдовице,
с горя б нужно удавиться...)

Ну, а теперь прямиком в Давидов дворец!
И можно не тайком
с ним спать, наконец!
И смахнув слезу с ресниц,
грусть изобразив для вида,
героиня пала ниц
перед очи Царя Давида...

«Таперча ты моя жена.
Какого хошь еще рожна?»
А Вирсавия уже
оказалась в неглиже...
И без долгой подготовки
Царь в объятых у плутовки...
Млея от похоти,
в визгах и хохоте
вспоминают Урию –
башку дурью...

Божье правосудие

«И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа».

Вторая Книга Царств, Глава 11, Стих 27.

«И поразил Господь дитя, которое родила жена Урии Давиду, и оно заболело... На седьмой день дитя умерло...»

Вторая Книга Царств, Глава 12, Стихи 15 и 18.

«...Устал я от сексуального вора,
и вечных твоих отговорок,
мол, я не я...
А чьи ж то прелюбодеяния?

А за преступления на войне –
взыщу вдвойне!

Что сотворил с Урией-воином?!
Нет, Давидушка, буде, довольно!
У тебя и каша гуще,
и райские под боком кущи,
в них от страсти млеют гурии...
А что было у Урии?

Помяни слово Господне:
вот сниму с тебя я исподнее
да отдеру твою задницу
в предсубботную пятницу!

Я тебя накажу сурово –
На то я и Иегова!

Будет Вирсавия одной из жён,
но первенец ваш будет мной поражен!
Узнаете кузькину мать,
как жизни чужие ломать!»

Так наказал Бог не отца,
а неродившегося мальчика!

Продолжение рода Давидова

«И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней, и спал с нею и родила она сына, и нарекла ему имя: Соломон».

Вторая Книга Царств, Глава 12, Стих 24.

«И полюбил Соломон многих чужестранных женщин. Кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттянок... И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его».

Третья Книга Царств, Глава 11, Стихи 1 и 3.

Оплакала первенца Вирсавия,
попричитала, повыла, гнусавя.
И тут же у царского трона
зачала премудрого Соломона.
Как известно, Царь Соломон
весь был в папочку охламон:
ни девицы, ни старушки,
ни уличной потаскушки
не пропустит, ну, хоть тресни!
(Почитайте сами Песню Песней...)

Но... О, Элоимова провидение,
неуловимое, будто приведение!
Этого сына Вирсавии
в Библии тоже прославили!

Эпилог:

Нет, Боже,
так негоже!
У Бога свои капризы,
он по-человечьи двуличен:

и праведник будет непризнан,
и злодей будет возвеличен.

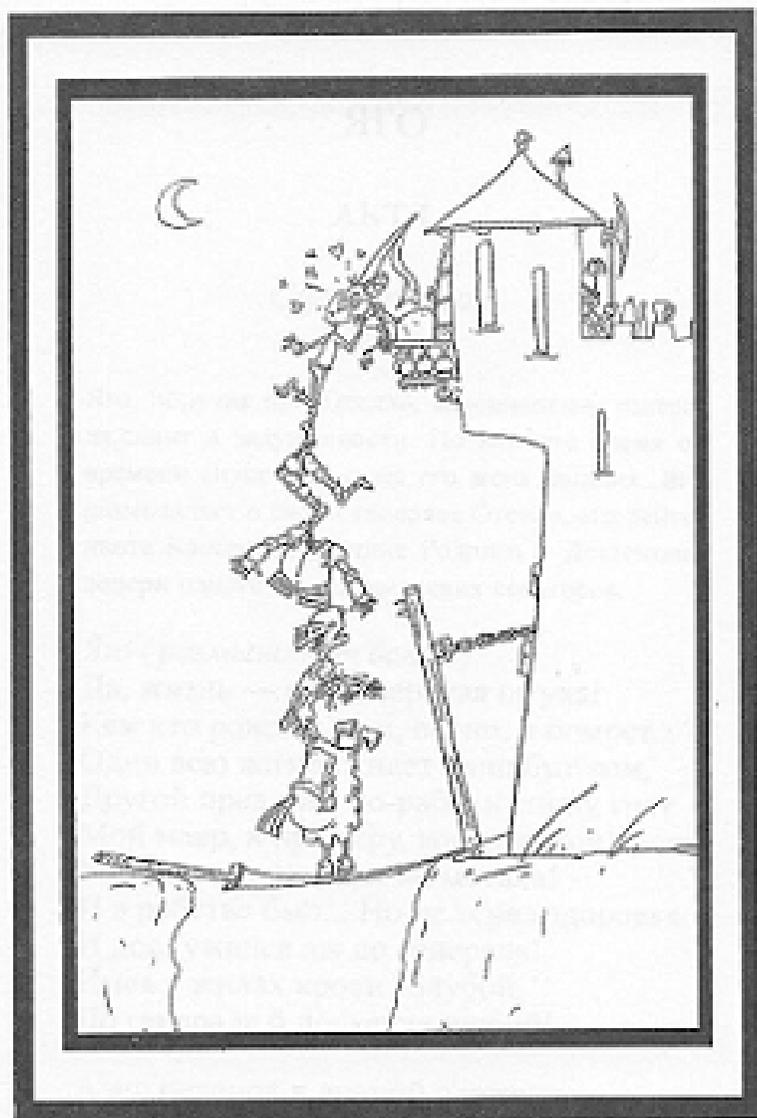
Человек сотворил Бога
по образу и подобию своему.
И уж если судить строго –
то лучше вовсе не верить ему.

Не пора ли
перейти к морали?

Кто смог –
с тем и Бог!

Игорь Ушаков

КОЕ - ЧТО ИЗ

КЛАССИКА

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

*Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте...*

Банкет отгрохали Монтекки с Капулетти –
Ведь спасены от гибели их дети!
Видать, рука от страха задрожала
И не вонзила вглубь кинжала жало.
Конечно, попыхтели лекаря
(Родителей безжалостных коря).
И вот родители братаются в слезах,
И гости с умилением в глазах:
Нет слов, лишь вздохи «ох!» да «ах!»

Промчались быстро три зимы, три лета.
В законном браке состоят
Ромео и Джульетта.
Трагедия с удачливым концом:
Герои не в могиле – под венцом.

Прошло не полных где-то двадцать лет.
Погас в очах очарования свет...
Джульетта держится достойно бодро,
Хоть раздалась и в талии и в бедрах.
Полдня проводит в кухонном чаду,
Семье готовя вечную еду...

Ромео с животом, нависшим над ремнем.
И плешь, как блюдечко, уже давно при нем...
Исправно служит где-то в магистрате,
Не уличен пока во взятках иль растрате.

Полдюжины детишек – сущий ад!
Весь день-деньской горланят и кричат.

Джульетта по субботам, чмокнувши супруга,
Идет «на чашку кофе» навестить подругу...

На ратуше часы пробили два –
Джульетта шаг на бег сдержать смогла едва...
И вот тот дом. И дверь. И вот звонок.
Поспешно изнутри уже открыт замок...
Ее встречает старый друг семьи.
И вот они в объятьях до семи!

Потом, одернув юбку, - все в порядке! –
Домой Джульетта мчится без оглядки...
Напрасные волнения: вот удача!
Муж спит под звуки телепередачи,

Ромео тоже жизнь свою ведет тайком –
По вечерам гуляет с кобельком.
Подружка женина живет недалеко.
... И вот уже она его встречает налегке –
Скрывает прелести ее лишь тоненький халат,
А по плечам волос рассыпан шоколад...
Собачку привязавши к ножке стула,
Ромео раздевается сутуло,
И, бросив псу обрезочки колбаски,
Он страсти отдается без опаски...
Любовь, спасенная под сводом склепа
Прошла... И стало все печально и нелепо.

Встречаю как-то я дружище Билла:
«Что ж ты не написал, как дальше было?»
«Ах, полно!

Чтоб Ромео вечно мог любить,
Мне было надобно его убить.
А заодно прикончить и Джульетту!
Не надо, не суди меня за это!»

Смерть сохранит любовь,

любовь спасает мир...
И вечно прав –
всегда, во всем
Шекспир.

ТОНКИЙ ХОД ДОНА КИХОТА

Палата психбольницы.

Свет неяркий,
Интерьер неброский.
Входит то ли Боярский,
То ли Янковский.
Высок, строен.
Чуть расстроен.

Вскакивает псих, маленький, толстенький.

«Сеньор, бона сера! Бьенвенуто!
Не ждал! Вот счастье! Одну минуту –
Дайте сбегать в погребок!»

Вошедший, про себя:

«Эх, лучше б водяры да соленый грибок!»

Вслух:

«Не надо, спасибо, Саня,
Да к тому же по расписанью
Погреб закрыт: час поздний!»

«Я знаю, я знаю, чьи это козни!
Здесь ходит волшебник в белом плаще,
И он мне не верит, не верит ваще!»

При всех говорит он в харчевне-едальне,
Что я, мол, не Пансо, а вы – не идальго!»

«Послушай, дружище, я очень хочу,
Чтобы поверил ты все ж главврачу...»

«И вы колдовских не избегнули чар!

«Послушай, кончай-ка весь этот базар...
Как только поймешь ты, что все это бред,

Что врач не желает нанести тебе вред,
Так станешь ты снова здоровым, Санёк...
Ну, что, как подлодка, на днище залёг?
Меня попросили тебе объяснить,
Как вилась событий печальная нить.
Поверишь да вспомнишь – и будешь здоров
И скажешь «адё» всей толпе докторов!»

Друг Сани садится на стул верхом, облачиваясь локтями на спинку.

«С тобой мы учились на курсе одном,
Всегда неразлучны, и ночью, и днем.
Болтались, как братья, туда и сюда.
Как говорят, не разлей-блин-вода.

Не раз попадали в лихой переплет,
Всегда ускользя и с честью,
А притказку помнишь мою: «Гонкий ход!»,
Когда побеждали мы вместе.

За это прозвал меня мигом народ
Виталька Печальный – сеньор Тонкий Ход.

Но вспомни, пожалуйста: я не идальго,
Я друг твой, простой Рабинович Виталька!

Ты был деревенский тихоня и паинька
По имени-отчеству Сан Саныч Панькин.

Тогда ж, не подумав, как это опасно,
Тебя окрестил я, естественно, Пансо.
Хоть был ты всегда и добряк, и простак,
Но тут, блин, подумал, что что-то не так.
Обиделся что-то аж губы надул...»

«Сеньор, Росинант ваш чегой-то сутул...»

«Не конь это, братец, не конь это – стул!
Да видано ль, чтобы у нас, россиян,
Был конь по прозвищу Росинант?
Ну, дай мне, дружище, спокойно закончить.
И простынь не мучь! Это вовсе не пончо!

Так вот, объяснения, продумал я ход:
Тебе подарил я роман «Дон Кихот»...

Ты вспомни, у мамы твоей на серванте
Стоит одиноко и гордо Сервантес.
Ну, вспомни: Сервантес Мигель Сааведра,
С обложкою цвета сибирского кедра,
Вся книжка в картинках Густава Доре:
У мельницы, в битве, в балу, при дворе...

Эх, знал бы тогда я, что будет потом!
Что ты угодишь, начитавшись, в дурадом.

Приехала Люська ко мне из Тобольска...
Прозвали ее Дульцинея Тобосска.

Ну, баба, как баба, подруга по школе.
Ты ж слаб оказался душой ли, башкой ли:
Решил, что раз в жизни такой оборот,
То я и взаправду сеньор Дон Кихот!

А образ мой, ох, далеко не печален!
Сознаюсь, любитель я девичьих спален.
Про выпить? Готов и на этот я подвиг:
Всегда я пью по пять, где все пьют лишь по две...
Хошь – в карты, хошь – в нарды, а можно и в мяч.
И к тому ж я не грустный и даже хохмач.

(Пауза и смена ритма)

Нет, я совсем не Дон Кихот,
А скорей – наоборот!

Выходи, дружок отсюда,
Будем пить, сдавать посуду,
На посуду снова пить,
Песни славные вопить.

Подберешь себе Матрёну –
Не испанскую матрону,
А мясную, при грудях,
На ночь в жарких бигудях!»

Санька вниз откинул челюсть,
Глазом в лампочку нацелясь,

Отвечает:

«Что ж, идадьго,
Ты нажал на ту педальку!
Я здоровеньким прикинусь
Раз такой выходит синус.
Я, Виталька, за компанью
Стать готов опять же Панькин.
Санчо Пансу мы, Виталий
С этих пор в гробу видали!»

Врач вошел с улыбкой тихой,
Посмотрев с тоской на психа:
«Как дела, дружище Санчо?
Встретил друга из Ламанча?»
«Доктор, что я, право, слышу?
У тебя в порядке ль крыша?
Вышей седуксена на ночь:
Панькин я! Зовут Сан Саныч».

Говорят, благой конец
Сказки всяческой венец.

Нужно с детства больше книг
В черепной толкать тайник.
И ни с какого там рожна
Жизнь не будет вам страшна:
Без болезней нутряных
Нет в мире мельниц ветряных.
Даже та, что в Мулен Руже,
Крыльями совсем не кружит!

СТРАДАНИЯ СТАРОГО ВЕРТЕРА

В кафе сидели
Два старых человека
Рождения, может,
Начала века.

Он к ней слегка
Прижался коленом.
И она смотрела
На него вожделенно. . .

Видно было, они давно знакомы.
И давно встречаются тайком от дома.
Она для него была вечной Гретхен -
Вечно юной, хотя уже вечно ветхой. . .
И он для неё был молодой Вертер -
Вечно юный, хотя и на пороге смерти. . .
Он говорил что-то. У него алели уши.
У неё алели щёки. Она смущённо слушала.

Они выпили
По рюмке вина.
И было видно,
Что их мучит вина.

Они встречались, наверное, много-много лет,
Но каждый не мог свой нарушить обет.
Встретившись, как жених и невеста, они ожили.
И мечтали... Но не о будущем, а о прошлом. . .
Как было бы хорошо жениху и невесте
Всю эту жизнь прожить вместе!
Так вот, встречаясь, каждый раз
Они ловили блеск вечно юных глаз. . .
А потом тайно пожавши руку,
Возвращались домой нянчить внуков.. .
И жили мечтою о будущей встрече,
Вспоминая при этом последний вечер. . .
Но иногда – что же это скрывать? –

Каждый думал, ложась в кровать,
Что если бы сбылась их мечта,
Может, теперь была бы лишь пустота?

Может, так лучше —жить вечной мечтой,
Оставаясь всегда перед самой чертой?

Их любовь оставалась всегда молода.
И над нею не властны были года!

* * *

А я бы на их месте
все же рискнул!